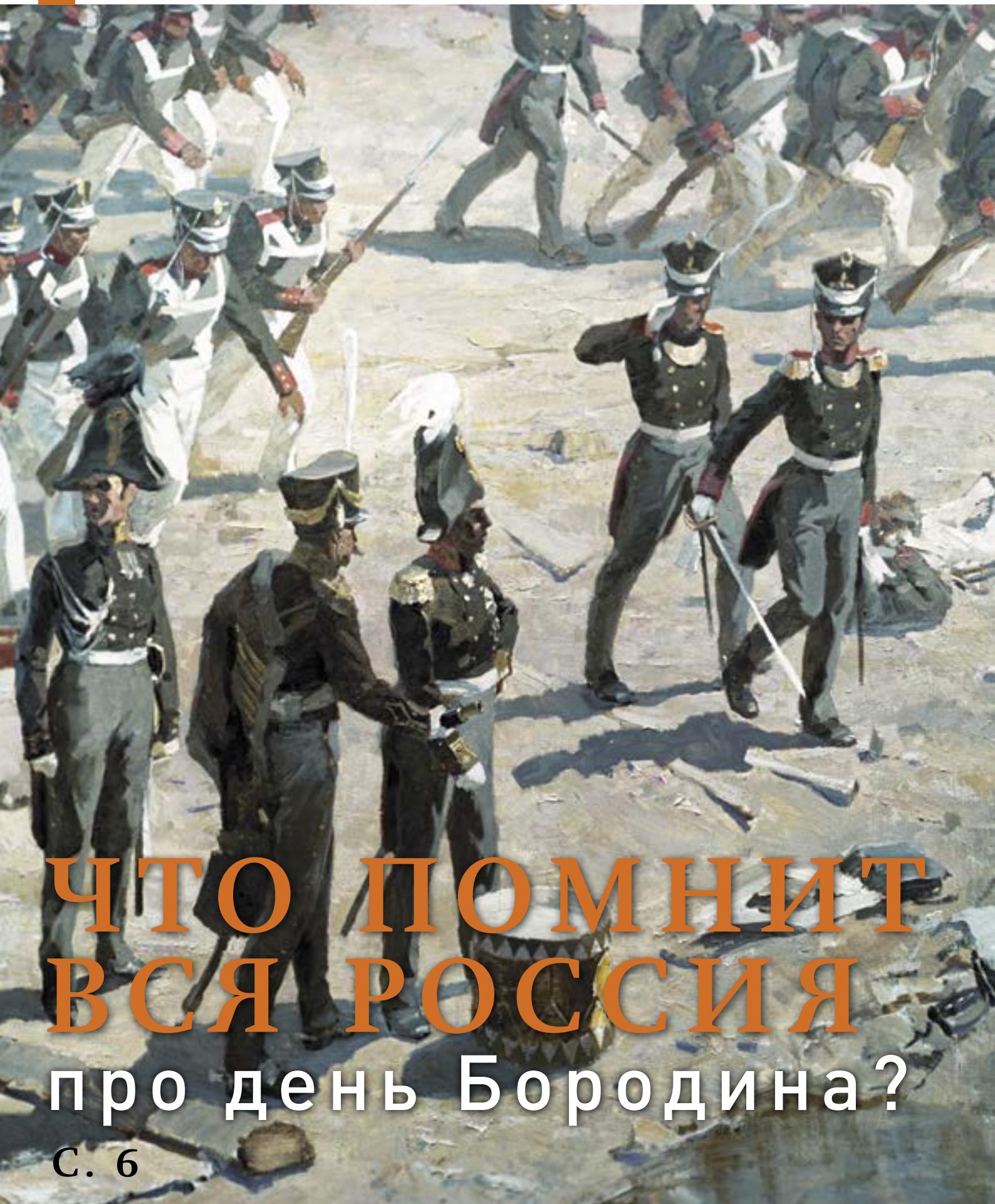

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЧТО ПОМНИТ
ВСЯ РОССИЯ
про день Бородина?

БИТВА С НЕВЕЖЕСТВОМ

НА ОДНОМ ИЗ ЗАСЕДАНИЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ 200-летия Бородинской битвы в зал было брошено убийственное обвинение: более половины нынешних школьников ничего толком не знают ни о Бородинской битве, ни о том, кто в ней победил, ни собственно о самой войне 1812 года. Ставший уже банальным журналистский прием – опрос жителей улиц, названных в честь героев той Отечественной войны, – принес столь же банальные результаты во всех городах, где такая акция проводилась: невежество по части исторических знаний глубоко укоренилось в обычательской среде. Причем чем моложе обычатель, тем глубже корни невежества. Такой вот парадокс.

О юбилее у нас, как всегда, словно спохвалились в последний момент: хорошая дата, надо провести мероприятия. Но выдернутые из контекста (желаемого, но, увы, нереально-го) постоянногоуважительного и достаточно глубокого изучения подрастающим поколением собственной истории праздничные мероприятия для многих зрителей грозят стать ни с чем в их головах не ассоциирующимся очередным веселым карнавалом-праздником. То ли День города, то ли «цирк приехал». Любопытно, что, когда сто лет назад праздновался юбилей этой же битвы, власти подошли к исторической дате куда масштабнее – начали готовиться заранее, печатали просветительские брошюры, проводили такие же просветительские мероприятия. И помимо собственно самого праздника, например, во многих губерниях были учреждены стипендии для учащихся (12 рублей, между прочим, по тем временам хорошие деньги). Тогда и в голову никому не пришло бы спрашивать у более или менее образованных обычателей (а нынче у нас все считаются образованными поголовно), знают ли они что-либо о войне 1812 года. Исторические знания были непременной частью воспитания и образования для более или менее грамотной части общества. Не только для выпускников «элитных», как сказали бы сейчас, классических гимназий, но и для простолюдинов из самых обычных школ. Для иллюстрации глубины изучения тогда отечественной истории достаточно посмотреть хотя бы на список исполняемых по случаю праздника учениками обычного приходского училища произведений в одной далеко не самой центральной губернии. Тут тебе, разумеется, непременное «Бородино» Лермонтова. Слава богу, и сейчас не преданное покамест забвению. Хотя не уверены, что его сейчас заучивают и декламируют по памяти в каж-

дой школе. Но помимо этого: марш Гинзбурга «В ногу, ребята!», басня И.А. Крылова «Волк на пасарне», стихотворения А.Н. Майкова «Сказание о 1812 году» и «Наполеон» и А.А. Дельвига «Бегство французов». Разве все это сейчас есть в школьной программе?

А что есть, что осталось? Осталось, к примеру, воспоминание одного из членов редколлегии о подслушанном случайно разговоре возле Бородинского моста близ Киевского вокзала в Москве. «В честь чего назван мост?» – «Да в честь битвы, где Суворов монголов разбил». И ведь не бомжи спившиеся – вполне прилично одетые люди разговаривали. Интересовались, так сказать, культуркой. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (председатель попечительского совета фонда)

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)»

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Россотрудничества

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Министр культуры Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

НИКОНОВ В.А.

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (председатель правления фонда)

БОГДАНОВ С.И.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы (заместитель председателя правления фонда)

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента Российской Федерации

ЮРКОВ Е.Е.

Директор Института русского языка и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы

СКОРОСПЕЛОВ П.П.

Заместитель председателя правления фонда

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамента культуры Аппарата правительства Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.

Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Директор департамента специальной связи МИД России

ФЕДЮКИН И.И.

Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ИСТОРИЯ

- 06** Братцы
- 12** Дело под Клястицами
- 14** Генерал-рыцарь
- 18** Победные врата

- 22** Двадцать карандашей для «Войны и мира»
- 26** Лесная обитель

РИА НОВОСТИ

НАСЛЕДИЕ

- 32** Илья Муромец русской поэзии
- 40** По ком звучит «Реквием»?

МУЗЕИ

- 48** В гостях у гения

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 54** Аэромост особого значения

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 60** Калмыцкое письмо
68 История одной школы

74 Хожение из Руси в Сербску землю

ИНТЕРВЬЮ

- 82** «Мне помогает неиссякаемая любовь моего народа к мифотворчеству»

ПУТЕШЕСТВИЕ

- 88** «Град небесный». «Град огуречный»

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-54-04, 981-56-95

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Татьяна БИРЮКОВА
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Дмитрий ИВАНОВ
Александр КОПИРОВСКИЙ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Виталий МЕНЬШИКОВ
Зоя МОЗАЛЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Петр ЧЕРЕМУШКИН

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: репродукция фрагмента панорамы Бородинской битвы «Командный пункт генерала Д.С. Дохтурова» художника Франца Алексеевича Рубо
РИА НОВОСТИ

БРАТЦЫ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

СЕЙЧАС БЫ ЭТО НАЗВАЛИ ИНСТРУКЦИЕЙ. ИЛИ – СПРАВКОЙ. А В 1908 ГОДУ СПЕЦИАЛЬНОГО СЛОВА ЕЩЕ НЕ ПРИДУМАЛИ. НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ НАПИСАЛИ ПРОСТО – «ПАМЯТКА ЛЕЙБ-ГРЕНАДЕР». ТОНКАЯ КНИЖЕЧКА ВЫДАВАЛАСЬ КАЖДОМУ НОВОБРАНЦУ ЗНАМЕНИТОГО ПОЛКА РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ, ПОЛУЧИВШЕГО ГВАРДЕЙСТВО ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА. ПО РАЗУМЕНИЮ НАЧАЛЬСТВА, СОЛДАТ ОБЯЗАН БЫЛ ЗНАТЬ ИСТОРИЮ ЧАСТИ, ФАМИЛИИ УСПЕШНЫХ ОФИЦЕРОВ, ДАТЫ СУРОВЫХ БОЕВ. ДАБЫ – ПРЕИСПОЛНЯЛСЯ И СООТВЕТСТВОВАЛ.

В атаку идет
сводно-
гренадерская
дивизия.
Фрагмент
панорамы Ф. Рубо
«Бородинская
битва». 1912 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ОДНАКО В «ПАМЯТКЕ» НЕ НАЙТИ ФАМИЛИЙ ОТЛИЧИВШИХСЯ нижних чинов. Такова была кажущаяся сегодня несправедливой, но вполне объяснимая логика военной историографии в Российской империи. Офицер был учителем и примером, он вел в бой и брал на себя ответственность. Он олицетворял власть и распоряжался ею. А солдат... Солдат выполнял приказ. В сражении под Остревно в конце июля 1812 года французская артиллерия била прямой наводкой по русской пехоте. В ответ на вопросы полковых командиров «Что делать?» генерал Остерман-Толстой приказал своему корпусу «Стоять и умирать! И что корпус? Стоял и умирал...

Как стояли и как умирали нижние чины и унтер-офицеры – это не являлось предметом памяти. Это было нормой поведения в бою. Что интересно, и в самой солдатской массе боевые подвиги не воспринимались как нечто выходящее из ряда вон. Первым врубиться в ряды вражеской кавалерии, вытащить из боя раненого командинра, терпеливо стоять в резерве под артиллерийским огнем – разве это подвиги? Разве можно русскому солдату вести себя иначе? Так воспитывали самих солдат, так формировали восприятие воинской отваги в остальном обществе. И потому свидетельства героических поступков, совершенных солдатами во время войны 1812 года, немногочисленны и скучны на подробности. Но тем ценнее сведения, дошедшие до нас спустя двести лет.

Леонтий Коренной

Пожалуй, это единственный солдат – герой Бородинского сражения, чья фамилия присутствует в некоторых школьных учебниках и, соответственно, в общественном сознании. Ефрейтора Коренного даже в «Википедии» не забыли. Что ж, с него и начнем.

На Бородине лейб-гвардии Финляндский полк попал под атаки французской тяжелой кавалерии за Багратионовыми флешиами. Тот самый случай, когда пехотному каре дрогнуть нельзя. Иначе растопчут и изрубят.

Дядька Коренной, заслуживший этот статус в силу 5-летнего опыта службы и феноменальных физических данных, был правофланговым 3-й гренадерской роты, куда по полковой традиции зачисляли самых видных и толковых солдат. Во время очередной атаки французских кирасир надо было во что бы то ни стало удержать опушку леса. Батальонные каре кое-где уже рассыпались на мелкие группы солдат, ощетинившихся штыками. Коренной собрал вокруг себя пять нижних чинов и занял опушку. Великолепная шестерка метким огнем в упор отогнала кавалеристов и еще умудрилась пойти в штыковую

контратаку. Все до одного получили солдатских «Георгиев». Весьма сумбурно изложил это событие полковой писарь: «Во все время сражения находились в стрелках и неоднократно опровергали усиливающиеся его цепи, поражая сильно, и каждый шаг ознаменовали мужеством и храбростью, чем, опрокинув неприятеля, предали его бегству и, выгнав его на штыках из лесу, заняли то место, которое ими несколько часов упорно было защищаемо».

В похожей ситуации Коренной отличился спустя год с лишним – в Битве народов под Лейпцигом, когда русская армия вместе с союзниками гнала Наполеона во Францию. Разница в том, что в ходе боя лейб-финляндец остался один в окружении вражеских солдат и бился до тех пор, пока не рухнул израненный штыками. Потерявшего сознание Коренного взяли в плен и предъявили самому Бонапарту. Тот, увидев на груди русского солдата Георгиевский крест, спросил:

– За что?

Услышав в ответ страшное слово «Бородино», распорядился отпустить Коренного, а кроме того – издать приказ по армии, в котором подвиг нашего гвардейца приводился в пример французским пехотинцам.

Участник
Бородинского
сражения
Мартин Южин.
Портрет работы
П. Лебедянцева.
1856 год

Гренадеры-рязанцы

Мы знаем замечательного русского генерала Михаила Скобелева. Генерал Иван Скобелев известен куда меньше. Но дед героя последней русско-турецкой войны тоже славно воевал. В Наполеоновских войнах получил орден Святого Георгия 4-го класса. И был популярен в середине XIX века как военный беллетрист. Его маленьными рассказами о солдатской жизни в «Северной пчеле» зачитывались многие. Были среди героев Скобелева и те солдаты, что служили в Рязанском пехотном полку, которым он командовал в 1813 году, и отличились в Бородинском сражении.

Полк стоял на стыке батареи Раевского и левого фланга русской обороны в отряде генерала Сиверса. Сражался целый день и с позиций не сдвинулся. Первая же атака французов – и завязалась рукопашная. На командинра полка набросились два француза. Солдат Ручкин бросился на помощь, заколол штыком одного, но и сам напоролся на французский штык, закрыв собой полковника от удара. Повезло: сталь ударила в ребро со спины и дальше не пошла. Повторить удар француз уже не успел. А Ручкин, едва вырвались из него чужой штык, рванулся вперед и уже своим штыком успокоил еще

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЬЕМ

трех французов. Видевший это Барклай-де-Толли поздравил Ручкина унтер-офицером и георгиевским кавалером и строго-настрого приказал отправляться в тыл на перевязку. Через пять дней свежеспеченный унтер снова был в строю полка.

Другой пехотинец-рязанец своего «Георгия» не дождался. Скончался прямо на поле боя. Но прежде... Солдату Сучкову ядром оторвало обе ноги. Потащили было с передовой линии, а он – ни в какую. Спасти все равно не спасти, а в сумке еще патроны остались. Упросил товарищей посадить его на холмике у леса – так, чтоб спиной к дереву. И – открыл огонь. 18 точных выстрелов успел сделать, пока душа не отлетела. Капралу 1-й гренадерской роты Свиристону ядром оторвало кисть рук. Не побежал, не рухнул, не заскулил Свиристон. Подобрал амуницию, взял оторванную кисть и отправился в тыл. Кто-то спросил, мол, зачем тебе оторванная рука, о душе пора подумать. Свиристон, будто и не под огнем вовсе, спокойно ответил: «Ведь не басурманам же ее оставить. Покажу лекарю. Коли не годится, окурю ладанцом, зарою с молитвою...»

А. Коцебу.
Лейб-гвардии
Измайловский
полк в Бородин-
ском сражении.
Середина
XIX века

Сон артиллериста Волкова

Гвардейская пешая артиллериya на Бородине выглядела более чем достойно. Роту Его Высочества двинули в первую линию к Семеновским флешиам в тот момент, когда смертельную рану получил князь Багратион. Огонь противника был так силен, что еще в движении к позиции рота потеряла свыше 30 человек и несколько зарядных ящиков. К счастью, все орудия оказались целы и немедленно приступили к делу. За исключением одного «единорога». Еще до первого выстрела вражеское ядро ранило первого номера расчета Осипа Поздеева и, разнеся в щепы банник, влетело прямо в ствол «единорога». Того хуже – вместе со щеткой банника, которую там, в жерле, и заклинило. Как ни пытались вытащить ядро – ни в какую! Пушку потащили в резерв, а расчет перераспределили между других орудий. С «единорогом» с позиции откомандировали только фейерверкера Ивана Волкова.

Вот, казалось бы, счастье привалило! Сиди себе в тылу при пушке, охраняй и радуйся... Еще под Смоленском Волкову приснился сон, как чужое

ядро залетает в его «единорог». Во сне фейерверкер так и не смог узнать, что делать в таких случаях. Зато наяву замучил всех ротных офицеров вопросом: как поступать? Видать, кто-то из них и дал толковый совет. Иван все сделал так, как присоветовал офицер: разжег огонь, накалил снятую с колеса шину, выжег банниковую щетку в стволе. Французское ядро само и выкатилось. Часа не прошло, как Волков приволок «единорог» назад на позицию. С банником – щеткой на длинной ручке, которой чистят стволы, – в русской артиллерии много баек связано. Самая известная – про генерал-майора Костенецкого, отличавшегося невиданной физической силой. Он на Бородине хоть и был в солидной должности – начальником артиллерии 6-го пехотного корпуса, – но в драке лично поучаствовал. Когда на одну из батарей ворвались французские уланы, схватил банник и ну выбивать им улан из седел. После Костенецкий испрашивал у Александра I разрешения на замену деревянных банников металлическими. Мол, так ими врукопашную работать сподручнее. А государь ответствовал, что ввести банники из ме-

талла – дело не хитрое. Но где столько Костенецких взять? Оказывается, некоторое количество нашлось бы прямо на Бородинском поле. В той же роте Его Высочества Пешей гвардейской артиллерии. Когда кирасиры Нансути наскочили на каре лейб-гвардии Измайловского полка, досталось и артиллеристам. Всадников, прорвавшихся на батарею, бомбардир Афанасьев обрабатывал то ли банником, то ли прибойником. Это тоже такая специальная штука на длинной ручке. Примерялся – и точным ударом в висок выбивал из седла одного кирасира за другим.

Безымянный егерь

Бородинское сражение началось ранним утром атакой пехотной дивизии Дельзона на село Бородино и мост через реку Колочь на крайнем правом фланге русской армии. Так вышло, что занимавший село лейб-гвардии Егерский полк в ночь с 6 на 7 сентября отправился в баню. Понятно, что деревенские бани невелики, а егерей – не менее 2 тысяч. Вот и затянулась процедура до рассвета. Француз ударили в тумане.

Само село вскоре пришлось оставить. Лейб-егеря зацепились за мост. Там-то и совершил свой подвиг недавний новобранец полка. Почему он не стал стрелять или брать вражеского офицера на штык, мы уже никогда не узнаем. То ли ружье оказалось незаряженным, то ли штык в суматохе затерялся или застрял в теле неприятеля... Короче говоря, егерь схватил набегавшего на него французского лейтенанта за шиворот, вырвал шпагу из руки и потащил через мост на русскую сторону. Тащил не останавливалась, прямо в ставку Кутузова. И сдал пленного, что называется, с рук на руки светлейшему князю. Главнокомандующий всяко видел, но тут полюбопытствовал на

А. Дезарно.
Атака 1-го
резервного
кавалерийского
корпуса генерала
Ф.П. Уварова
при Бородине.
1810-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Унтер-офицер
лейб-гвардии
Егерского
полка Леонтий
Шитиков.
Портрет работы
П. Лебедянцева.
1856 год

французском, как было дело. Лейтенант все и рассказал, добавив с искренним удивлением, что егеря его не обижали по дороге и даже кошелька не отняли. Наградить-то героя Кутузов наградил. Но спросить фамилию в свите не догадались. Так и помчался новоиспеченный георгиевский кавалер на позиции полка.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Конногвардейцы

Гвардейские полки русской тяжелой кавалерии вступили в дело во второй половине дня. Наполеон, озадаченный рядом конного корпуса графа Уварова и казаков Платова к себе в тыл, решил сосредоточить все усилия на центральном направлении и взять-таки Курганную высоту, получившую впоследствии название батарии Раевского. К этому времени генерала Раевского на высоте уже не было. Его измотанные части сменил корпус Остермана-Толстого. В помощь пехоте и отрядили кавалергардов и Конную гвардию.

Рубка была изрядная. И в истории лейб-гвардии Конного полка остались фамилии отличившихся нижних чинов с короткими формулировками, объясняющими причину представления к наградам.

Вахмистр Ярославцев спас эскадронного командира полковника Андреевского из толпы неприятелей. Унтер-офицеры Тищенко, Перцов, рядовые Андреев, Тарасенко, Михайлов и Добропасенко, видя поручика Шарлемонта в толпе неприятелей, наскакали на них и вывели его оттуда. Рядовой Бабенко спас ротмистра Орлова. Рядовые

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лагутин и Хохлов спасли пору-
чика князя Голицына. Вахмистр
Дакунин врубился в непри-
ятельскую колонну. Трубач Еме-
льянов взял в плен французско-
го рядового. Рядовые Величко,
Котиль, Пашченко, Олеников
спасли штабс-ротмистра графа
Тишкевича, поручиков Тимиря-
зева и Шарлемонта. Вахмистр
Иванов напал на неприятеля,
устремившегося на командира
полка генерал-майора Шевича.
Рядовой Музыка взял в плен
штаб-офицера и рядового.
Скоробогатов, Ляпин, Мамакин
и Гринюк спасли от плена двух
офицеров Лейб-кирасирского
Ее Величества полка.
Слишком буднично выглядит
этот перечень. Слишком пре-
сно. Но немного фантазии –
и можно представить себе
стройные шеренги эскадронов
лейб-гвардии Конного полка
в ожидании команды «Марш-
марш!»...

Н. Самокиш.
Атака
лейб-гвардии
Литовского
полка. 1912 год

Фельдфебель Лехнов

Батальонные каре лейб-гвардии Измайлловского полка ждали кавалерию Нансути и Латур-Мабура за Семеновскими флешиами. Рядом стояли живые стены лейб-гвардии Литовского полка. В первую атаку бросились саксонские кирасиры. Их подпустили на 50 шагов и дали залп. Этого оказалось достаточно, чтобы тяжелые кони с одетыми в железные кирасы всадниками развернулись и ускакали. Те, кто не остался лежать перед шестью каре измайлловцев и литовцев. В следующую атаку двинулись французские конные гренадеры. Всем видом они давали понять, что время шуток прошло. Что там саксонцы? Вот перед вами цвет европейской кавалерии! Но «цвет», преодолев залповый огонь, оказался на флангах каре, где напоролся на

измайлловские штыки. Лавина всадников откатилась на исходную. Какой-то бравый французский полковник выскакал перед расстроенным эскадронами и личным примером попытался поднять их боевой дух. Далековато для прицельной стрельбы. Но фельдфебель-измайлловец Георгий Лехнов степенно обратился к офицеру, испросил разрешения на выстрел, приладился и нажал на курок. Видно было, как полковник привстал в стременах, замер на мгновение, схватился за грудь и рухнул оземь. Наповал! Лехнов так же степенно вернулся в строй. Прошло некоторое время под картечным огнем. Каре стояли там же. Кавалерия Мюрута подготовилась к третьей атаке. Двинулись кони, перешли на рысь, потом – в карьер... И снова залпы останавливают эту массу всадников. И снова те немно-

гие, что прорываются к каре, гибнут, накалываясь на штыки измайловцев и литовцев.

Подпрапорщик Безобразов, стоявший в углу каре, выскочил из ряда и успел штыком свалить с лошади скакавшего мимо кирасира. Рядовой Головкин закалывать никого не стал. Вышел из строя, выловил четырех кирасир, под которыми рухнули раненые кони, и привел их в плен. Комбинированный план предпочли рядовые Щедров, Лытайн, Романов, Руслов, Васильев и Павлов. Поработав штыками над отставшими всадниками, шестерых привели с собой.

Умирали измайловцы также достойно, как сражались. Рядовой Черкасов получил смертельную рану, но прежде, чем отдать Богу душу, сорвал с мундира Георгиевский крест и крикнул: «Отдайте ротному командиру, а то попадет в руки к басурманам».

Уфимский список

Среди прочих полков русской армии, покрывших себя славой на Бородине, числится и Уфимский пехотный. Полк как полк, не лучше и не хуже остальных. К началу Отечественной войны 1812 года его история насчитывала всего полтора десятка лет. И это как нельзя лучше подчеркивает, что и русская армия в тот период была в отличном состоянии, и солдаты простых армейских полков из отдаленных окраин империи готовы были воевать достойно.

В полковой истории не осталось описаний конкретных подвигов на Бородинском поле. Но в фондах Бородинского военно-исторического музея хранится наградной список нижних чинов Уфимского полка, представленных к награждению Знаком отличия ордена Святого Георгия. Есть и формулировка: «Сии воины были отменной храбости преисполнены. Во все времена сражения находились впереди, ободряли своих товарищей,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Рядовой
лейб-гвардии
Семеновского
полка Лазарь
Тимофеев.
Портрет работы
П. Лебедянцева.
1856 год

когда же неприятель пошел на редут, то, несмотря на сильный картечный огонь, оные воины первыми в штыки устремились, многие из них ранены были, но побоище до самой ночи не оставили». Вот их фамилии: Арслан Ахметов, Ислам Бакиров, Павел Жуков, Яков Иванов, Салават Нуриев, Тимирзан Султанов, Данила Хавтурин, Корней Шкурлатен.

Есть еще один удивительный список. В Уфимском пехотном полку в нижних чинах, а также подпрапорщиками и портупей-прапорщиками служили и представители дворянского сословия. Всего таковых, участвовавших в Бородинском бою, – 8 человек. Среди них два брата: Шамшев А.П. и Шамшев Д.П. Оба – рядовые. От роду – четырнадцати лет...

Преображенец-ветеран

Случалось и обратное. Среди прочих награжденных за Бородино оказался и унтер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка Федор Черняев. Он успел повоевать с турками. Брал Очаков в 1788 году и Измаил в 1790-м. Сражался с французыми в 1805-м под Аустерлицем.

К тому моменту, когда началась Отечественная война, прослужил в армии... 35 лет!

После Бородинского сражения ветеран, кстати говоря, тоже не успокоился. Дрался с Наполеоном под Кульмом в 1813 году, брал Париж в 1814-м.

Год спустя его произвели в офицеры, наградили орденом Святого Георгия. Редкий случай по тем временам, когда на мундире одного человека можно было увидеть и солдатского, и офицерского «Георгия». В отставку Черняев вышел в чине штабс-капитана только тогда, когда наступили в России мирные времена, – в 1816-м.

* * *

Солдат и унтер-офицеров за подвиги в Отечественной войне 1812 года награждали только одной наградой – Знаком отличия ордена Святого Георгия. Тогда не было степеней, и в случаях, когда кто-то отличался повторно, жаловали деньгами – прибавкой в треть жалованья. На третий раз денежное довольствие увеличивали вдвое. Повторные награждения не практиковались. Но один и тот же крест могли получить несколько человек. Дело в том, что солдатский «Егорий» после смерти владельца сдавался в орденский Капитул и дальше им могли наградить следующего героя.

Тем не менее имеется довольно точная статистика по награждениям. А следовательно – и по числу официально признанных солдатских подвигов в 1812 году. Всего в Отечественную войну было произведено 6783 награждения.

Сохранились послужные формуляры, наградные списки, рапорты с представлениями. Но сухими документами не замениТЬ живое описание подвига. И утерянное единожды нам не вернуть.

Но такова уж была традиция в русской армии. Подвиг – это и есть солдатская работа. Хотя всем и всегда было очевидно: солдатская работа – это и есть подвиг. ●

ДЕЛО ПОД КЛЯСТИЦАМИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

НЕМНОГО НАЙДЕТСЯ В ЕВРОПЕ СТОЛИЦ, НИ РАЗУ НЕ ПУСТИВШИХ В СВОИ ПРЕДЕЛЫ ВРАЖЕСКОГО СОЛДАТА. ЕСЛИ ВООБЩЕ НАЙДУТСЯ. ДАЖЕ КИЧАНИЙСЯ СВОЕЙ НЕДОСЯГАЕМОСТЬЮ ЛОНДОН ОТКРЫВАЛ ВОРОТА ЗАХВАТЧИКАМ. ДВАЖДЫ ВИКИНГАМ, ПОТОМ – НОРМАННАМ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ. ДАВНО ЭТО БЫЛО, Но ВЕДЬ БЫЛО.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – счастливое исключение. За триста с лишним лет существования города только однажды враг вплотную подошел к его границам. В 1941-м. Но так и не

смог их пересечь. Хотя если говорить строго, Питер в это время столицей уже не был. А вот с момента основания в 1703 году и до возвращения столичного статуса Москве в 1918-м попытки сладить с го-

родом на Неве глохли в отдалении. Так было и в Отечественную войну 1812 года.

…Чем хороши питерские дожди, так это тем, что, если уж пообещались быть, значит, будут обязательно. В полночь на 1 августа термометр на вокзале в Москве показывал за 30 по Цельсию. А петербургское утро встречает наступившимся небом и прохладным ветром. В такую погоду хорошо играть в футбол и воевать. Интересно, какие погоды стояли в Питере ровно двести лет назад, когда город напряженно ждал, чем закончится сражение под Клястицами? Сами Клястицы – это, конечно, далеко. В Белоруссии, под Витебском, примерно

Сражение при Клястицах. Картина Петера Гесса из собрания Государственного Эрмитажа

450 километров на юго-запад от Петербурга. Потому и паники не было, но на всякий случай из столицы вывезли всякие ценности и архивы. Наполеон – человек серьезный...

На петербургское направление французский император отрядил два полноценных корпуса: маршалов Удино (28 тысяч) и Макдональда (30 тысяч) при 114 орудиях. Им противостоял 1-й пехотный корпус русской армии под командованием генерал-лейтенанта Петра Христиановича Витгенштейна численностью до 23 тысяч человек, 108 орудий. 30 июля Удино и Витгенштейн встретились у селения Клястицы, где и произошло трехдневное сражение, в котором потери французов оцениваются в 5,5 тысячи убитыми и ранеными, 3 тысячи пленными. Несмотря на тотальное превосходство в живой силе и артиллерию, корпус Удино не выдержал напора русских и отступил. В дальнейшем французские маршалы так и не рискнули идти на Петербург. Более того, Наполеон, опасаясь за тыловые коммуникации, выделил им в поддержку еще и корпус Сен-Сира, ослабив мощь удар-

ной группировки, шедшей на Москву.

Победа под Клястицами – первый крупный успех русского оружия в войне 1812 года. Она подарила веру, что с армией «двунадесяти языков» можно справиться...

По-питерски

Когда городские власти Санкт-Петербурга готовили программу памяти Клястицкого сражения, предложений поначалу было много. Вплоть до парада на Дворцовой площади. Но потом решили – без попытки. Парадных строев и всяческих военно-исторических шоу будет в этом году в России в избытке. Надо как-то постороже и поизящнее, что ли. Короче – по-питерски.

Первый адрес – Казанский кафедральный собор. В 9 утра настоятель собора протоиерей Павел Красноцветов начинает поминальную службу. Помимо членов официальной делегации и прессы в храме в этот час собралось довольно много людей, как говорится, со стороны. В приделе, где находится могила светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова,

с каждой минутой толпа становится все плотнее. Как обычно, откуда-то взялись японцы с фотоаппаратами, но это не раздражало. Пусть и в Японии что-то узнают про Клястицы!

После церковной службы официальная делегация, ведомая главой комитета по охране памятников Санкт-Петербурга Александром Макаровым, едет на Волковское кладбище. Это старый и большой погост, включающий в себя православную, старообрядческую, единоверческую и лютеранскую части. Кладбище известно своими «Литераторскими мостками». Когда-то аллеи и дорожки между могилами, дабы уберечься от грязи, накрывали деревянными мостками. Отсюда и названия отдельных участков: «Немецкие мостки», «Цыганские»... На Волковском, где «Литераторские мостки», лежат Белинский, Добролюбов, Тургенев, Гончаров, Лесков, Салтыков-Щедрин, Куприн.

Но в лютеранской части есть еще одна примечательная могила. Здесь покоятся прах кавалера всех степеней ордена Святого Георгия генерал-фельдмаршала графа Ивана Ивановича Дибича-Забалкан-

На службе
в Казанском
кафедральном
соборе

ского. Кавалером он стал, разумеется, не сразу. Но военная карьера этого человека потрясает. За 28 лет из прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка, куда он поступил в 1801 году, Дибич превратился в одного из самых ярких и знаменитых русских полководцев, выиграв Русско-турецкую войну 1828–1829 годов. Эта кампания и принесла ему почетную приставку «Забалканский». Что до периода Наполеоновских войн, то в послужном списке будущего фельдмаршала есть многое: Аустерлиц, Гейльсберг, Дрезден, Кульм, Лейпциг. А в 1812-м он командовал частями в корпусе Витгенштейна.

...В полдень, как и положено, бьет пушка на кронверке Петропавловской крепости. И едва затихает эхо выстрела – в Георгиевском зале Зимнего дворца начинается торжественная церемония, посвященная «Спасению Петербурга – 200-летию Клястицкого сражения». Так прямо и написано в приглашении – «Спасению!..» В связи с военно-историческими датами в Эрмитаже давно сложилась особая традиция. Прежде всего в зал выносят полковые знамена и штандарты Русской императорской армии. Вот и на сей раз перед сотнями людей церемониальным маршем проходят солдаты Роты почетного караула. Над их голо-

вами – знамена лейб-гвардии Преображенского и Перновского пехотного полков, штандарты лейб-гвардии Конного и лейб-гвардии Драгунского. Гулко бьют сапоги по вечно-му паркету. Блухо звучат команды начальника расчета. И едва древки стукнули об пол, наступают секунды тишины. В суть события вводит генеральный директор Государственно-го Эрмитажа Михаил Пиотровский. Об отношении Петербурга сегодняшнего к событиям 200-летней давности говорит губернатор Георгий Полтавченко. И – музыка! Звучат полковые марши в исполнении военно-морского оркестра. Вот и все. А что еще нужно?

Генерал-рыцарь

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЛАТВИИ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПОСОЛЬСТВА РОССИИ И МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ УСТАНОВИЛИ ПАМЯТНИК ГЕРОЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ЯКОВУ КУЛЬНЕВУ И ВОЗРОДИЛИ ХРАМ, ГДЕ ПОКОИТСЯ ЕГО ПРАХ.

НАКАНУНЕ БИТВЫ ПОД ПОЛОЦКОМ, у деревни Клястицы, 30 июля – 1 августа 1812 года (18–20 июля по старому стилю) командир Гродненского гусарского полка Яков Петрович Кульnev был молчалив и задумчив. То и дело он с печалью оглядывал леса и поля вокруг. Это были места, где он родился и где прошло его детство... К началу войны с французами имя «генерала-рыцаря», как его нередко называли современники, уже гремело по всей России. Он прославился не только в битвах со шведами, финнами, турками, но и редким благородством и отвагой. Лубки с его портретами украшали крестьянские избы и харчевни... В составе корпуса генерала Петра Христиановича Витгенштейна, прикрывавшего от неприятеля дорогу на Санкт-Петербург, силы под командованием Кульнева менее чем за месяц несколько раз

атаковали французов. В итоге – свыше полутора тысяч пленных и захваченный обоз маршала Удино. Между прочим, в числе пленных оказался один генерал. Да еще какой – сам Сен-Жени, любимец Наполеона! Он стал первым французским генералом, попавшим в плен к русским, не удивительно, что вся Москва сбежалась поглязеть на него, как на чудо заморское...

Бой под Клястицами закончился решительной победой русской армии. Французский авангард отступил, в панике побросав обозы и раненых. Грусть прошла! В пылу погони за отступающими французами генерал Кульnev перешел через реку Дрисса, не заметив подхода главных сил противника. Несколько раз во главе своего гусарского полка он бросался в яростные атаки на французов, но все же 1 августа вынужден был отойти к деревне Сивошино. Генерал Кульnev храбро сражался, командуя артиллеристами и прикрывая отход своих товарищей, пока его не настигло французское ядро, оторвавшее ему обе ноги выше колена. Он не сразу потерял сознание, успел сорвать с себя ордена и отдать товарищам, чтобы не достались врагу. Последними словами умирающего воина были: «Друзья, не уступайте врагу ни шага родной земли. Победа вас ожидает!» Яков Кульnev и здесь оказался в авангарде, став первым русским генералом, героически павшим в Отечественной войне 1812 года... На месте его гибели был установлен придорожный камень с надписью: «На сем месте пал, увенчан победой, храбрый Кульnev, как верный сын, за любезное ему Отечество сражаясь. Славный конец его подобен и славной жизни. Оттоман, Галл, Германец и Швед зрели его мужество и неустрашимость на поле чести. Стой, прохожий, кто бы ты ни был. Гражданин или Воин, но почти его память слезою».

Прошло двести лет. В годовщину гибели одного из самых дерзких генералов русской армии на родине Якова Кульнева, в Лудзенском крае, нынешней латвийской Латгалии, восстановлен храм-усыпальница семьи Кульневых в селении Илзескалнс, где покоятся останки легендарного генерала. Как гласит памятная доска, прах героя с места его гибели был перенесен сюда в 1832 году по велению

Вынос знамен
и штандартов
в Георгиевском зале
Государственного
Эрмитажа

ИТАР-ТАСС

императора Николая I. Храм во имя иконы Богородицы «Всех скорбящих радость» стоит на возвышении у леса, он виден издалека, сверкая на солнце своими серебристыми куполами. Не верится, что недавно здесь все стояло в запустении после пожара, случившегося от удара молнии восемь лет назад... В прошлом году латгалы обратились в российское посольство с просьбой помочь в реконструкции храма. Вскоре подключились и местные власти, нашлись и частные спонсоры. И вот 2 августа в восстановленном латгальском храме состоялся благодарственный молебен, который отслужил митрополит Рижский и всея Латвии Александр при огромном стечении народа. Он же отслужил торжественную панихиду по славному генерал-майору Якову Кульеву и всем воинам, павшим на полях войны 1812 года, а также по императору Александру I.

«Сегодня храму исполняется 180 лет, он был сооружен братом генерала Михаилом в имении, принадлежащем Якову Петровичу Кульеву, герою, который показал молодому поколению того времени и всем последующим пример служения своему Отечеству и своему народу, крепкую пламенную веру в Бога, веру в людей», – отметил митрополит в своей речи. На могиле героя у алтаря были возложены белые розы – символ памяти и печали. Владыка Александр искренне поблагодарил всех, кто принимал участие в реконструкции и сохранении этого удивительного памятника истории и архитектуры, после чего вручил награды всем участникам – патриаршие грамоты, ордена и медали. Посол Рос-

сии в Латвии Александр Вешняков был удостоен за труды орденским знаком, орденской серебряной звездой и орденом Святого священномученика Иоанна Рижского (Поммерса) 2-й степени. В своем ответном слове российский посол поздравил всех с восстановлением еще одного православного храма на латвийской земле. «Символично, что этот храм восстановлен общими усилиями людей разных национальностей, граждан разных государств, которых объединяет общая история и общая память о наших предках, защитивших двести лет назад наше Отечество и нашу веру, – отметил Александр Альбертович. – Восстановлен не просто православный храм, а прекрасный памятник культуры, и я убежден, что он будет востребован не только местными прихожанами, но и всеми латвийцами, а также туристами, которые будут приезжать в Латгалию, чтобы полюбоваться краем голубых озер, будут изучать историю наших предков, живших здесь и сражавшихся за веру, за правду, за Отечество!»

После окончания торжественной части и небольшой трапезы, устроенной прихожанами для гостей, праздник продолжился по соседству, в городе Лудзе, или Люцин, как он назывался во времена Якова Кульевна, который родился здесь 5 августа 1763 года. А 2 августа 2012 года на родине ему был установлен бронзовый бюст, ставший первым памятником в Лудзе. И тут Кульев в всех опередил!

Это один из самых древних городов Латвии, расположенный в 30 километрах от российской границы. В августе Лудза праздновала свое 835-летие, живописные развалины старинного замка, построенного на самой большой возвышенности в XIV веке рыцарями Ливонского ордена, хранят воспоминания о тех непростых временах. Вот и юный Яков Кульев, родившийся в многодетной семье (шесть сыновей и дочь) предводителя дворянства и городничего города Люцина Петра Кульевна, наверняка тоже любовался величественными руинами замка и мечтал о военных походах и боевых сражениях. Другом семьи и кумиром будущего генерала был великий русский полководец Александр Васильевич Суворов. Именно по его рекомендации и с его благословения Яков вместе с младшим братом, Иваном (впоследствии тоже ставшим генералом), воспитывался в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе.

Восстановленный храм,
где покоятся
останки
генерала
Кульевна
и его родных

Царское Село

Далее поминальная дорога ведет нас в Царское Село. Официально – все еще Пушкин. Но это уж кому как нравится. В Царском всегда стояло довольно много воинских частей. Но отдельная страница истории этого пригорода – район София, где дислоцировался лейб-гвардии Гусарский полк. От царскосельских гусар и сегодня сохранилось достаточно. Есть Гусарская улица, стоят полковые казармы. Однако главное место – собор во имя святой Софии Премудрости Божией, освященный еще в 1788 году. Он же – полковой храм лейб-гусар. Настоятель собора отец Геннадий, улыбчивый и радушный, знакомит с историей храма,

рассказывает о том, что сегодня удалось вернуть этому месту былое значение. В Пушкине по-прежнему много военных, и они уже не сомневаются в том, что Софийский собор – храм воинский. Идут на службы сюда и ветераны-афганцы, и ребята, хлебнувшие лиха на Северном Кавказе. Отец Геннадий интересуется, нет ли вопросов. Давно хотелось узнать, можно ли в поминальных записках просить за гусарского поручика Михаила Лермонтова, молившегося в этих стенах. Ведь если по канону, то убитый на дуэли приравнивается к самоубийце. А таких в православных храмах не поминают. Вот и спрашиваю.

Отец Геннадий, не задумываясь над казуистикой вопроса, отвечает вопросом на вопрос:

– А что, разве мы Пушкина не поминаем? Можно, конечно, можно. Идите, пишите залиски...

Территория Софийского собора большая и ухоженная. Сбоку от храма – монумент воинской славы в честь офицеров и нижних чинов лейб-гвардии Гусарского полка.

Герой войны 1812 года шеф Гродненского гусарского полка (впоследствии – лейб-гвардии) генерал-майор Яков Петрович Кульев в лейб-гусарах не служил. Но являлся собой образец гусара. И потому вполне уместно, что панихида по нему устроилась

Ныне в бывшем родовом поместье Кульевых располагается Лудзенский краеведческий музей – скромного вида двухэтажное строение, рядом сад с прудом, мельницей и зелеными лужайками. На одной из лужаек установлена довольно изящная старинная пушка. Как гласит легенда, в 1810 году, защищая Отечество на берегах Дуная, Яков Кульев отбил у турецкого паша пушку с лафетом, долгое время она путешествовала с ним по городам и гарнизонам. В одном из писем к брату Ивану он просил доставить трофей в Люцин: «Когда Бог дарует мир с турками, тогда приеду в Люцин поотдохнуть: съедемся вместе, дадим великолепный бал и будем из пушки попаливать». Но пока еще не прозвучали пушечные залпы и памятник стоит на постаменте, укрытый белым полотном, мы успеваем заглянуть в музей и полюбоваться его экспонатами. Одна из экспозиций целиком посвящена русскому генералу – герою войны 1812 года. Здесь выставлены гусарский мундир, знаки отличия императорского полка, монеты 1812 года, наградная сабля генерала, серебряная лавровая ветвь, привезенная в 1912 году родственниками Кульевы и офицерами Сумского гусарского полка на могилу героя в Илзескалнс к 100-летию его гибели, письма Якова Петровича брату, в одном из которых он пишет: «Герой, который служит своему Отечеству, никогда не умирает, но помнится в будущих поколениях». Рядом – ноты с маршем, написанным князем Долгоруким на смерть генерала Кульева в 1812 году...

Идея об открытии памятника Якову Кульеву на его малой родине принадлежит двум сподвижникам, возглавляющим Пушкинское общество в Латвии, – Леониду Ленцу, актеру Рижского русского театра им. Михаила Чехова, и его жене Светлане Видякиной. Три года назад, благодаря их настойчивости и упорству, в Риге был открыт памятник А.С. Пушкину – дар мэрии Москвы латвийской столице. Сегодня скульптура русского поэта работы московского ваятеля Александра Таратынова стала местом паломничества любителей поэзии и влюбленных. И вот второй памятник, Кульеву, работы того же скульптора. «Много лет назад мы с Леонидом приезжали в Латгалию со своими концертами, проводили в Лудзе Пушкинские чтения, – рассказывает Светлана Видякина. – Так мы познакомились с местным сообществом

любителей литературы «Радуга», от них узнали много нового о героическом генерале Якове Кульеве. Мы начали собирать о нем материалы, и их набралось не так уж мало. Между прочим, он послужил прототипом Дубровского в повести Пушкина, да и упоминается там в пересказе помещицы Глобовой: «...входит ко мне человек лет 35, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде, сущий портрет Кульева...»

О личной жизни боевого генерала известно немного, он не был женат, хотя однажды это чуть не произошло. История не сохранила имени его возлюбленной, известно лишь, что она была очаровательной полькой из знатного рода. Брату Ивану Яков писал, что скоро случится восьмое чудо света – он женится! Но его невеста, не желая остаться прежде времени молодой вдовой, предложила ему оставить воинскую службу. Кульев оставил... невесту, написав ей, что, сколь ни велика его любовь к ней, службу Отечеству он ценит выше долга супружеского. Как там в романе поется? «Не обещайте деве юной любви вечной на земле»...

Когда в Лудзенском краеведческом музее открылась мемориальная комната, Светлана привезла сюда Кульевскую выставку, подготовленную рижским историком Феликсом Талбергом. В местный музей приезжали школьники из Финляндии, где читят память о русском генерале-рыцаре, который никогда не убивал пленных и защищал мирное население от мародеров, делился

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

именно здесь, у полкового гусарского храма. О Кульеве сохранилось множество историй, подчас – истинных, порой – легендарных. Якову Петровичу приписывают фразу: «Матушка-Россия хороша уж тем, что в каком-нибудь ее углу, да дерутся». Во время Русско-шведской войны 1808–1809 годов он, полковник чужой армии, так благородно и внимательно вел себя по отношению к финскому населению, что заслужил в Суоми всеобщую благодарность. При Клястицах Кульеву ядром оторвало обе ноги, но, умирая, он успел отдать последний приказ: чтобы сняли с него генеральский мундир с орденами, дабы французы не радовались

смерти русского высшего офицера. Наполеон, узнав о гибели шефа гродненцев, писал супруге: «Убит Кульев, лучший русский офицер кавалерии». Распространена точка зрения, что Кульев стал первым русским генералом, погибшим в Отечественную войну 1812 года. Неделей ранее до смерти Якова Петровича в бою под Островно погиб генерал-майор Окулов, командир бригады 4-го пехотного корпуса Остермана-Толстого. Но стоит ли мерить историю Кульева сроками смерти? ...Завершается панихида. Несем венки к памятнику лейб-гусарам. На землю Софии падают первые капли теплого дождя, обещанного Петербур-

гом с утра. Не обманул великий город.

Последний бросок – в Павловск. Тут, в самом скромном и самом прелестном из пригородных дворцов Петербурга, – концерт в память 200-летия Клястицкого сражения. Зал в Павильоне Роз, которым владел когда-то и который так любил князь Петр Иванович Багратион в бытность свою военным губернатором Павловска, заполнен до отказа. Кто-то, как и мы, пришел по «Клястицкому делу». Кто-то, из местных, просто послушать хорошую музыку. Нечасто услышишь Преображенский марш в исполнении оркестра роговых инструментов. А ведь он только так и звучал когда-то, при Петре... ☺

продовольствием с простыми крестьянами и солдатами. Финские школьники наизусть читают посвященную Якову Кульеву поэму знаменитого финско-шведского поэта Йохана Рунеберга, которая входит в школьную программу. Последнее обстоятельство тогда немало поразило Светлану Видякину, и она, взяв портрет прославленного героя Отечественной войны, обошла несколько русских школ Риги, спрашивая у ребят, кто это. Никто не смог ответить правильно, кроме учащихся одной частной школы... Тогда-то у пушкинистов и сотрудников Лудзенского музея созрела идея поставить памятник героическому латгалцу. Тем более что близился юбилейный год, когда Россия чествует героев–победителей в войне с Наполеоном. Как же можно обойти вниманием русского генерала, чей портрет открывает военную галерею в Эрмитаже? Светлана показала Таратынову портрет Якова Петровича, тот дал свое согласие на работу, отметив выразительную фактуру героя. В своих исторических очерках Валентин Пикуль, опираясь на воспоминания современников Кульевна, дал такое описание генерала: «Яков Петрович был великанином, души добрейшей и благородной. А вид имел зверский: нос у него громадный, красный, лицо в кущах бакенбард, зачесанных вперед от висков, а глаза – как уgli».

Средства на открытие памятника собирали всем миром. В итоге проект поддержали российское посольство и Лудзенская

краевая дума, депутаты партии «Центр согласия», российский Общественный совет по празднованию 200-летия победы в войне 1812 года и десятки людей доброй воли, в том числе ветеран 130-го Латышского стрелкового корпуса Альберт Паже (герой одной Отечественной войны – герою другой!), и бывший советник российского посла в Сингапуре, уроженец Лудзы Владимир Микунов, который еще прислал в музей землякам копию «Патента о присвоении Кульеву воинского звания полковника». И вот настал торжественный момент – посол России, мэр Лудзы, митрополит Латвии и автор скульптуры под звуки гимна «Славься!» снимают полотнище с памятника. Звучат пушечные выстрелы, троекратное «Ура!» и... перед собравшейся публикой предстает генерал собственной персоной. В наброшенной на плечо гусарской венгерке, чуть уставший с дороги и слегка удивленный поднятым переполохом у его дома – ну да, прибыл, что ж тут такого? Задержался в пути на двести лет, но вернулся же! В этот день у памятника герою прозвучало много теплых речей, поздравлений, стихов, песен под гитару, гости долго не хотели расходиться, фотографируясь рядом с Кульевым и с охранявшими его бравыми гусарами из клуба исторической реконструкции. За всей этой радостной суетой со стороны с улыбкой наблюдал Александр Таратынов, явно довольный тем, как лудзенцы приняли его работу. Выступая на открытии, скульптор поблагодарил за высокую оценку его труда, сказав, что работал с большим воодушевлением. Выразив надежду, что отныне Кульев будет стоять здесь на века, автор памятника преподнес в дар городу небольшую скульптуру Наполеона: «Как нам известно из истории, генерал Кульев мечтал захватить в плен Наполеона, о чем он не раз говорил друзьям. При жизни сделать это ему не довелось, но я хочу, чтобы сегодня эта мечта каким-то образом стала реальностью – пусть этот бронзовый император останется в плену у русского генерала и его родного города», – сказал ваятель, вручая свой дар мэру Лудзы Алине Генделе. «Я был в гостях у генерала Кульева!» – отныне так с полным правом могут говорить посетители латгальского краеведческого музея. А Яков Петрович будет их встречать и провожать добрым, чуть усталым взглядом... ☺

Памятник генералу-рыцарю открыли митрополит Латвии Александр, посол России А. Вешняков, мэр Лудзы А. Генделе и автор А. Таратынов (слева)

ПОБЕДНЫЕ ВРАТА

АВТОР

ТАТЬЯНА БИРЮКОВА

ПОЧТИ ДВА СТОЛЕТИЯ НАЗАД В ЧЕСТЬ ПОБЕДЫ НАД НАПОЛЕОНОМ В МОСКВЕ У ТВЕРСКОЙ ЗАСТАВЫ БЫЛА ВОЗДВИГНУТА ЗНАМЕНИТАЯ ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА, УКРАШАЮЩАЯ НЫНЕ КУТУЗОВСКИЙ ПРОСПЕКТ СТОЛИЦЫ. ПРАВДА, ЕЕ ОТКРЫТИЕ В 1834 ГОДУ НЕ ОБОШЛОСЬ БЕЗ КОНФУЗА: МОСКОВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ОТКАЗАЛСЯ ОСВЯЩАТЬ ПАМЯТНИК ИЗ-ЗА РАЗМЕЩЕННЫХ НА НЕМ СКУЛЬПТУР МИФОЛОГИЧЕСКИХ БОГОВ...

ТРАДИЦИЮ УСТАНАВЛИВАТЬ ТРИУМФАЛЬНЫЕ АРКИ ВВЕЛ В РОССИИ ПЕТР I. Царь-реформатор вслед за Европой подпал под очарование античности, интерес к искусству и традициям которой в те времена был очень велик. Так, в 1696 году в Москве появилась первая триумфальная арка, перед Каменным мостом, знаменовавшая победу русского оружия в Азовском походе. Через нее триумфаторами прошли Петр I и Франц Лефорт со своими войсками. А еще спустя семь лет в столице были построены сразу три триумфальные арки – у Ильинских и Мясницких ворот, а также у Заиконоспасского монастыря. Так русский государь чествовал своих сподвижников по завоеванию Ингерманландии – Шереметева, Репнина и Брюса.

В память о героях

Победа в Отечественной войне 1812 года вызвала небывалый подъем патриотизма и гордости в русском обществе. «Не русские журналы пробудили к новой жизни русскую нацию, – ее пробудили славные опасности 1812 года», – писал позже Николай Чернышевский. Возвращавшиеся из Парижского похода 1815 года войска вместе с императором Александром I на родине ждали поистине триумфальный прием. В некоторых источниках утверждается, что для встречи императора в Москве, у Тверской заставы, поставили деревянную Триумфальную арку. Если это действительно так, то выбор места был не случайным: после переезда при Петре I царского двора в Санкт-Петербург Тверской тракт приобрел особое значение – он превратился в основную дорогу между старой и новой столицами. Тверская застава стала играть роль главного входа в Москву со стороны Санкт-Петербурга. Надо сказать, что в старые времена сразу за Тверской заставой Камер-Коллежского вала начиналась унылая степь, поросшая полынью и крапивой. Потом здесь построили кирпичные и салотопенные заводы, обосновались ямщики, возившие пассажиров по тракту в Тверь, а с начала XVIII века – еще и в Санкт-Петербург. Позднее в этой местности обустроили роскошные дачи, пруды, парк, театр и Вокзал. Жить здесь на даче – значило иметь хорошее состояние, быть модным... Но москвичи, желая отдать дань уважения и памяти всем сражавшимся в Отечественной войне, не хотели довольство-

ваться деревянными триумфальными воротами. И посчитали, что нужна непременно каменная арка.

В сметном отчете по займам на большие сооружения в Москве первой половины XIX века можно прочитать следующее: «На постройку Триумфальных ворот в 1829 году – 271 936 рублей». Как видим, реализация затеи с каменной Триумфальной аркой обходилась государству весьма недешево. Проект в чертежах был завершен и утвержден в 1827 году, а строительство Триумфальной арки было закончено в 1834 году. Причем ни сам проект, ни арку Александр I, которого народ называл Благословенным, уже не увидел: император скончался в 1825 году.

ну и Пожарскому вблизи Кремля, у Торговых рядов. – Прим. авт.). Под скульптурной конной композицией, созданной Иваном Витали, висела табличка с текстом, составленным автором архитектурного проекта арки Осипом Бове: «Блаженной памяти Александру I, восстановившему в прежнем блеске и великолепными зданиями и памятниками украсившему первопрестольный древний град, за четыренадесять пред сим лет от неистовых врагов разрушенный, Благоговейно сие посвящено, в лето от Рождества Христа 1826-ого». Видимо, в 1912 году после ремонта арки текст на таблице стал короче: «Благословенной памяти Александра I, воздвигшаго изъ пепла и отеческимъ попечениемъ украсившаго первопрестольный градъ сей, лѣта 1812, во время нашествія галловъ и съ ними двадесяти языцъ, огню преданный». В обоих текстах сооружение посвящалось именно императору, а потому Триумфальные ворота до революции часто называли Александровскими. На торжественной церемонии открытия Триумфальной арки произошел конфуз: московские священнослужители отказались освящать памятник, поскольку их смущили и привели в замешательство скульптуры и рельефы. Дело в том, что скульпторы Иван Витали, Иван Тимофеев и Федор Толстой украсили арку аллегорическими статуями «Твердость» и «Храбрость», изваяниями богинь Победы и Славы и других обитателей древнего Олимпа. На рельефах красовались римская Минерва и греческий Геракл... А вот москвичи своей новой аркой чрезвычайно гордились, хотя

Александровские ворота

Триумфальная арка была третьим по счету гражданским памятником из тех, что украшали московские площади (помимо Красных ворот на линии Земляного вала и монумента Мини-

Осип Иванович Бове (1784–1834), архитектор, автор проекта Триумфальных ворот

РИА НОВОСТИ

в первые несколько лет после окончания строительства не-пременно с усмешкой упоминали о том, что все бронзовые фигуры воинов Витали лепил с мещанина Ивана Николаева Гладкова, кузнеца местности Тверской заставы.

...4 октября 1904 года у Триумфальной арки собралась огромная толпа зевак. Некий человек, взобравшись на самый верх арки, оказался прямо у шести скульптур коней. Седлать он их, правда, не стал. Помахав рукой собравшейся внизу толпе, молодец довольно ловко спустился к нише, в которой стояла статуя Венеры. И вдруг чугунная красавица получила звонкую пощечину от городского обрваница. После чего довольный наглец стал раскланиваться на все стороны и махать публике рукой. Толпа внизу возмутилась, никто не хлопал и не подбадривал хулигана. А тот, как ни в чем не бывало, улегся спать на площадке позади оскорблённой Венеры. Наконец кто-то из горожан вызвал к арке пожарных. Неизвестно, чем

грозил и как уговаривал молодого человека взобравшийся на арку брандмейстер, но тот отказался добровольно покинуть арку. Брандмейстеру с трудом удалось связать верхолаза и спустить его на землю. «Артиста», устроившего весь этот спектакль, отвезли в полицейский участок...

Война с травой и пометом

В преддверии празднования столетия войны 1812 года, в апреле 1910 года, гласный Н.А. Шамин представил городскому голове письмо, в котором выражал беспокойство по поводу состояния «московских достопамятностей». Шамин уже давно заметил, как выступы красивейших памятников – Триумфальных и Красных ворот – Московская управа превратила в складочные места. Городские и трамвайные метельщики оставляли здесь лопаты, метлы, совки и прочее. Шамин напоминал о приближавшемся юбилее и призывал

привести в порядок Триумфальные ворота, требовавшие чистки, окраски и должного нравственного отношения к себе. Весной 1912 года начался ремонт знаменитой арки у Тверской заставы.

Поначалу сооружение обнесли лесами. Когда начались реставрационные работы, здесь каждый день можно было увидеть их руководителя – архитектора Александра Роопа. Повезло одному дотошному московскому журналисту, который смог отвлечь гражданского инженера на короткое интервью. Рооп рассказал следующее: «Триумфальные ворота давно нуждаются в ремонте. По-видимому, они капитально не ремонтировались, по крайней мере, полстолетия. Насколько я помню, частичный ремонт производился около двадцати лет назад. Но каким он был, можно судить по тому, что мы теперь застали на Триумфальных воротах. Уздечки у лошадей, прежде прикрепленные большими болтами, видимо, проржавели, и их при том ремонте заменили просты-
Триумфальные ворота.
Литография
Ф. Бенуа.
1848 год

ми гвоздями. Теперь эти гвозди тоже проржавели, и потому узечки упали. Хвосты у лошадей едва держатся. Того и гляди, при порыве сильного ветра они могли бы упасть. А каждый из них весит 18 пудов. <...> Вообще, фигуры лошадей, воинов и колесница нуждаются в большом ремонте. Все эти фигуры составлены из отдельных частей, скрепленных между собой. Почти все скрепления проржавели, и громадные головы едва держатся. В местах соединения фигуры дали трещины, сквозь которые протекает вода. Вода замерзает внутри фигур и может разорвать их... Одновременно с ремонтом фигур на Триумфальных воротах мы озабочены тем, как уберечь их от нашествия птиц. Я не говорю о том, что тотчас же после окраски птицы в один день испортят все фигуры. Есть и более существенный вопрос: каждый год нам нужно убирать с Триумфальных ворот до сорока пудов птичьего помета. Эта работа производится с большим риском. Приходится вызывать специалистов, умеющих лазать по высоким колокольням. Я сам взбирался на Триумфальные ворота и должен сказать, что это удовольствие не из особенно приятных. Нужно лезть по отвесно стоящей лестнице. Далее наверху имеется карниз. И вот, когда приходится спускаться с этих ворот, некоторое время висишь в воздухе, держась за этот карниз и нашупывая ногой начало лестницы. Момент очень опасный. И человек со слабыми нервами легко может упасть. Лет семь назад какой-то душевнобольной взобрался на Триумфальные ворота, сел верхом на одного из коней и собирался таким путем добраться до Санкт-Петербурга. Нам больших трудов стоило оттуда его снять. Полицейские не решились влезть. Пришлось вызывать охотников из пожарных. Его благополучно сняли. Он оказался носильщиком с вокзала Брестской железной дороги. А вот теперь при наличии построенных лесов для ремонта под-

няться на Триумфальные ворота не представляется особо затруднительным. <...> Между прочим, на этом памятнике летом вырастает высокая трава». На вопрос о том, насколько дорого будет предстоящий ремонт, инженер ответил, что городская дума ассигновала на это 20 тысяч рублей...

Ломать – не строить

Всем известна история исчезновения и храма Христа Спасителя, и Триумфальной арки. В советское время храм оказался ненужной связью с ненужным Богом, а арка мешала городскому транспортному движению. Ломать – не строить, ума и сердца здесь прикладывать не надо. Храм был разрушен в 1931 году, а арка разобрана в 1936-м. Некоторые фрагменты обоих сооружений энтузиастам и архитекторам удалось перевезти в Донской монастырь, на территории которого тогда располагался музей архитектуры. Но в 60-х годах XX века о Бородинском сражении вспомнили, решив с помпой отметить юбилей победы русского оружия. Тогда же писатель Сергей Марков выступил с предложением восстановить Триумфальную арку. Городские власти идею поддержали. Но возвести ее на прежнем месте было невозможно: арка перегородила бы уже сложившуюся магистраль. Предложение поставить Триумфальные ворота чуть в стороне тоже было отклонено: для этого подходил лишь небольшой сквер, но и там место было занято памятником Максиму Горькому. Полагаю, тогда-то городские власти и вспомнили о своих планах 1946 года облагородить проспект, ведущий к Кутузовской слободе. В том проекте значилось: «...закончить его (проспект. – Прим. авт.) монументом Победы СССР в Великой Отечественной войне – грандиозной триумфальной аркой в конце Можайского шоссе». По каким-то причинам сооружение новой триум-

фальной арки в память о победе СССР не состоялось. И вот вместо нее здесь решили возродить Триумфальные ворота Осипа Бове. Поскольку от всего сооружения сохранились лишь небольшие детали, да и те в незавидном состоянии, арку пришлось практически «лепить из пыли», по старым обмерам и фотографиям. К ноябрю 1968 года работы были закончены. На возрожденных воротах изменили надпись: теперь арка была посвящена не триумфатору-царю Александру I, а общей победе в войне 1812 года. Триумфальная арка стала частью большого ансамбля, в который также вошли здание круговой панорамы Бородинского сражения работы баталиста Ф.А. Рубо, памятник М.И. Кутузову, перенесенный с упраздненного Дорогомиловского кладбища символ некрополя погибших в Отечественной войне и восстановленная после пожара 7 июля 1868 года мемориальная «Кутузовская изба». Однако в эту памятную композицию не вошла Поклонная гора, которую вообще решили уничтожить, несмотря на то, что она имела прямое отношение к войне 1812 года. Городские власти посчитали, что она портит общий вид. Огромными усилиями натуральную Поклонную гору срыли и превратили в плато, оставив местности лишь ее исконное название. А ведь Поклонная гора еще со старых времен имела особый статус, с нее хорошо просматривалась панорама всей столицы. Путешественники, направлявшиеся в Москву, поднявшись на гору и увидев золотые маковки многочисленных церквей, кланялись Белокаменной, осеняя себя крестным знамением. Так и появилось название – «Поклонная гора». Именно с нее Наполеон Бонапарт смотрел на город, здесь он ждал подобострастных поклонов от москвичей и символических ключей от столицы. Не дождался... ☩

ДВАДЦАТЬ КАРАНДАШЕЙ ДЛЯ «ВОЙНЫ И МИРА»

АВТОРЫ

ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В ЧЕТЫРЕХ БОЛЬШИХ ПАПКАХ, ЛЕЖАЩИХ НА СТОЛЕ, ЛИСТЫ, ЗАПОЛНЕННЫЕ ЧЕРНО-БЕЛЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ СОЛДАТ, ГЕНЕРАЛОВ, СВЕТСКИХ ДАМ... ЭТО – ИЛЛЮСТРАЦИИ К ВЕЛИКОМУ РОМАНУ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО. БОЛЕЕ ДВУХ ЛЕТ РАБОТЫ, ОКОЛО 3 ТЫСЯЧ ОРИГИНАЛЬНЫХ РИСУНКОВ – И ВОТ В ГОД 200-ЛЕТИЯ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ В СВЕТ ВЫХОДИТ ФАКТИЧЕСКИ УНИКАЛЬНОЕ ЧЕТЫРЕХТОМНОЕ ИЗДАНИЕ «ВОЙНЫ И МИРА».

Команда создателей в полном составе (слева направо): художник Сергей Любаев, глава студии «Арбор», известный фотограф Сергей Косьянов и художник-дизайнер Дмитрий Гомзяков

A

ВТОР ЭТИХ РАБОТ – ИЗВЕСТНЫЙ КНИЖНЫЙ
художник Сергей Любаев. «Когда мне предложили по-
работать над иллюстрированием «Войны и мира»,
я сначала воспринял это как шутку, – говорит Сергей
Любаев. – Понимаете, это все равно что сказать: давай, сыграй
нам сразу короля Лира. В общем, я опешил. Мне казалось, что
люди одумаются».

– Мы не одумались, – улыбается Сергей Косьянов, глава студии «Арбор», которая решилась на столь смелый эксперимент. – Потому что не шутили. В общем, прошел месяц, Сергей убедил-
ся в серьезности наших намерений и согласился.

В компании с Улиссом

К работе художник Любаев под-
готовился основательно. Во-
первых, два раза перечитал
знакомый со школьных лет роман,
во-вторых, четыре раза
прослушал его в аудиозаписи.
«Есть в Москве один уникаль-
ный кот, – смеется Сергей Лю-
баев, – который тоже четыре
раза вместе со мной прослушал
весь роман от начала до конца.
Зовут его Улисс».

Прослушивания «Войны и мира»
в компании с рыжим котом ху-
дожнику показалось недоста-
точно, а потому он изучил массу
специальных материалов, труды
литературоведов и мемуары со-
временников Толстого. Предпри-
нял дополнительные изыскания
в области истории военной фор-
мы, а также пересмотрел рабо-
ты художников, иллюстрировав-
ших ранее «Войну и мир».

О них – отдельный разговор.
Первым был дальний родствен-
ник Льва Николаевича, худож-
ник Михаил Башилов, иллю-
стрировавший книги Лескова и
Салтыкова-Щедрина. «Толстому
нравились его рисунки к рома-
ну, – рассказывает Сергей Любаев, – но он спрашивал: нельзя ли
сделать персонажи подобнее и
понежнее? У Башилова они полу-
чились с некоторым карикатур-
ным оттенком». Вторым худож-
ником, взявшимся за «Войну и
мир», стал известный баталист
и скульптор Алексей Кившен-
ко. Кстати, всем известный «Во-
енный совет в Филях 1 сентября
1812 года» принадлежит именно
его кисти. В 1893 году, к 20-летне-
му юбилею публикации «Войны и
мира», Кившенко создал альбом
акварельных иллюстраций. Сле-
дующим художником «Войны и

мира» был Александр Апсит, ил-
люстрировавший роскошное из-
дание 1912 года, для которого он
создал массу заставок, букв, ви-
ньеток и картин. Рисовал «Войну
и мир» и Леонид Пастернак, отец
поэта Бориса Пастернака. Поз-
же иллюстрации к великому роману
делали известные графики Константин Рудаков и Дементий Шмаринов, президент Академии
художеств СССР Владимир Серов. А автором последних по времени иллюстраций был Андрей Николаев: он готовил серию работ для издания романа в рамках библиотеки журнала «Огонек» в 1982 году.

Бедуин, «Матвеевна» и другие...

– Когда я начал работать над «Войной и миром», мне сначала
даже страшно стало – это же та-
кой неохватный материал, – гово-
рит Сергей Любаев. – Потом, по-
сле долгих мучений, я решил, что
буду рисовать только персонажей
романа. Стал их выписывать всех
подряд. Выписывал даже собак,

если у них были клички. Или вот,
например, жеребец Дениса Да-
выдова по имени Бедуин... Его
я тоже нарисовал. И даже пушку
«Матвеевну» нарисовал.

– В романе Толстого немало
персонажей упоминаются пару-
тройку раз. А как вы рисовали
главных героев – Пьера Безухова,
Андрея Болконского, Наташу Ро-
стову? Да и второстепенных ге-
роев, которые не раз появляют-
ся на протяжении всего романа?

– Рисовал их в развитии. Скажем, Наташа Ростова в первом томе, где она еще нескладная, угловатая девочка-подросток, очень сильно отличается от Наташи Ростовой в последующих томах. Ведь герои взрослеют, их внешность меняется, они при-
обретают новые привычки. Вот это и хотелось показать.

– Как вы работали над персо-
нажами?

– Прежде всего я старался не
делать их похожими на героев
великолепной ленты Сергея
Бондарчука «Война и мир».

– А сам фильм пересматривали?

– Конечно! И не один раз. И не
только фильм Бондарчука, но
и зарубежные экранизации
тоже. Посмотрел и французский
фильм «Война и мир», хотя сами

Галерея «оживших»
персонажей «Войны
и мира» – почти
3 тысячи рисунков

французы считают его позором. Во время его показа они даже бойкот объявили. В общем, это понятно. Представьте себе, например, такую сцену из этого фильма: русские солдаты едут на телеге, играют на гармошке и поют «Ой, цветет калина...» (песня, написанная к фильму «Кубанские казаки» И. Дунаевским и М. Исаковским. – Прим. авт.). Ну и так далее в таком же духе.

– *Итак, вы решили нарисовать всех персонажей романа...*

– Да. Мне показалось, что это интересная идея. Ведь «Война и мир» – это наша русская «человеческая комедия». Сначала, конечно, пытался представить каждого. Ведь есть литературное описание. А кроме того, в романе присутствуют и абсолютно реальные персонажи – Кутузов, Багратион... Их портреты помогали. Некоторые другие персонажи – это родственники Льва Николаевича, кое-кто из них – даже его предки. Скажем, старик Болконский – это ведь князь Волконский... Искал информацию, причем иногда в процессе поиска выяснялись интересные детали. Например, вот взять фамилии солдат в «Войне и мире». Толстой, оказывается, для солдат в романе использовал фамилии солдат своей батареи: скажем, фельдфебель Захарченко у него на Малаховом кургане был.

– *Вы вообще не рисовали ни пейзажей, ни интерьеров?*

– Не рисовал.

– *А как же знаменитый дуб в Отрадном?!*

– Так ведь он же – настоящий персонаж! Конечно, и его нарисовал. Как он сначала засох, потом расцвел...

– *Были ли какие-то персонажи, которые вам не давались? Так, что их приходилось не раз переписывать?*

– Самым тяжелым оказался Верещагин. Сцена его убийства – это, на мой взгляд, одна из самых потрясающих вро-

мане. Как там показана психология толпы! Опасность манипулирования толпой... Очень актуально, кстати, для нашего времени. Так вот, Верещагин никак мне не давался. Я не мог его себе представить, все время какой-то аморфный образ возникал. Впрочем, он и в романе довольно нечетко описан. Так, ничтожный, серый человечек... В итоге я его таким и нарисовал – расплывчатым, серым...

– *Сергей, все ваши рисунки черно-белые. Чем вы их рисовали?*

– Литографическими карандашами. Они как мягкая пластмасса, довольно «износостойчивые». Но главная их прелест в том, что рисунок, сделанный таким карандашом, уже не сотрется, с рисунком ничего не случится, даже если на него попадет вода. Правда, и исправить рисунок невозможно, литографический карандаш не стирается ластиком. Чистый рисунок – это моя самая излюбленная манера.

– *И сколько таких карандашей у вас ушло, чтобы нарисовать всех персонажей?*

– Думаю, не менее двадцати. Готовые рисунки сканировались, переносились в компьютер. Ну а дальше – это уже работа дизайнера, Дмитрия Гомзякова. Ведь нарисовать – это полдела. Вторая половина – оживление персонажей, их компоновка, встраивание в книгу. Дизайнерский язык заставляет рисунки двигаться, оживляет их.

– *А были какие-то детали в романе, которые заставляли вас копаться в исторических материалах?*

– Конечно! Была такая забавная история. В романе есть сцена, где играют в шахматы Борис Друбецкой и Берг, когда к ним врывается Николай Ростов. И вот описываются эти шахматы: он задумчиво складывал пирамидкой побитые фигуры... А потом через несколько строк: он передвигал шашки по доске... Я сижу и мучаюсь, думаю: так во что же они играли – в шашки или в шахматы? Ведь шахматные фигуры нельзя складывать «пирамидкой»? Стал выяснять. И вы знаете, оказывается, действительно, были такие игровые наборы: в них можно было играть и в шашки, и в шахматы. Там шахматные фигуры были нарисованы на обычных шашках.

– *Какой персонаж романа у вас самый любимый?*

– Пьер Безухов. Добрейший, прекрасный, благороднейший человек.

– *Сергей, за два года перечитать несколько раз роман и кучу материалов, пересмотреть его экранизации, представить героев, создать эскизы и нарисовать 2800 персонажей! Как у вас это получилось?*

– Как говорится, глаза боятся – руки делают. Кроме того, меня семья поддерживала. Жена – тоже книжный художник, сын – художник-баталист. Они что-то подсказывали, критиковали, мы обсуждали персонажей. Да и потом – работать с таким материалом крайне интересно. Это такая удача! Когда не раз перечитываешь роман, находишь массу интересных деталей и моментов, на которые раньше и не обращал внимания. И даже ошибок. Лев Николаевич так долго писал «Войну и мир», потом Софья Андреевна роман переписывала начисто, и в итоге в нем оказалось множество нестыковок. Они совершенно не мешают читателю, и критиковать Толстого за них – боже упаси! Но это забавно. Можно даже устраивать такие викторины: найди 20 несовпадений в романе. Я их одно время выписывал. Например, няню, которая на одной странице вяжет чулок, зовут Авдотьей, а переворачиваешь страницу – она уже Аграфена. Или князь Болконский... У него то золотая цепочка с крестиком на шее, то серебряная. Или, вот например, читаем у Толстого в первой части романа, там, где речь о Шенграбенском сражении, что у полкового ко-

Сергей Любашев:
«Я не хотел,
чтобы
персонажи,
которых
я рисовал,
были похожи
на героев
великолепной
ленты Сергея
Бондарчука
«Война и мир»

мандира густые золотые эполеты, которые как будто не книзу, а кверху поднимают его плечи. Ну, вот сидишь и вспоминаешь: ведь не было же тогда у русских офицеров эполет. Они только в 1807 году появились, а Шенграбенское сражение – это 1805 год... Это вообще отдельная интереснейшая тема: амуниция и пластика военных персонажей. Ведь под тем же Шенграбеном – это одна военная форма, Бородинское сражение – другая. Значит, и движения, и пластика должны меняться...

– А в каком виде вы Кутузова нарисовали? С повязкой или без?

– Ага, хитрый вопрос! Лет двадцать назад я по работе был в Бородинском музее-заповеднике, как раз в тот день там проводилась маленькая конференция музейчиков с потомками Михаила Илларионовича. И они обсуждали практически тот же вопрос: был ли на самом деле у Кутузова глаз, который обычно не изображали, или его действительно не

было. Так вот, потомки Кутузова привезли семейные медальоны, гравюры, описания Кутузова. В конце концов выяснили, что был у него на самом деле глаз. Ему пулей пробило лобную кость, изуродовало голову, контузило. От контузии он ослеп на один глаз, но сам этот глаз в глазнице остался. Так что я его нарисовал именно таким образом.

Соотношение войны и мира

Как выяснилось, в своей работе Сергей Любашев не в первый раз сталкивается и с тематикой Отечественной войны 1812 года, и с романом «Война и мир». Еще в 1982 году в Государственном военно-историческом Бородинском музее-заповеднике он принимал участие в создании экспозиции «Монастырская гостиница». Тогда же он подготовил для музея буклете «Лев Толстой на Бородинском поле», опять-таки предварительно изучив подробности той по-

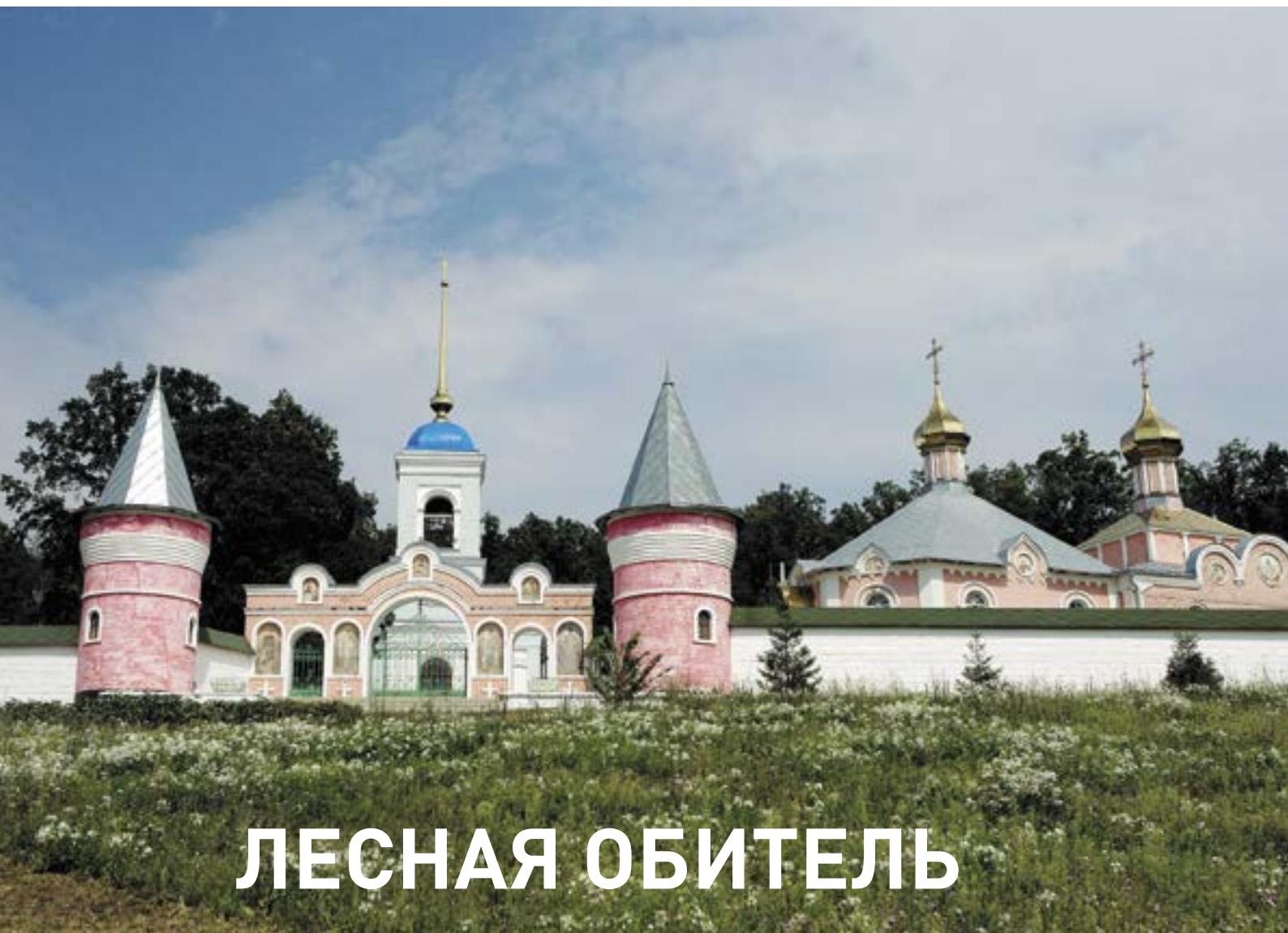
ездки писателя. Лев Николаевич отправился на место битвы вместе с 12-летним братом своей жены, Степой. «По рассеянности они забыли узелок с едой, сели в коляску и поехали. Путь занял ночь и полдня, не то что теперь, – улыбается Сергей Любашев. – Приехали туда, ходили, осматривали поле. Толстой, как бывший артиллерист, хотел увидеть позиции войск, как светило солнце в глаза солдатам... Он записал все свои впечатления, нарисовал схему. Переночевали в Спасо-Бородинском монастыре и на следующий день отправились обратно в Москву».

Мало того, художник Любашев еще и участник одного из клубов исторической реконструкции.

Правда, клуб этот занимается темой Великой Отечественной войны, а Сергей в «военное время» является московским ополченцем. Но и в этой теме есть пересечения с Отечественной войной 1812 года. Осенью 1941 года на Бородинском поле наши солдаты в бою вновь сошлись с французами. В составе войск вермахта здесь воевал 638-й французский пехотный полк, набранный исключительно из добровольцев. Противостояла противнику 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия полковника Виктора Полосухина. Как писал в своих мемуарах бывший начальник штаба 4-й немецкой армии Гюнтер Блюментрит, «французский легион был разгромлен, понеся большие потери от огня противника. Через несколько дней он был отведен в тыл и отправлен на Запад»...

– Сергей, после того как вы неднократно перечитали и прослушали «Войну и мир», вы открыли для себя что-то новое в этом романе?

– Да. Вернее, стал, как мне кажется, глубже понимать то, что говорилось об этом романе всегда, – соотношение войны и мира. Причем, исходя именно из того названия, каким его видел Толстой, – «мир». Это ведь роман о нашем человеческом обществе вообще и о состоянии отсутствия войны. ●

ЛЕСНАЯ ОБИТЕЛЬ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

ИЗВИЛИСТАЯ ДОРОЖКА ПЕТЛЯЕТ ПО ЛЕСУ, УВОДИТ ВСЕ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ... КАЖЕТСЯ, ТАК И ЗАБЛУДИТЬСЯ НЕДОЛГО. НО ЛЕС НЕОЖИДАННО РАССТУПАЕТСЯ, И ПЕРЕД ВАМИ, КАК ВИДЕНИЕ, ПРЕДСТАЕТ КРАСИВЫЙ И ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ. ВСЕ, ПЕРЕД КЕМ ОТКРЫВАЕТСЯ ЭТот ВИД, ТОЛЬКО РУКАМИ ВСПЛЕСКИВАЮТ: «КАК КАРТИНКА!..»

ИБЕРДСКИЙ МОНАСТЫРЬ, что находится километрах в ста от Рязани, на границе Кораблинского и Ухоловского районов, сегодня и правда похож на картинку из сказки. Нарядные купола храма, аккуратная колокольня, жизнерадостные розовые стены, много цветов и зелени. Все аккуратно, ухожено, причесано. В рассказы о том,

что всего несколько лет назад на этом месте была чаща, верится с трудом.

Сейчас нелегко определить, про что ходят больше легенд, – про сам монастырь или про историю его восстановления. Когда в 1996 году некий молодой монах заговорил о возрождении обители, в осуществление этой идеи мало кто верил. История Александро-Невского монасты-

ря была прервана много лет назад декретом советской власти. И к концу XIX века на месте монастырских стен красовались мощные сосны, лес практически полностью скрыл все следы находившейся здесь когда-то обители... Но отец Николай (Анисимов) свято верил, что на этом месте снова будет стоять монастырь, как было это при старце Софронии.

ОСНОВАНИЕ

Хотя монастырская территория давно слилась с лесными чащобами и трудно было даже определить место его нахождения, местные жители помнили и про обитель, и про старца, ее основавшего... Монастырь во имя святого Александра Невского был заложен старцем Софронием – было это еще в XIX веке. Софроний Лисин был обычным крестьянином. Дожив до 19 лет, обзавелся семьей, воспитывал детей, трудился... Все было как у всех. Вот только мысли у него были не как у всех: еще с юности ему хотелось уединения, тянуло к храму. Сохранилось предание, что батюшка, крестивший будущего старца, увидел сияние и предсказал его родителям, что мальчика ждет великое будущее.

– Стремление к келейной жизни заставило Софрония покинуть семью и отправиться искать заброшенный уголок, – рассказывает студент Рязанской православной церковной семинарии Александр Фощан – он родом из этих мест и написал про Ибердский монастырь не одну научную работу. – В итоге он остановился на берегу реки Иберды, где сделал себе землянку. Там он и жил в полном уединении.

Предание о жизни отшельника сохранилось множеством. По одному из них, как-то раз, выйдя на поляну, Софроний услышал звон колоколов, молитвенное пение и дивный голос, сказавший ему, что место это святое и здесь будет обитель, основателем которой станет он. Здесь Софроний и жил совершенно уединенно.

Как-то женщины из ближнего села набрели на его келью, и вскоре слух об отшельнике разнесся по окрестностям. В лес потянулись паломники – шли за советом к мудрому старцу. Но Софронию такая популярность показалась неуместной, и он ушел из обжитого уголка – просто исчез, и никто не мог найти нового места его обитания. А через три года вернулся и стал обустраивать обитель там, где ему

когда-то было указано голосом свыше. «После гибели императора Александра II Софроний решил создать в лесу часовню, чтобы поминать императора и его супругу, а помимо этого при часовне обустроить богадельню для 12 сирот», – эти сведения Александр Фощан почерпнул из архивов Рязанской области. Разрешение на строительство было получено в 1882 году, и на добродетель потекли пожертвования. Вскоре задумка о строительстве часовни получила развитие: решено было устроить храм с двумя престолами – во имя святого благоверного князя Александра Невского и в честь иконы Божией Матери «Знамение». Все это вскоре было реализовано. В конце 90-х годов XIX века управление Александро-Невской женской общиной было поручено монахине Ангелине. А Софроний поселился на хуторе, куда к нему, уже слепому, как и прежде, стекались ото-

всюду люди. Старцу Софронию в то время было 80 лет.

В 1904 году богадельня, известная в народе как «Софрониева обитель», получила статус Александро-Невской женской общины. А в 1907 году последовало определение Святейшего Синода: «Александро-Невскую женскую общину обратить в женский общежительный монастырь, с наименованием оного «Александро-Невским».

Спустя несколько лет старец Софроний вернулся в обитель. Однако прожил он там только последний год своей жизни – его не стало в 1914 году. Весть о кончине старца разлетелась по всей Рязанской земле и соседним губерниям. Отовсюду стекались огромные потоки людей. Все прощались со старцем...

Еще при жизни Софроний обрудовал для себя за алтарем храма могилу-склеп, где его и похоронили. Сюда, на его могилку, и спустя многие годы идут люди, чтобы попросить помощи. И говорят, старец Софроний всегда откликается.

РАЗОРЕНIE

А в жизни монастыря вскоре после смерти старца начался совершенно другой этап. Впрочем, как и в жизни других храмов и монастырей России...

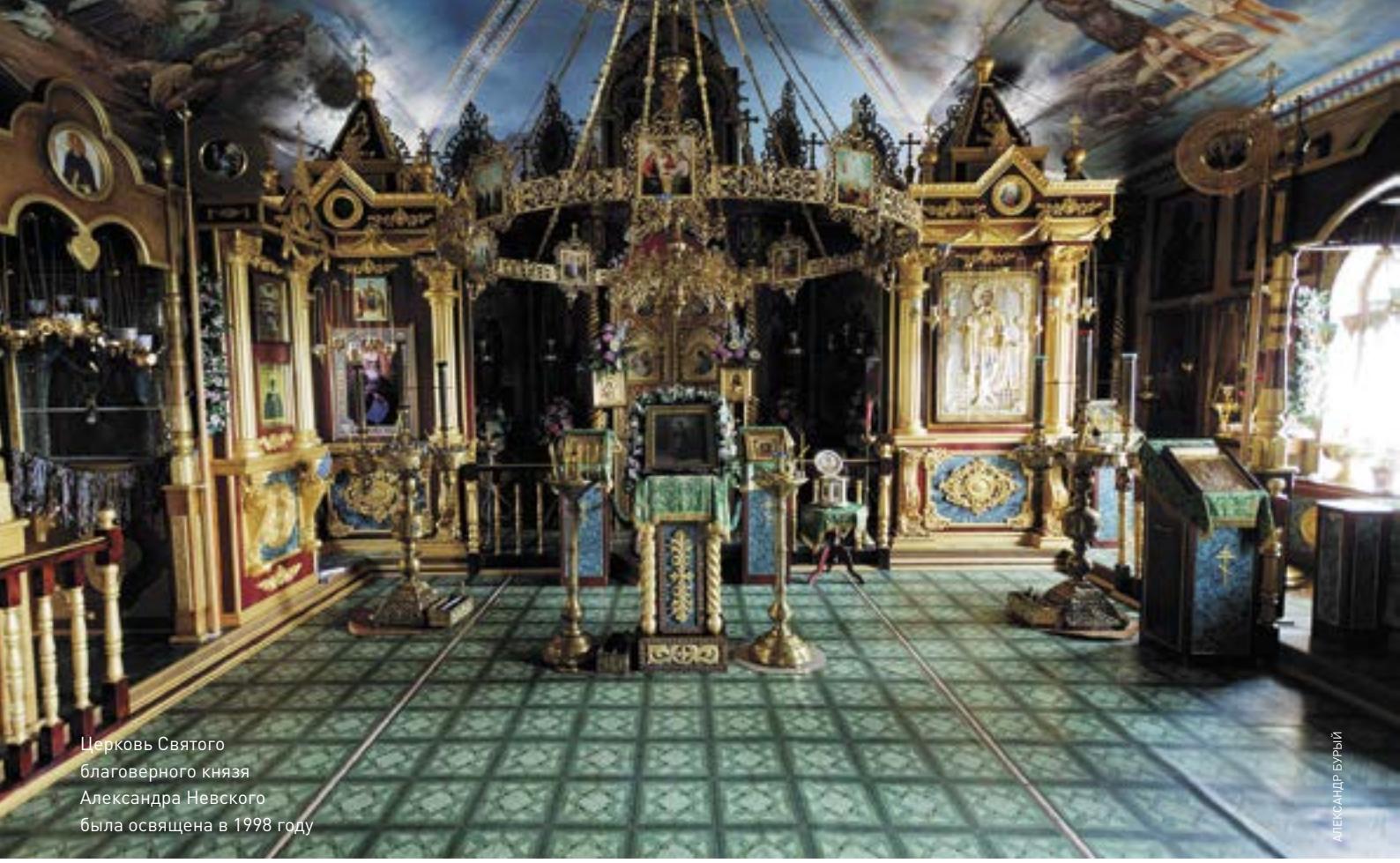
– Старец Софроний еще до своей кончины много говорил о последних временах, о закрытии монастыря, об участии сестер, о полном разрушении обители, – рассказывает Александр Фощан. – В итоге его прореческие слова сбылись. К концу 1919 года власть заставила прекратить богослужения. Однако часть сестер все же остались в обители «сторожами». Служили и молились монахини по ночам, но вскоре лишились и этих ночных бдений.

Большинство сестер сослали в Казахстан, а те, кому удалось избежать ссылки, разошлись по деревням и селам... Обитель же ждала своя участь. Сначала здесь хотели устроить молочное хозяйство, потом планировали разобрать монастырские по-

Отец Николай
у могилы старца
Софрония

АЛЕКСЕЙ МОЗАЛЕВ

Церковь Святого
благоверного князя
Александра Невского
была освящена в 1998 году

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

стройки на материалы для строительства свинарника. Вскоре появились планы по размещению пионерского лагеря. Но, как рассказывали местные жители, пионеров распугали комары. Собрав наскоро свои вещи, они, изрядно покусанные, покинули это место.

В 1949 году вышло распоряжение исполнкома областного Совета депутатов трудящихся, по которому было разрешено «снести здание церкви, кото-

рое вследствие разрушенности угрожает обвалом. Весь материал использовать на строительство хозяйственных построек в совхозе «Труд», а культовую утварь передать в действующую церковь в с. Ясенок». Так иконы перекочевали частично в Покровский храм села Ясенок, частично – в дома местных жителей. Жизнь обители замерла. И в общем-то мало кто верил, что когда-нибудь здесь вновь будут совершаться службы...

Из каких только краев не приезжают люди к целебному источнику, что расположены рядом с монастырем!

ВОЗРОЖДЕНИЕ

С того времени, как здания монастыря пустили на материалы для хозяйственных построек местного колхоза, прошло около полувека. На месте обители выросли мощные деревья... И вот-вот канули бы в Лету предания о том, что когда-то в лесу возвышались стены обители. Отец Николай родом из этих мест, он хорошо помнил рассказы о монастыре в лесу, о его основателе старце Софонии.

Сам Андрей Анисимов (в постриге Николай) рано почувствовал призвание к служению Богу. Еще совсем юным, лет в 20, он ушел в монастырь – знаменитый на всю Рязанскую область Свято-Иоанно-Богословский, где его окормлял настоятель отец Авель. Мысль о возрождении обители в родных краях всегда оставалась в душе молодого монаха. Отец Николай сейчас и сам не знает, откуда было столь настойчивое желание. Ведь любому здравомыслящему человеку такая затея совершенно справедливо показалась бы нереальной...

Но он продолжал вынашивать свою мечту. «Я всегда ездил на могилку к старцу Софонию. Мы с мамой заменили там кресты, цветники у надгробий, все благоустроили. Стало чистенько, – вспоминает отец Николай. – В народе пошли слухи,

АЛЕКСАНДР БУРГИ

что началось возрождение монастыря. Но мы тогда об этом могли только молиться».

Оказалось, такая мечта была не только у отца Николая. Жители поселка Ибердский всегда чтили память старца Софрония и рассказы о нем передавали из уст в уста. Взяться за восстановление вряд ли кто-нибудь решился бы, а вот когда появился двигатель этой идеи, они с радостью его поддержали. Как-то один из местных жителей спросил у батюшки: «А правда, что монастырь будут восстанавливать?» А тот в ответ: «А что, давайте попробуем».

Отцу Николаю тогда было 26 лет... Теперь можно только удивляться, как он решился на такое дело. Но его целеустремленность подарила Рязанскому краю одну из самых почитаемых сегодня святынь. Найти единомышленников в деле возрождения оказалось несложно: довольно быстро удалось собрать общину – церковный совет, в который вошли 25 местных жителей. На создание этой общины даже была дана резолюция управляющего Рязанской епархией владыки Симона: «Бог благословит!»

Началось все с работы бензопилами «Дружба»: первое, что надо было сделать, – это расчистить участок от деревьев. Потом при-

ступили к корчеванию пней. Во время этого процесса работники обнаружили фундамент храма. «Я думал, там ничего не осталось, кроме щебня, а оказалось, фундамент цел», – рассказывает отец Николай. – Сначала я хотел поставить деревянный храм, но меня отговорили – уж очень неизвестно строить в лесу из дерева, в любой момент может подойти огонь... Поэтому стали потихонечку собирать материалы на каменное строительство». В день памяти князя Александра Невского, 12 сентября 1996 года, лес был наполнен людьми – закладывали камень в основание возрождающегося храма. Но до появления храма было еще далеко... Однако чтобы проводить богослужения, решено было создать молитвенный дом – местная жительница предоставила для этого свое жилище. На протяжении двух лет службы велись там. А параллельно – восстанавливался храм.

– Работы было много – кое-где требовалось укрепить фундамент, полностью возвести стены, потом крышу... Дел было много, материал требовался постоянно, – рассказывает отец Николай. – Хорошо, что были помощники, и мы со всем спрашивались. Правда, часто приходилось слышать скептиче-

Вода
из источника
вкусная и всегда
холодная

ские мнения – мол, что он там выдумывает? Зачем нужен храм в лесу? Кто туда будет ходить? Но я на такие высказывания внимания не обращал. Я был уверен: если Богу угодно, чтобы монастырь возродился, то все у нас получится, и храм построим, и прихожане появятся...

Отец Николай помнит все этапы возведения храма – все это выстраданное, пережитое. И как строили, и как потом отделявали... Долгожданное освящение храма произошло 12 сентября 1998 года, в день святого покровителя, благоверного князя Александра Невского. «На освящение собралось около 3 тысяч человек, – вспоминает отец Николай. – Тогда я понял, что не зря мы все затевали, монастырь нужен...».

Потом одна за другой стали возрождаться другие монастырские постройки. В 2000 году начали строить трапезную часть. В 2001-м приступили к восстановлению святых врат, башен и стен монастыря. Все строилось быстро, и осенью 2002 года стены и башни были полностью готовы. Вслед за этим началось строительство колокольни, про которую сам отец Николай говорит, что росла она «как будто на дрожжах». Потом нашлись жертвователи, благодаря которым на вновь возведенной колокольне появились колокола – сегодня их 14, и переливы колокольного звона далеко разносятся по лесу... После этого приступили к росписи храма – частично она повторяет роспись храма Христа Спасителя в Москве. Строительство, отделка – все шло быстро, монастырь на глазах возрождался из небытия. «Многие тогда удивлялись, что у нас, что ни год, сдается новый объект, – смеется отец Николай. И добавляет серьезно: – Господь нам помогал, всегда и во всем ощущалась поддержка, все складывалось и получалось».

А надо сказать, что делалось в монастыре все только ручным трудом. И бетон мешали вручную, и камни укладывали... Электричества в лесной обители как не было тогда, так нет и сегодня.

«МОТОРЧИК»

АННА МИХАЙЛОВНА

Сейчас монастырь чистенький, ухоженный, во всем чувствуется рука настоящего хозяина. Все здесь сделано с такой любовью, что невольно улыбаешься, глядя на эту красоту... «Вот эти оклады я сам сделал, — поясняет отец Николай, показывая очень нарядные и яркие украшения икон в храме. — Долгими зимними вечерами, когда делать нечего, я с удовольствием...».

Мама отца Николая, Анна Михайловна, наверное, была самым активным помощником сына. Если бы не ее внутренний «моторчик», вряд ли бы обитель сегодня процветала. Сухонькая, шустрая, не по возрасту активная — ее не застанешь на месте. Только увидишь на одной стороне территории, глядь, а она уже в противоположном конце чем-то командует. К паломникам она относится строго. «Это куда ж ты почти в трусах приехала? — сурово выговаривает она девушки в неприлично коротких шортах. «Да я и не знала, что в такую красоту попаду, — робко пытается защититься паломница. — Я из Архангельска приехала...». «Ну, так у нас тут откуда только не бывает! — добрая, говорит Анна Михайловна. — К нам и из Германии тут приезжал учитель какой-то, показывал своим ученикам монастырь. Кого только не бывает... Ну, пошли, я тебе юбку и платок дам. Иди вот к мощам приложись, к иконе нашей чудотворной свечку поставь». И хотя порой резковато встречает гостей Анна Михайловна, все-таки чувствуется, что она им рада. И за ее нарочито грубоватым тоном читается доброжелательность. Складывается ощущение, что она знает, что сказать каждому. «Вот, поди, положи к мощам, — сует она мелочь в руку немолодой женщине. — У тебя с денежками получше будет. А ты наверняка за рулем? — пристально смотрит она на мужчину. — Иди поставь свечку к Покровам — будешь под Покровом Божией Матери». «Своих» она видит сразу:

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Анна
Михайловна —
главная
помощница
отца Николая

сама сорок лет проработала водителем, да и сейчас, хотя уже пошел седьмой десяток, вовсю крутит баранку своего ведомства — ее «Ниву» хорошо знают и в поселке Ибердский, и в других окрестных селах. По Анне Михайловне видно, что ничего она не боится — ни чинов, ни работы, ни трудностей. Она из тех, про кого говорят «палец в рот не клади». За себя постоять сможет и, конечно, за родной монастырь. На язык остра, и, если что не по ней, говорит что думает прямо в лицо, заскивать ни перед кем не привыкла. Не привыкла и к вниманию к своей персоне. «Да зачем же меня-то снимать? Я в рабочем, страшная, — машет она рукой на фотографа. — Лучше кого красивого фотографируй!..»

О старце Софонии Анна Михайловна говорит так, будто это ее знакомый. И о чудесах, с которыми ей доводилось сталкиваться, тоже рассказывает просто, почти обыденно... Похоже, верит она в них именно так, как было завещано всем нам, — как ребенок.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ЧУДЕСА

Отец Николай с гордостью рассказывает о главных святынях храма. В первую очередь это, конечно, мощи святого Софрония. Про их обретение у отца Нико-

лая целая история. Он помнит все так, будто было это совсем недавно. И как отец Авель благословил его посмотреть мощи еще до освящения храма, и как он хранил обретенные мощи, и как потом перевозил их в домовую церковь и обратно на «узину» в чемодане... И как сбылось предсказание старца о восстановлении храма и о том, что он войдет в него первым — мощи Софрония были внесены туда еще до освящения. И как потом владыка Рязанский и Касимовский Симон приехал на освящение храма и, узнав про обретение мощей, сказал: «Готовь документы на прославление старца». Софоний Ибердский был канонизирован в 2000 году 7 февраля, в день его кончины. Сейчас мощи старца находятся в храме, и каждый приезжающий сюда может к ним приложиться. Есть и еще одна святыня, к которой едут паломники отовсюду, — икона Божией Матери «Скоропослушница», привезенная когда-то сюда старцем Софонием. В годы разорения монастыря она была перенесена в храм села Ясенок, а после возрождения обители вернулась в свой дом. О чудесах, связанных с иконой «Скоропослушница», было известно еще при жизни Софрония. А уже на рубеже

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

XX и XXI веков, в день канонизации старца, прихожане снова смогли увидеть чудо – икона замироточила. Сегодня к «Скоропослушнице» постоянно приезжают люди, и весь образ увенчен дарами в знак благодарности за помощь.

В храме собран солидный мощевик – кого из святых здесь только нет!.. На недоуменные вопросы, как удалось собрать столько святынь, отец Николай только хитро улыбается: «А у отца Авеля в Пошуповском монастыре много было, он с Афона привозил, всех святых у себя собрал. Ну а я у него понемногу отщипывал».

На территории монастыря два кладбища, которые настоятель храма тоже привел в порядок. На счастье, сохранились камни, благодаря которым и удалось восстановить кладбище. Отец Николай все здесь вычистил и оформил, как он говорит, по образцу Русского кладбища в Париже – батюшка увидел фотографию этого кладбища и решил: «Мы тоже так можем». И вскоре воплотил это на деле. Недалеко от монастыря есть и чудесный источник. Отец Николай построил здесь часовенку, а над источником организовал купель: устроил удобный домик с двумя раздевалками – женской и мужской, оборудовал

спуск. Словом, все сделал так, чтобы гости обители могли окунуться и почувствовать благость Софониева источника.

В будние дни на территории монастыря тихо и спокойно. Только лес, близко подходящий к монастырским стенам, тихо шепчет о чем-то своем...

АЛЕКСЕЙ МОЗАЛЕВ

Когда
отец Николай
решил
восстановить
монастырь,
ему было всего
26 лет

А в выходные и праздничные дни здесь собирается множество прихожан. «Если вы приедете в праздник, в храм войти не сможете», – еле скрывая гордость, улыбается отец Николай. Вот и ответ на вопрос, который задавали монаху Николаю в самом начале его работы по восстановлению: «Кто сюда будетходить?» Сейчас наследников в восстановленном монастыре нет, монах здесь живет только один – сам отец Николай. И, по сути, монастырь служит приходским храмом. Зато приход получился солидным – сюда приезжают и из окрестных сел, и из дальних краев. Все едут поклониться Софонию Ибердскому. Как говорят прихожане, многие чувствуют помочь старца. «Ох, опять вычерпали! – умиленно сокрушается отец Николай, подходя к могилке Софония Лисина. – Все время приходится подсыпать песочек – каждый хочет увезти пригоршню земли с могилки. Неделю назад подсыпал, а теперь видите, опять разобрали», – показывает он на образавшуюся яму. Песочек с могилки старца помогает сохранить мир в семье, исцелиться от недугов, и каждый старается увезти с собой хоть частичку благодати. ...Два года назад, когда вся Рязанская область полыхала пожарами, окрестности тоже не обошла стихия. Огонь подходил совсем близко, казалось, еще чуть-чуть, и языки пламени слизнут аккуратный пряничный домик Ибердского монастыря... Но каким-то чудом огонь пощадил обитель. Лес вокруг пострадал сильно, и теперь по дороге к монастырю то и дело встречаются покалеченные огнем участки. Но когда проедешь сквозь них, как видение, встает Александро-Невский монастырь. Будто на картинке, открывается он, красивый и величественный. И никто не подумает, что всего несколько лет назад не было здесь ни этих башен, ни колокольни, ни храма. Только деревья шелестели листвой, ожидая возрождения монастыря...

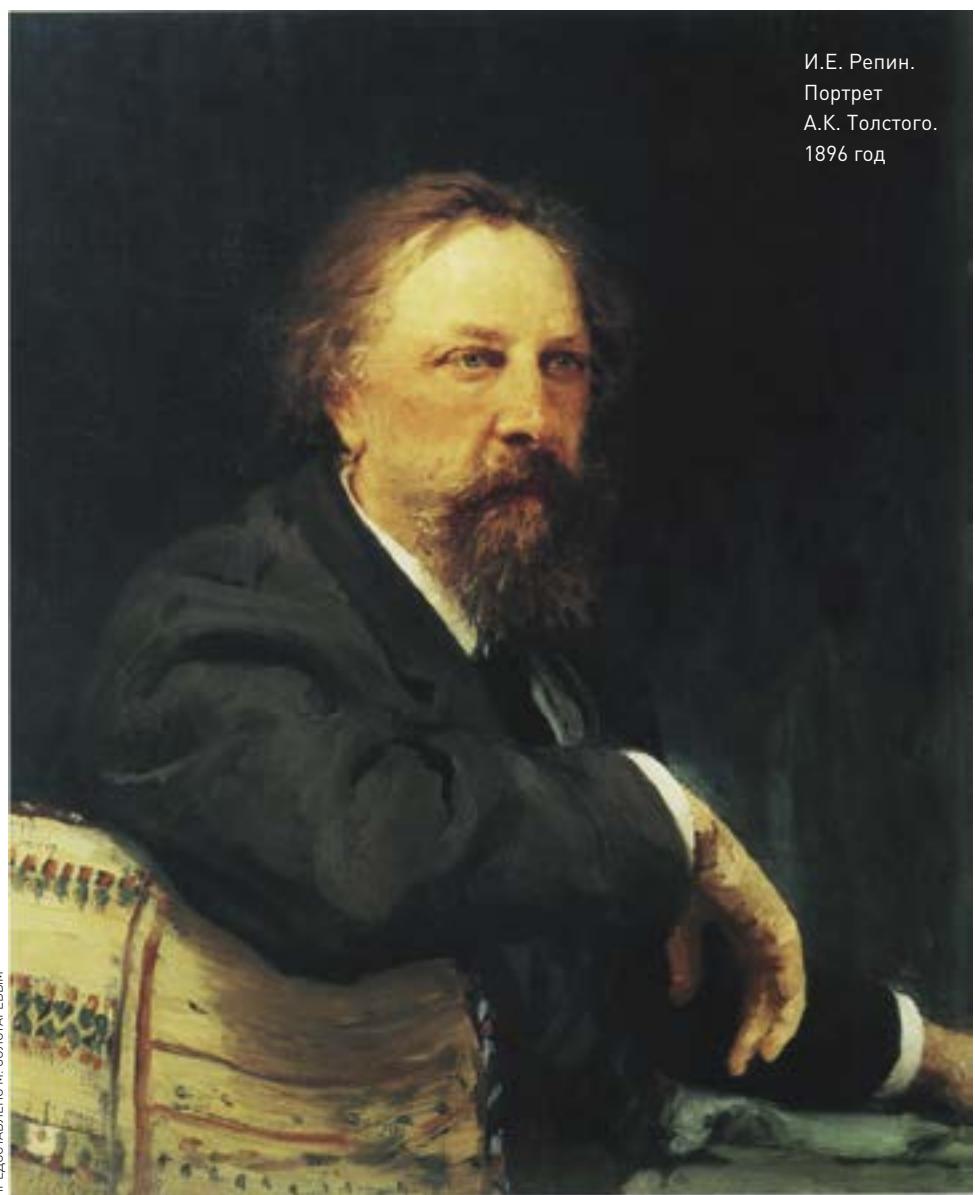
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ХРОНОЛОГИЧЕСКИ СТАРШИМ ИЗ ТРЕХ ВЕЛИКИХ ТОЛСТЫХ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БЫЛ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ. РОЖДЕННЫЙ В 1817 ГОДУ, ОН ВОШЕЛ В ПОЭТИЧЕСКУЮ СИЛУ СО СМЕРТЬЮ ПУШКИНА И УНАСЛЕДОВАЛ ОТ НЕГО НЕ ЛИРУ, НЕТ – НО ЯСНОСТЬ ДУХА, ГАРМОНИЮ И МЕРУ.

И.Е. Репин.
Портрет
А.К. Толстого.
1896 год

А

ЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ – поэт редкого душевного здоровья, которое отчасти стало причиной того, что его произведения охотно рекомендовали «для детского и народного чтения», по выражению Семена Венгерова. И не только здоровья, но еще и огромной силы, не всегда очевидной в его лирике. Однако она понятна всякому, кто не прошел мимо его «Иоанна Дамаскина»: чтобы писать о гениальном поэте и не опозориться, надо самому быть если не равновеликим, то, во всяком случае, настоящим. Толстой нигде не проседает, не сбивается на скороговорку – он держит поэтическое дыхание под стать своему герою.

Поэтическая сила Толстого не уступала его физической силе. Он пальцами сворачивал зубья вилки винтом, разгибал подковы, гнул кочерги и вдавливал пальцами гвозди в стены. Немудрено, что его так тянуло к богатырским, былинным временам. Он вообще был удивительно щедро одарен: не только силен, умен, образован, хорош собою, наделен исключительной памятью (мог воспроизвести только что прочитанную страницу текста наизусть), но и богат, и счастлив в любви, и привечаем при дворе. При этом – никаких сделок с совестью и безупречная репутация. Удивительная биография для русского писателя: в нашей литературе мало счастливых и много мучеников. А чтобы счастье сочеталось со здравым умом, крепкой психикой, человеческой порядочностью и недюжинным талантом – второго такого еще поди найди (может, Короленко?). И распорядился он всем этим богатством как положено: не растратил, не закопал, а приумножил, как в притче про таланты. Но при этом – несколько раз в его стихах встречается образ богатыря, который несет на себе горе. Но это, наверное, и нормально. Ненормально было бы, наверное, наоборот: жить в этом месте и времени и не испытывать никакого горя.

АЛЕША И ВЕЛИКИЕ

По рождению Алексей Толстой принадлежал к двум аристократическим фамилиям. Отец его, Константин Толстой, был потомком петровского вельможи Петра Толстого, братом известного живописца Федора Толстого – того самого, с «кистью чудотворной». Сам Константин Толстой, отставной полковник, был человеком ничем не примечательным. Мать, Анна Алексеевна Перовская, была внебрачной дочерью князя Алексея Кирилловича Разумовского и мещанки Марии Соболевской. Отец выхлопотал всем детям от этого союза дворянство, дал образование и богатство; семейный клан Перовских подарили России ученых, писателей, государственных деятелей.

Семейная жизнь родителей не заладилась, мать ушла от отца очень скоро и шестинедельного сына забрала с собой. Родные сочли, что семейный союз был изначально обречен: муж пил, жена была слишком умна, независима и с «причудами», о чем вспоминала ее младшая сестра. Вместо отца растить и воспитывать крошку-графа стал брат его матери Алексей Алексеевич Перовский – писатель Антоний Погорельский. Мать с ребенком подолгу жили у него в По-

Алеша Толстой
в детстве.
С акварели
В. Фельтена

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

горельцах. Когда Разумовский умер, Перовский унаследовал его имение Красный Рог (в нынешней Брянской области), и Анна Алексеевна с малолетним сыном поселилась там. «Мое детство было очень счастливо и оставило во мне одни только светлые воспоминания, – писал Алексей Толстой. – Единственный сын, не имевший никаких товариществ для игр и наделенный весьма живым воображением, я очень рано привык к мечтательности, вскоре превратившейся в ярко выраженную склонность к поэзии. Много содействовала этому природа, среди которой я жил; воздух и вид

наших больших лесов страстью любимых мною, произвели на меня глубокое впечатление, наложившее отпечаток на мой характер и на всю мою жизнь и оставшееся во мне и поныне». Мать его любила и баловала. Дядя внимательно и чутко относился к его воспитанию, писал ему, совсем маленько-му, серьезные письма, сочинял для него сказки (одной из них, «Черной курицей», и прославился), нанимал лучших учителей. В 6 лет Алеша говорил и писал по-немецки, по-английски и по-французски, а по-русски сочинял стихи. Они, увы, не сохранились. В 1826 году Анна Алексеевна переехала в Москву, ее произвели в статс-дамы, а Алеша Толстой попал в число товарищей наследника престола, будущего царя Александра II. В Москве к Алексею Перовскому приходил в гости Пушкин; Алеша Толстой был уже вполне подросшим и начитанным ребенком, чтобы осознать значение гостя.

На следующий год Перовский повез сестру с племянником в Германию – и самому лечиться, и часто болевшего Алешу подлечить. В Германии они навестили Гёте. Известно, что великий поэт посадил русского мальчика на колени, а потом подарил ему кусок мамонтового бивня, на котором сам изобразил фрегат. Толстой вспоминал: «От этого посещения в памяти моей остались величественные черты лица Гёте... к которому я инстинктивно был проникнут глубочайшим уважением, ибо слышал, как о нем говорили все окружающие».

С 12 лет Толстой с матерью и дядей жил в Петербурге. По выходным его возили играть с наследником. Фрейлина Александра Россет (в замужестве), увидев однажды возню наследника с друзьями, записала, что маленький Толстой отличается «баснословной силой» – он даже предложил помериться силами Николаю I и всерьез пытался побороть его. Тринадцати лет Алешу возили в Италию; к этому времени он уже говорил и по-итальянски.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Анна
Алексеевна
Толстая
(1796–1857),
мать
писателя

Граф
Константин
Петрович
Толстой,
отец
писателя

Италия его совершенно очаровала – своей историей, ветшающей роскошью, романтическими разбойниками. Эта Италия появится, пленительная и страшная, в его «Упыре» – и всю жизнь будет манить к себе. В Италии он познакомился с Брюлловым; спустя несколько лет Брюллов гостил в семье Перовского и Толстых и написал портрет Алеши Толстого – белолицего и румяного блондина с фигураной борца... Алексей продолжал писать стихи, дядя даже устроил ему первую публикацию, но – чтобы племянник не возгордился – рядом со стихами был напечатан и критический разнос. Некоторые стихи дошли до наших дней, но, как и всякая юная лирика, – за редким исключением – особыми достоинствами они не блещут. Впрочем, сохранились устные свидетельства, что первые стихотворные опыты молодого поэта хвалили Пушкин и Жуковский.

Ф.Ф. Баганц.
Дом Крыловой.
Михайловская
площадь.
Изображена
восточная
сторона
Михайловской
площади
(дома №2 и 4)
с участком
Инженерной
улицы.
1852–1853 годы.
В этом доме
в середине
XIX века жил
А.К. Толстой

Здание
Московского
архива
Министерства
иностранных дел
на углу Моховой
и Воздвиженки

СЛУЖБА, ЧИН, ВИЦМУНДИР

Надо было определяться с карьерой. Он поступил на службу в Московский архив Министерства иностранных дел – разбирать старинные документы и стал готовиться к университетским экзаменам на факультете словесности «на право чиновников первого разряда». Экзамены сдал успешно. Однако вместо того, чтобы делать карьеру, повез заболевшего дядю на лечение в Европу. Алексей Перовский чувствовал себя все хуже и вскоре умер, оставив племяннику все, что имел. Алексей, приходя в себя после похорон, явился на службу, где давно не был. Из департамента хозяйственных и счетных дел он перевелся в департамент иностранных дел, а оттуда был направлен в миссию во Франкфурте-на-Майне. Толкового чиновника из него не вышло, как ни пытались наставить его на путь государственной службы дяди Перовские: литература и путешествия его интересовали куда больше.

Вскоре после смерти дяди Алексей в первый раз влюбился – в княжну Елену Мещерскую. Мать воспротивилась этой любви, и послушный сын от нее отказался. Еще одна его любовь – девушка Пеппина, встреченная им на озере Комо во время второй итальянской поездки; эту Пеппину мы встречаем в его первой крупной публикации – повести «Упырь». «Упырь» вышел в свет в 1841

году, подписанный псевдонимом «Краснорогский», и сразу обратил на себя внимание Белинского, заметившего в нем «все признаки еще молодого, но тем не менее замечательного дарования».

«Упырь» и другие страшные рассказы Толстого – «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет» (эти два были изначально написаны по-французски) – и сегодня читаются с упоением. Это классика русского «хоррора», замечательная по изобретательности сюжета и мрачной атмосфере; чего стоит одна только жуткая, до мурашек по коже, рыцарская баллада из «Упыря» – «пусть бабушка внучкину высосет кровь»...

Знакомство с Гоголем, благословение великих современников, многообещающий литературный дебют в духе гоголовско-гофмановской романтики – казалось, все это открывало перед молодым графом прекрасные перспективы. Но вместо литературы он занимался службой под присмотром дядей, Василия и Льва Перовских, и восходил их усилиями по карьерной лестнице, что его нимало не интересовало. Он подолгу жил в усадьбе, охотился, учился рисовать, читал, мало занимался хозяйством: управление имением целиком взяла на себя мать. Мать – его деспот, хотя и горячо любимый; она бдительно следила за его карьерой и расстраивала любой его роман. Он не показывал любящим родственникам, насколько эта благополучная жизнь, ими созданная, ему не по мерке. Он был человек хороший, деликатный, воспитанный – вообще джентльмен, как назвал его историк литературы Святополк-Мирский. Он не любил, не мог и не хотел служить, служба не давала ему заниматься литературой. В одном из писем он делился заветным: «Но как работать для искусства, когда слышишь со всех сторон слова: служба, чин, вицмундир, начальство и тому подобное? <...> Я не могу восторгаться вицмундиром, и мне за прещают быть художником; что

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Граф А.К. Толстой.
Рисунок К. Горбунова

мне остается делать, если не заснуть? Правда, что не следует засыпать и что нужно искать себе другой круг деятельности, более полезный, более очевидно полезный, чем искусство; но это перемещение деятельности труднее для человека, родившегося художником, чем для другого...» Он убежден, что он художник, но семья требует от него службы. Он работает в стол, пишет по ночам. Днем – служба, придворные обязанности. Читатели никогда не увидели того, что он написал этими ночами – позднее он сам

Козьма Прутков.
Вымышенный
портрет.
Художники
Л. Жемчужников,
А. Бейдеман,
Л. Лагорио

Александр
Михайлович
и Владимир
Михайлович
Жемчужниковы

уничижил множество стихов этого времени, сомневаясь в своей поэтической силе. Хотя в это десятилетие, в 40-х годах, написано несколько замечательных баллад, в том числе хрестоматийный «Василий Шибанов». И безукоризненное по форме, ослепительно-счастливое стихотворение «Где гнутся над омутом лозы»: кожей чувствуешь тепло, видишь «бирюзовые спинки, а крыльшки точно стекло». И «Колокольчики мои, цветики степные». И стихи «Ты знаешь край, где все обильем дышит», полные самых живых

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А. А. Горбунов. Портрет В. М. Жемчужникова. 1831

красок и острой тоски по любимой с детства Украине. Его тянет к простору, к природе, наедине с которой он сам себе равен, к свободе. Но жизнь течет в другую сторону – настолько против его воли, что иногда он готов биться головой об стену от отчаяния.

...Грянула Французская революция 1848 года, а за ней началось стремительное закручивание гаек в России – известное «мрачное семилетие», время цензуры, ссылок и мертвящей бюрократии. Толстой все-таки нашел для себя отдушину в этом царстве стоячего воздуха. Вместе с братьями Жемчужниковыми – большой, шумной семьей кузенов, детей его тетки по матери, – он придумал Козьму Пруткова, персонаж в российской словесности непревзойденный. Впервые Прутков появился примерно в первой половине 1850-х годов – и вскоре зажил своей жизнью, обзавелся биографией и родственниками. Алексей Толстой с кузенами стали, пожалуй, первыми абсурдистами в русской литературе (ну, если не считать некоторых пассажей у Гоголя). С Гоголем, кстати, именно в это время Толстой сильно сдружился; Гоголь приехал из-за границы работать над вторым томом «Мертвых душ», Толстой много проводил с ним времени и, по некоторым свидетельствам, читал ему одну из первых редакций своего «Князя Серебряного». Может быть, под влиянием гоголевской религиозности, находясь по службе в Калуге, Толстой несколько раз ходил пешком в Оптину пустынь. История тоже была своего рода отдушиной для Толстого: куда и уходить в трудные времена, как не в историю еще более трудных времен. При всей симпатии к баснословной древности, к богатырским временам Киевской Руси больше всего интересовали Толстого времена мучительные, трудные, поворотные: царство Ивана Грозного, царство Годунова, Смута... – времена сильных характеров и острых сюжетов, позволяющие говорить самое важное о стране, ее истории, ее народе и власти.

КОЛЬ ЛЮБИТЬ, ТАК БЕЗ РАССУДКУ

В 1851 году на бале-маскараде Толстой встретил незнакомую даму. Разговорился с ней и был совершенно очарован: дама оказалась умным и внимательным собеседником. Но маску не сняла – только взяла его карточку. «Средь шумного бала, случайно» – это о ней, о смутной влюбленности, которая едва зародилась и обещает и счастье, и боль. Таинственная незнакомка через несколько дней пригласила его в гости – и с этого началась история любви на всю жизнь. Софья Андреевна Миллер, урожденная Бахметьева, была женой конно-гвардейского ротмистра, жила отдельно от мужа, хотя и не в разводе. Она знала 14 языков, прекрасно пела, отлично разбиралась в музыке и литературе и была хотя и нехороша собой – небольшие глаза, нос уточкой, жесткий подбородок, – но необыкновенно обаятельна. В первых письмах влюбленный Толстой рассказывал ей всего себя. Делился сомнениями о своей службе и своей беспечности, посвящал в планы заняться литературой. Она поддерживала и одобряла. Мать, услышав, что сын влюбился в чужую жену, поспешила принять меры: отговаривала, щедро делилась сплетнями, которые заставили его очертя голову мчаться к Софье Андреевне в имение ее братьев и объясняться. Теперь уже возлюбленная рассказывала ему свою не очень счастливую жизнь: ошибки молодости, неудачный брак... Он жалел ее и от жалости, кажется, любил еще больше.

Любовь как будто заставила его, застывшего в отчаянной нерешительности, двигаться и бороться. Несколько последующих лет он уговаривал мать принять его выбор. А Софья Андреевна пытлась добиться от мужа развода.

Именно сейчас, когда он, как Илья Муромец, много лет просидевший на печи, встал и за двигался, когда он начал писать, когда, собственно говоря,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.К. Толстой
в военной форме.
Фотография
1856 года

начал жить в полную силу и дышать полной грудью, – он написал свое знаменитое стихотворение:

*Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой.
Коли пир, так пир горой!*

Все от души, все по большому счету, честно, открыто и в полную силу. И в литературе, и в жизни Толстой таким и был. Заступался перед царем Николаем I за Тараса Шевченко, выправлял арестованному Тургеневу право жить в Петербурге; позднее пытался заступиться перед Александром II за сосланного Чернышевского, но добился только ссоры; а вот за Шевченко хлопотал небезуспешно. Это – пушкинская традиция «милость к падшим призывать», одинаковые для всех времен добрые нравы русской литературы, в которой, как и в жизни вообще, Толстой вел себя безу коризненно.

Князь Мещерский, брат его первой возлюбленной, писал о нем: «Подобной ясной и светлой души, такого отзывачивого

Софья
Андреевна
Толстая
(1827–1895;
урожденная
Бахметьева,
в первом браке
Миллер), жена
А.К. Толстого.
Фотография
середины 1860-х
годов

и нежного сердца, такого вечноприсущего в человеке нравственного идеала я в жизни ни у кого не видел». Современники в один голос рассказывают о Толстом одно и то же: скромный, спокойный, удивительно милый человек, рядом с которым хорошо и радостно.

ДВУХ СТАНОВ НЕ БОЕЦ

В 1855 году началась война с англичанами. Толстой, возмущенный точечными высадками противника на Балтике, сначала пытался купить и оснастить свой корабль и нанять команду матросов, чтобы противостоять им. Затем, с началом Крымской войны, стал собирать стрелковый полк. Он был хорошо организован и хорошо вооружен, Толстой получил чин майора. Полк прибыл в Одессу, но не успел вступить в военные действия: началась эпидемия тифа. Заразился и сам Толстой, который долго болтался между жизнью и смертью. Новому императору, Александру II, телеграфными депешами докладывали о состоянии друга детства. Софья Андреевна поехала в Одессу ухаживать за любимым. Потом он долго выздоравливал. Жили в Одессе, путешествовав-

А.К. Толстой.
Санкт-Петербург.
1864–1865 годы.
Фотография
Яна Гоха

между лагерями, не вливаясь
ни в один: собственная незави-
симость была ему дороже вся-
кой идеологии.

*Двух станов не боец, но только
гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой
добрый меч,*

*Но спор с обоими досель мой
жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня
привлечь;*

*Союза полного не будет между
нами –*

*Не купленный никем, под чье б ни
стал я знамя,*

*Пристрастной ревности друзей
не в силах снести,*

*Я знамени врага отстаивал бы
честь!*

Со временем он станет жестче
и язвительней, и достанется от
него всем.

«Идут славянофилы и нигилисты, у тех и других ногти нечисты». «Ибо нет ничего слюнявее и плюгавее русского безбожия и православия». Он всегда в сторо-
не, всегда над схваткой, по-
тому что чувство меры и спра-
ведливости всегда тянет его
возражать и тем, и другим. Мож-
ет, потому одним из лучших
его героев стал Поток-богатырь,
прославивший несколько столе-
тий и крайне изумленный уви-
денным в XIX веке:

*И подумал Поток: «Уж, господь
борони,
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они
Обожали московского хана,
А сегодня велят мужика обожать!
Мне сдается, такая потребность
лежать*

*То пред тем, то пред этим
на брюхе*

На вчерашнем основана духе!»

Демократы не простили ему
«Потока» – записали в ретрографы
и долго еще поминали ему
авторство возмутительного сти-
хотворения. Хотя и в другой ого-
род он камней накидал предо-
статочно: чего стоят только «Сон
Попова» и прутковский «Про-
ект: о введении единомыслия
в России». Каменьев Толстой не
жалел для обоих лагерей – куда
только девалась в таких случаях
его кротость.

ли по Крыму, скорились, мирились и тосковали о невозможности по-настоящему быть вместе. Стихи, которые написаны тогда на юге, полны любви, тоски и ощущения чуда:

...Скаэжи, о чём твоя печаль?
Не той ли думой ты томима,
Что счастье, как морская даль,
Бежит от нас неуловимо?
Нет, не догнать его уж нам,
Но в жизни есть еще отрады;
Не для тебя ли по скалам
Бегут и брызжут водопады?
Не для тебя ль в ночной тени
Вчера цветы благоухали?

Из синих волн не для тебя ли
Восходят солнечные дни?..
Это недолгое краденое счастье
закончилось, когда мать вызвала Толстого к себе. Наговорила очередных сплетен о Софье Андреевне. Новый царь требовал Толстого ко двору, его жда-

ла должность флигель-адъютанта. Толстой в ужасе пытался отбиться от нее – рассказывал о своей непрактичности, неспособности к службе, просил отпустить. «Послужи, Толстой, послужи», – ответил император...

Козьму Прutкова охотно печатал некрасовский «Современник». Но теперь он изменился, и тон в нем стали задавать не писатели, а критики – в первую очередь Чернышевский и Добролюбов. Толстому, влюбленному в красоту, их утилитаризм был отвратителен.

Воздух раскалялся, в нем носилось ожидание реформ. Литература раскололась на прагматиков и приверженцев чистого искусства; западники боролись со славянофилами, демократы – с консерваторами-монархистами. Толстой лавировал

О, ОТПУСТИ МЕНЯ, КАЛИФ!

1858 год многое изменил в его жизни. Умер один дядя, Лев Перовский. Затем умерла мать. Ее смерть примирila Толстого с отцом, к этому времени тихим и богоизненным стариком: раньше он с ним не знался, чтобы не огорчать матушку. Следом за матерью умер второй дядя, Василий Перовский. Толстой унаследовал имения и состояния всех троих. Но ни воссоединиться с любимой, чье дело о разводе с мужем, уже полковником Миллером, так и не было закончено, ни отказаться от обязанностей при дворе он не мог. Именно это бремя придворной службы пытается сбросить с себя его Иоанн Дамаскин, страстно и убедительно уговаривающий царя отпустить его:

«...Простым рожден я быть певцом,

Глаголом вольным бога славить!
В толпе вельмож всегда один,
Мученья полон я и скучи,
Среди пиров, в главе дружин,

Иные слышатся мне звуки.
Неодолимый их призыв
К себе влечет меня все боле –
О, отпусти меня, калиф,

Дозволь дышать и петь на воле!»

Дамаскин создан, чтобы петь хвалу Господу и утешать людей. Ни калиф ему не может помешать, ни монах-наставник, за-претивший ему слагать стихи: за поэта вступается Богородица – и ликующая песнь разливается по свету:

Раздайся ж, воскресная песня моя!
Как солнце взойди над землею!
Расторгни убийственный сон
бытия

И, свет лучезарный повсюду лия,
Громи, что созиждано тьмою!

В конце концов Толстой подал царю прошение о бессрочном отпуске, и тот вынужден был отпустить поэта. Царица вздохнула: этот Толстой покидает царя именно тогда, когда ему нужны честные люди!

...Неумолимо надвигалась отмена рабства.

В 1861 году Толстой примчался из Англии, чтобы самолично прочитать своим крестьянам царский манифест. Крестьяне его не поня-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ли. Хозяина из Толстого не получилось: управлять имениями он не мог, не имел к этому никакой склонности, распоряжений его никто не исполнял, управляющие его откровенно грабили. Бессрочный отпуск оказался половинчатым решением проблемы, Толстого постоянно призывали на службу ко двору, суля высокие посты. Наконец, он решил ся на отчаянный шаг и написал царю не прошение даже, а личное письмо: «Государь, служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей природе. Я сознаю, что всякий в меру своих сил должен приносить пользу своему отечеству, но есть разные способы быть полезным. Способ, указан-

Алексей
Алексеевич
Перовский,
псевдоним –
Антоний
Погорельский
(1787–1836),
русский писатель,
критик.
Миниатюра
М.М. Даффингера.
1827 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.М. Москвин
в роли царя
Федора
Иоанновича.
МХТ. 1910-е годы

ный мне Провидением, – мое литературное дарование, и всякий иной путь для меня невозможен. Я всегда буду плохим военным, плохим чиновником, но, как мне кажется, я, не самообольщаюсь, могу сказать, что я хороший писатель. Это призвание для меня не ново; я бы давно отдался ему полностью, если бы в продолжение длительного времени (до сорока лет) не насиливал себя из чувства долга иуважения к моим родным, которые не разделяли моих взглядов на этот счет. <...> Я надеялся тогда победить мою природу – художника, но опыт показал, что я боролся с ней напрасно. Служба и искусство несовместимы. Одно вредит другому, и нужно выбирать одно из двух». А царю он обещал верно служить в главном: всегда говорить правду. «И истину царям с улыбкой говорить», он и тут был верным наследником Пушкина, с которым пребывал в постоянном диалоге – то спорил с его пониманием Годунова, взявши за тему, с которой, казалось, после Пушкина нечего делать. То дружески возражал в уморительных надписях на стихотворениях Пушкина: на «зачем ты, грозный аквилон...» отвечал: «И как не наскутило вам всем пустое спрашивать у бури? Пристали все: зачем, зачем? Затем, что то – в моей натуре!»

Царь, получив прошение, дал ему отставку. Толстой получил свободу. Закончил «Князя Серебряного», над которым мучился двенадцать лет. Написал «Смерть Иоанна Грозного». Софья Андреевна получила развод, и они наконец обвенчались – в Дрездене в 1863 году, через двенадцать лет после встречи на маскараде. Но ко времени этой подоспевшей свободы Толстой начал сильно болеть: появилась астма, заболел желудок; болело сердце; начались головные боли, которые в конце концов и свели его в могилу. Лечиться тогда ездили на курорты; казалось, ему помогал Карлсбад. Все следующие годы прошли в разъездах между Карлсбадом, имением Пустынька, где он жил с женой, и европейскими столицами, где был

предоставлено м. Золотаревым

А.К. Толстой.
Неаполь.
Середина
1860-х годов

круг общения, друзья, дела, где готовились его театральные постановки. Начал писать «Царя Федора Иоанновича» – поразительную драму с совершенно неслыханным царским характером. Толстовский Федор Иоаннович slab духом до невменяемости, но при этом – как и толстовские богатыри, как князь Серебряный, как сам Толстой – так прост и устойчив ко всячому злу, что почти свят. Трагедию запретила цензура. Такая писательская судьба: лучшая пьеса не увидела сцены, лучшие сатиры, «Сон Попова» и «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» не были опубликованы при жизни автора. Первый сборник стихов вышел, когда поэту уже стукнуло 50 – притом что стихи он писал с 6 лет! И к этому сборнику он тщательно перебирал всю свою работу и выбрасывал все, что ему казалось лишним. И Каролине Павловой, переводчице

его пьес на немецкий, проповедовал ту же жесткую требовательность и рассказывал, что выбирал из пьесы не только целые страницы, но и целые тетради... Он закончил «Царя Бориса», третью часть исторической трилогии, но «Посадника», свою последнюю пьесу, так и не завершил.

Он задыхался и страдал невыносимыми головными болями; в воспоминаниях о последних годах его жизни современники говорят о страшном багровом цвете его лица. В приступах боли он лежал на полу, положив на голову лед; ничего не помогало. Наконец кто-то посоветовал ему морфин. Наркотик давал облегчение, но вызвал немедленную зависимость. Осенью 1875 года Толстой по ошибке вколол себе слишком большую дозу морфина, уснул и не проснулся. Есть какая-то печальная ирония судьбы в том, чтобы самый добродетельный русский классик

умер от передозировки, как не-путевой рокер XX века. Наверное, во всем XIX столетии не найти более аутентично-го русского писателя, чем западник и полиглот Толстой. Именно его глазами мы видим допетровскую Русь, совершенно внутренне достоверную – как глазами Дюма видим время мушкетеров. С удивительным тактом и вкусом, нигде не свалившись в разлюли-малину, он принес читателю лучшее из того, что сам нашел в народных песнях и былинах. Именно его насмешливый ум помогает впервые понять и осилить непостижимую логически русскую историю – так же, как и русскую бюрократию, и графоманию, – осилить и не бояться, вот что важно. Помогает навсегда получить иммунитет от лазоревых полковников и слишком серьезного отношения ко всяким идеологическим побоищам, где не сходятся в теории вероятности, но сходятся в неопрятности. Ну и сам по себе опыт такого щедрого, счастливого, принимающего и любящего отношения к жизни, к природе, к любимой женщине и к своей стране – он ни для кого не лишний: это как раз тот витамин, которого никогда не хватает. ☺

ПО КОМ ЗВУЧИТ «РЕКВИЕМ»?

АВТОР

АЛЕКСАНДР КОПИРОВСКИЙ

В ДЕКАБРЕ 1936 ГОДА НА СТОЛ ВСЕСИЛЬНОГО «ВОЖДЯ НАРОДОВ» ЛЕГ ОДИН ИЗ МНОГИХ ДОНОСОВ, БЫВШИХ В ТЕ ВРЕМЕНА ОБЫЧНЫМ ДЕЛОМ.

«Секретарю ЦК ВКП (б) – т. Сталину И.В.
 т. Андрееву А.А.

<...> Подготовка П. Корина к основной картине выражается в сотне эскизов, натурическими для которых служат махровые изуверы, сохранившиеся в Москве, обломки духовенства, аристократических семей, бывшего купечества и пр. <...> Он утверждает, но весьма неуверенно, что вся эта коллекция мракобесов собрана им для того, чтобы показать их обреченность. Между тем никакого впечатления обреченности, судя по эскизам, он не создает. <...> Мастерски выписаные фанатики и темные личности явно превращаются в героев, христиан-мучеников, гонимых, но не сдающихся поборников религии. <...> Наши попытки доказать ему ложность взятой им темы пока не имели успеха, так как он находил поддержку у некоторых авторитетных товарищей. <...> Прошу Вашего указания по этому вопросу. Зам. Зав. Культпросветом ЦК ВКП (б): А. Ангаров. 8.XII. 36.

У страха, как известно, глаза велики. «Сотня эскизов» Корина на самом деле состояла всего из 37 полотен. Но они действительно «весили» больше тех произведений его коллег, в которых прославлялись новые герои страны, отказавшиеся от прошлого и бодро смотревшие в будущее.

АРХИЕПИСКОП ТРИФОН: ЭТЮД...

Первой и самой значительной фигурой, запечатленной художником, как уже упоминалось, стал бывший епископ Дмитровский, на момент написания портрета – архиепископ на покое с правом служения, Трифон (в миру – Борис Петрович Туркестанов). Он – один из упомянутых доносчиком «облом-

ков» аристократических семей: по отцу – представитель грузинского княжеского рода Туркестанишвили, жившего в России со времен Петра I, по матери – Нарышкиных. Молодой человек, перед которым открывалась блестящая светская карьера, оставляет учебу в Московском университете и становится монахом, а затем и архиереем, что было предсказано ему еще в раннем детстве знаменитым оптиическим старцем Амвросием. Однако на портрете архиепископ Трифон (ошибочно названный Кориным митрополи-

том – этот сан он получил позже, в 1931 году) не похож ни на изысканного аристократа, ни на величественного «князя церкви», ни на смиренного и тихого старца. По выражению знатока художественного наследия Павла Корина, более 35 лет проработавшего в его музей-квартире, Вадима Валентиновича Нарциссова, владыка Трифон здесь – «факел». Он изображен в глубоком, напряженном молитвенном состоянии. Формальное сходство в позе и внешнем облике с уже известным нам этюдом старика Гервасия, написанным раньше (в эскизе старик тоже есть – справа от центра, у колонны), лишь подчеркивает огромную разницу во внутренней динамике образа. Старик размышляет, архиерей предстоит. Более того, мы видим молит-

Архиепископ Трифон.
 1929 год

ву «с дерзновением» – настойчивую, сильную, неотступную. Таким, наверное, можно представить себе пророка Моисея, который, выводя народ Божий из египетского рабства, «словно видя Невидимого, был тверд» (Евр 11:27). Лицо архиепископа (хочется написать – «лик») суровое, с резкими, как будто вырубленными из камня, чертами исполнено грозной силы, и в то же время озарено внутренним светом. Впечатление полной отрешенности от происходящего вокруг, устремленность к «горнему» миру в его лице усиливается из-за широко открытых глаз, особенно левого. Но этот наиболее выразительный глаз на самом деле... незрячий, более того – искусственный, вставной. Православная Москва того времени хорошо знала, что владыка Трифон наполовину ослеп не случайно и не от старости. Он – герой русско-германской войны, на которую, будучи архиереем, поехал в должности обычного полкового священника. Там за проявленную храбрость при совершении богослужений на линии огня, а также за беседы в окопах с воинами во время боя он был награжден панагией на Георгиевской ленте и орденом Святого Александра Невского. Лишь контузия и потеря глаза вынудили его вернуться.

...И РЕАЛЬНЫЙ ОБЛИК

Но вот что поражает: грозный вид владыки на портрете мало вяжется, например, с написанным им знаменитым акафистом (молитвенным пением, исполняемым стоя) «Слава Богу за все». Акафист удивительно лиричен, красота природы и искусства увидена в нем как почти райская, он содержит очень личные интонации. Кроме того, он написан по-русски, а не по-церковнославянски, и совсем без стилизации. Вот отрывки из него:

*Когда я в детстве первый раз
сознательно призвал Тебя,
Ты исполнил мою молитву, и душу
осенил благоговейным покоем <...>*

Архиепископ
Трифон

Я стал призывать Тебя снова
и снова <...>
В дивном сочетании звуков
слышится зов Твой.
Ты открываешь нам преддверие
грядущего рая
в мелодичности пения,
в гармонических тонах,
в высоте музыкальных красот,
в блеске художественного
творчества.
Все истинно прекрасное могучим
призывом уносит душу к Тебе,
заставляет восторженно петь:
Аллиула!

После этих вдохновенных свободных строк уже не кажется странным, что портрет владыки Трифона сильно отличается от его фотографии. На ней он не «факел», а мудрый пастырь, и при этом – настоящий интеллигент (он знал пять языков). Не случайно среди его духовных детей была, например, актриса Мария Ермолова, на отпевании которой он не побоялся сказать, что решение стать монахом у него сложилось во многом под влиянием блестящие сыгранной ею роли Жанны д'Арк. А еще артисты Иван Москвин и Михаил Тарханов, певица Антонина Нежданова, художник Михаил Нестеров, учитель и старший друг Павла Корина. Именно Нестеров и мог попросить архиепископа Трифона о позировании тогда еще никому не известному художнику.

Но тот согласился всего на четыре сеанса! Причем, по словам вдовы художника Прасковьи Тихоновны, переданным В. Нарциссовым, результат первых трех был Павлом Дмитриевичем признан непригодным и уничтожен. Это значит, что непосредственно с натуры Корин писал этюд лишь в течение последнего сеанса. Вот почему владыка здесь не слишком похож на себя внешне. Художник в какой-то степени «додумал» натуру: обобщил ее, вывел за временные рамки, а главное – духовно героизировал. Кто-то может сказать – слишком сильно, в лоб... Но именно такой подход сыграл решающую роль в согласии на портретирование других представителей церковной среды. Некоторых благословил на это сам архиепископ Трифон. А другие, услышав от художника, что владыка ему позировал, приходили взглянуть на результат и, удовлетворенные, соглашались на непривычное и странное для них дело. Сыграли положительную роль и огненно-красные пасхальные облачения – явный противовес всему «красному» на улицах. Довольно смешно рядом с этим образом звучат идеологические перлы: «Величие и красота одеяния только подчеркивают и обостряют внутреннюю смиренность Трифона и безнадежность борьбы, которую он олицетворяет в своем фанатическом порыве»... Вернемся теперь к эскизу, чтобы увидеть этого архиерея среди обступивших его людей, то есть в контексте всего замысла картины. Вот как характеризует это В. Нарциссов: «Хрупкое тело владыки преисполнено духовной силы. Сам горя, он зажигает каждую фигуру в этой огромной людской стене... воспламеняется фигуркой митрополита-факела, каждая из человеческих фигур превращается в своеобразную свечу». Не обо всех, но хотя бы о некоторых из этих живых свечей мы и поговорим ниже.

ПРОТОДЬЯКОН МИХАИЛ ХОЛМОГОРОВ

На эскизе рядом с владыкой стоит огромный как гора протодьякон с кадилом в поднятой вверх руке. Это Михаил Кузьмич Холмогоров, позировавший когда-то Нестерову для фигуры царя в картине «На Руси. Душа народа». Бросается в глаза не только его рост, но и подчеркнуто, до неестественности вытянутая правая рука с кадилом. Но прижатая к груди левая рука (чего не бывает во время каждения) смягчает образ, сообщает ему неожиданно личностный акцент. Протодьякон как будто один, а не в храме среди народа. Еще больше усиливается эта нота благодаря почти полностью прикрытым глазам (в этюде это видно гораздо лучше, чем на эскизе). Перед нами человек, возносящий не только общую, но и свою молитву к Богу, и эта молитва, несмотря на поражающие размеры протодьякона, явно не слишком громкая. Внимание прежде всего к внутреннему миру портретируемого отличает Корина от многих художников.

Еще сильнее это проявилось во втором этюде с Холмогоровым, написанном через два года и тоже включенным в эскиз (в правой части, третья фигура от края). В нем протодьякон изображен не в богослужебном облачении – стихаре, а в подряснике. Дающий, казалось бы, значительно меньше

эффектных возможностей для живописи простой черный подрясник неприметно оживлен тонкими переходами от более светлого к более темному. Благодаря жестким линиям складок он смотрится почти как воинский доспех. Но в характеристике образа самого протодьякона его одежда и фигура – лишь своего рода постамент под выпуклое мощными мазками лицо, обращенное к зрителю. В нем видна не только горечь перенесенных испытаний, но и

Эскиз картины.
64 x 107 см,
акварель.
1935–1959 годы

мужество, и духовная глубина. Впрочем, самые большие испытания – тюрьма, смерть жены и потеря голоса, гибель сына – были впереди: до ареста ему оставалось всего три года...

Каким контрастом этому одухотворенному лицу смотрится, например, знаменитый репинский протодьякон, больше похожий на языческого волхва! Эта характеристика дана ему самим Репиным. Художник добавил и еще, жестко, но верно: у такого дьякона «ни на одну итогу не полагается ничего духовного – весь он плоть и кровь, лупоглазие, зев и рёв, рёв бессмысленный, но торжественный и сильный...». Корин в образе своего протодьякона сумел показать совсем иное.

Протодьякон
Михаил
Холмогоров.
1935 год

И. Е. Репин.
Протодьякон.
1877 год.
Государственная
Третьяковская
галерея

ОТЕЦ И СЫН, СЛЕПОЙ, МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА

Противопоставлением самодовольной «плоти» (принципиально отличающейся в Священном Писании от человеческого тела – храма Святого Духа) выглядят на этюдах Корина образы не только священнослужителей, но и мирян.

Справа от центра эскиза на первом плане высится подобная Холмогорову фигура настоящего русского богатыря. Это человек не «от сохи»: перед нами скульптор и реставратор Сергей Михайлович Чураков. С большой седой бородой, в беспорядке разбросанными волосами, он заложил руки с палочкой, на которую опирался при ходьбе, за спину (на эскизе этого не видно), свободно отставил ногу и развернул могучие плечи. Однако лицо его опущено, взгляд устремлен внутрь себя. Он находится в состоянии тяжелого раздумья. Справа от него кажущийся хрупким юноша – его сын Степан. Он тоже художник и реставратор иконописи, ученик Корина (в старости – точная копия отца). Степан тоже о чем-то напряженно размышляет, сцепив, даже несколько вывернув перед собой руки. Кстати, руки у коринских персонажей почти всегда «говорящие», они в некотором смысле продолжение лиц. Это не случайно: Корин – бывший иконописец, а в иконописи в понятие «личное» входит не только лицо, но и все открытые части тела, в первую очередь руки.

«Отец и сын» – внешне очень эффектная пара персонажей, но эффект здесь достигается не только противопоставлением юности и зрелости, силы и хрупкости. Художник смог показать при этом глубину их душевного и духовного мира. А еще – их внутреннее единство. Этот парный портрет нравился очень многим. Не случайно именно при виде его Горький, высоко оценивший и другие этюды «Реквиема», пришел в восторг и сказал Корину: «Вы большой художник. Вам есть что сказать.

Отец и сын.
1931 год

Слепой.
1931 год

У вас настоящее, здоровое искусство».

Теперь посмотрим на левую сторону эскиза. Под воздетой рукой протодьякона, между согбенным схимником со свечой и иеромонахом, демонстративно высоко, даже надменно, держащим голову, стоит маленького роста человек с уродливым лицом и непропорционально длинными, корявыми, вытянутыми вперед руками. Сразу можно сказать, что это слепой. В его образе ощущается какая-то придавленность,

униженность, страдание, в нем, как кажется, отсутствуют красота и благородство, столь ощущимые во многих коринских персонажах. Все это побудило автора единственной монографии о Корине, Алексея Михайлова, к несколько неожиданному сравнению слепого со знаменитой античной скульптурой – Лаокооном, гибнущим от змей: «Как Лаокоон, сжатый вместе с сыновьями в гигантских змеиных кольцах, умирая в невыносимых страданиях, обращался с трагической мольбой о спасении к своим богам, так и слепой на исходе своей мучительной жизни...» и т.д. Не будем отвергать и такого, весьма субъективного, хотя и яркого сравнения. Но тем не менее поза слепого (его звали Данило), видимо, объясняется гораздо проще, поскольку соответствует его постоянному занятию. Он – регент, то есть руководитель хора на одном из клиросов Богоявленского Дорогомиловского собора в Москве (снесен в 1938 году), обладавший абсолютным слухом и знавший службы наизусть. Вот и на этом этюде Данило не столько мучительно пытается ориентироваться в пространстве (он ведь позирует), сколько, может быть, представляет себя за любимым делом – дирижированием. Так что «мольбы о спасении» не получается. Наоборот: есть интересный факт, говорящий о его скорее ироническом, чем трагическом отношении к действительности. Поднявшись на шестой этаж в первую, арбатскую мастерскую Корина и услышав сверху гул толпы, звонки трамваев и прочие не самые гармоничные звуки, он, усмехнувшись, сказал: «А Вавилон-то шумит...»

Еще один образ человека из мира, на этот раз женский. Прямо перед слепым стоят три женщины: две из них – монахини, а третья – она слева, с непокрытой головой, в туфельках – мирянка. На этюде хорошо заметно обручальное кольцо на

Тroe.
1933–1935 годы

ДВЕ ФАМАРИ И ОТЕЦ ФЕОДОР

Позировала художнику и еще одна княжна – Тамара Мардженова, родная сестра известного режиссера театра и кино Константина Мардженова (Марджанишвили). Об этом с нескрываемой злобой писал доносчик: «Корину позируют бывшие княгини... и прочие подонки». Ее Корин запечатлел незадолго до смерти, когда она уже была схигуменьей Фамарью. Это один из

лучших портретов цикла. Пройдя через многолетнюю монашескую аскезу (в монастырь, отказавшись от поступления в Петербургскую консерваторию и преодолев сопротивление родственников, Тамара ушла двадцать лет, в 1889 году), арест и сибирскую ссылку, откуда вернулась с туберкулезом, она выглядит гораздо старше своих 67 лет. Автор одной из работ о Корине советского времени утверждал, что, судя по ее портрету, «вера выжила в ней все живое». Он

Схигуменья
Фамарь.
1935 год

безымянном пальце ее правой руки. Это Софья Михайловна Мейен, урожденная княжна Голицына. Аристократизм, видный и в посадке головы, и в тонких чертах прекрасного лица, и в свободном положении рук, не может скрыть общего состояния встревоженности, почти испуга. И вместе с тем – нестигаемой твердости. Корин и здесь «добавил», усилил в ее образе это качество. В старости (умерла в 1982 году) она выглядела столь же изысканно и, в то же время, значительно мягче, просветленнее. Автор этих строк имел счастье видеть ее в гостях у Николая Евграфовича и Зои Вениаминовны Пестовых, хорошо известных церковной Москве. Ее мне так и представили (на ухо, конечно): «Это Голицына с картины Корина...»

Портрет
С.М. Мейен
работы
С.А. Тутунова.
1980 год

увидел в ее лице только разочарование и опустошенность, причиной которых назвал жизнь, посвященную «поиску ложных истин». Посмотрим, так ли это.

Псалмопевец говорит о праведниках: «даже в старости они плодовиты, и сочны, и свежи» (Пс 91:15). На портрете Корина видно больше. Белый апостольник, покрывающий голову матушки Фамари, и мощные белые мазки, строящие форму лица, создают как будто сияние вокруг всей верхней части ее фигуры. На самом же лице царствуют огромные глаза, мудрые и возвышенно-скорбные. Победа над плотью здесь не в разрушении, а в преображении ее. Хрупкая, почти невесомая фигура схиигумены дает ясное ощущение цельности натуры, внутренней силы – силы духа. Это не твердость воли, основанной на правой вере, как у Голицыной. Это обретенное через страдание состояние мира с Богом и ближними, духовное ведение, позволяющее не только знать все, но и прощать...

На эскизе рядом с ней справа молодая монахиня. Соседство с почти иконописным лицом матери Фамари подчеркивает простоту облика молодой женщины, но одновременно – и роднящую обеих аскетичность и стойкость, здесь даже несколько подчеркнутую ее позой. Строгая черная одежда, полностью скрывающая руки, и острые вершины куколя придают ее фигуре торжественный характер. Обрамленное со всех сторон черным лицо монахини смотрится ярко-белым пятном. Конtrаст, однако, позволяет лишь лучше взглядеться в его черты. Она тоже не из «простых». Перед нами дочь петрозаводского, а затем самарского губернатора Татьяна Протасьева. В год портретирования – монахиня Таисия, в схиме она примет имя своей духовной матери схиигумены Фамари, не случайно на эскизе они изображены рядом. Однако монахиней она была тайной. Продолжая жить в миру, окончила Московский университет, а потом много лет работала в Государственном Историческом музее,

Молодая монахиня.
1935 год

изучая древние рукописи и издавая по ним монографии и статьи. На портрете она после возвращения из ссылки...

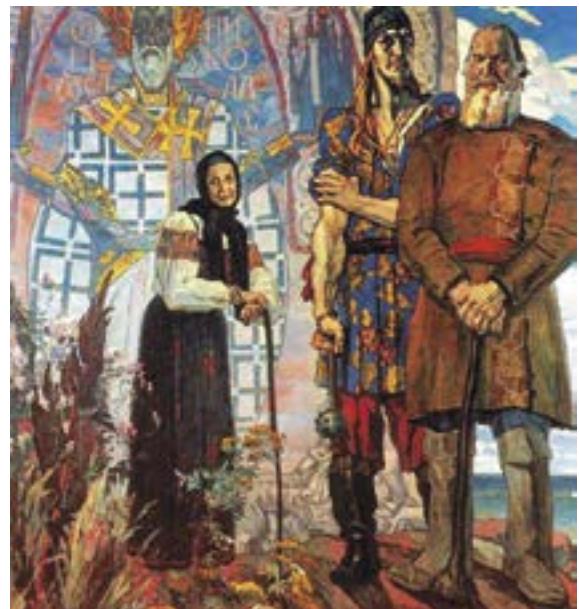
Следующая фигура справа – молодой монах в чуть коротковатом подряснике, с ниспадающими на плечи волосами и небольшой бородкой. Это иеродиакон Феодор, в миру – Олег Богоявленский, сын русского консула в Персии,

Молодой иеромонах.
Отец Феодор.
1932 год
(ошибка,
иеромонахом он
стал в 1937 году)

Старинный сказ.
1943 год

окончивший четыре курса медицинского факультета МГУ. В его облике читаются уверенность в себе и готовность к действию. Это настолько не соответствовало времени, когда все церковное последовательно изгонялось из жизни страны, что Корин потом отметит в личной записи: «Опоздал монах, опоздал...» А позже, в годы войны, работая над триптихом «Александр Невский», напишет его в правой створке в виде могучего молодца с засученными рукавами и кистенем в руке. Конечно, это видение художника, корректировавшего, как мы помним, образы и других своих моделей. Но столь значительные изменения в образе своих героев, особенно у такого мастера, как Корин, не следствие произвола, чаще всего они – проявление его таланта, дара свыше. Может быть, и в образе отца Феодора художник увидел то, что не знал о себе сам позировавший ему монах? Впрочем,тайной монастырской жизнью тому пришлось жить недолго: арест,лагерь, второй арест и смерть в тюрьме от побоев. Донес на него (и еще более чем на 20 священников и мирян) тот самый иеромонах с вызывающе поднятой головой, который на эскизе изображен рядом со слепым регентом... В 2000 году Феодор (Богоявленский) был причислен к лику святых как преподобномученик.

ЕПИСКОП И ПАТРИАРХИ

Первый ряд на эскизе справа замыкают две яркие фигуры: внушиительных размеров архиерей с косматой бородой и молодой иеромонах. Архиерей и на эскизе, и в этюде дан очень обобщенно, его фигура и лицо лишь намечены беглыми широкими мазками. Есть предположение, что он написан не лично, а по фотографии. Это епископ Антонин (Грановский), который часто шокировал и церковных, и светских людей странными выходками, но при этом был знатоком нескольких древних восточных языков и блестяще защитил магистерскую диссертацию. После революции он принял бурное, но противоречивое участие в обновленческом расколе. Корин, видимо, хотел включить его в свою картину за колоритную внешность и шумную, порой скандальную известность. Однако личностной характеристики этой понастоящему трагической фигуры у него не получилось.

Перед епископом Антонином, чуть заслоняя его плечом, стоит иеромонах, строго, пронзительно смотрящий на зрителя. Его образ по манере письма противоположен соседней фигуре: бледное лицо, руки и одежда выполнены детально и контрастно. Четкие до жесткости линии складок, наперстный крест как яркая вспышка на темном фоне. Такими же яркими написаны руки, особенно правая, с напряженными, резко раздвинутыми указательным и средним пальцами. Во взгляде, также напряженном до трагичности, читается готовность к самопожертвованию, делающая его молодое лицо значительно старше. Ему здесь всего 25 лет. Это Пимен (Извеков), вначале регент основного хора в Дорогомиловском соборе, где Корин нашел слепого Данилу, а с 1931 года – священник в нем же. Если бы художник знал, что пишет будущего патриарха всея Руси...

Патриархов на эскизе Корина, как это ни удивительно, не-

сколько. Вернемся к центру композиции. За архиепископом Трифоном высится сразу три фигуры в патриарших мантиях и белых куколях: Тихон (в середине), ставший после него патриархом Сергий (справа), преемник Сергия Алексий (слева). Это уже не реализм, а что-то мистическое, почти икона: ведь все они изображены одновременно! Мало того – за ними виден еще один патриарший куколь...

Корин, скорее всего, хотел таким образом показать, что преемство патриаршего служения сохранится и в будущем. Этюд, на котором патриарх Сергий изображен еще как митрополит (очень выразительно, тоже с трагическим оттенком), был написан последним, в зловещем 1937 году. Для Корина этот год ознаменовал резкую перемену в жизни и творчестве. Впрочем, она началась у него даже раньше, в 1936 году, со смертью Горького. Донос на Корина, отрывок из которого приведен выше, был написан менее чем через полгода после нее. Упомянутые там «авторитетные товарищи», защищавшие художника (в их число помимо Горького входили члены ЦК партии Н. Бухарин, М. Томский и А. Рыков, а также... глава НКВД Генрих Ягоды), были при-

заны «правыми уклонистами». Томский застрелился в этом же, 1936 году, Бухарина, Рыкова и Ягоду расстреляли в 1938-м. О реакции адресата доноса, Сталина, ничего не известно, может быть, ее и не было. Но, чувствуя дух времени, за дело рьяно взялись другие.

Газета «Известия» в апреле 1937 года опубликовала подряд две статьи о Корине, где говорилось, что он «отгородился от советской художественной общественности», «работает над антисоветским произведением» и даже что в его мастерской «троцкистско-фашистская нечисть создала... лабораторию мракобесия». В том же направлении усердствовали коллеги-художники, особенно любимец Сталина, будущий первый президент Академии художеств СССР А. Герасимов. Что спасло Корина, уже державшего в прихожей мешочек с сухарями на случай ареста, – неизвестно. Он находился под постоянным наблюдением сотрудников госбезопасности. От изгнания из мастерской в 1938 году его спас «советский граф» писатель А. Толстой. Но изменить атмосферу вокруг художника уже ничего не могло. Дальнейшая работа над этюдами прекратилась. Акварельный эскиз картины за все 24 года работы над ним (с 1935 по 1959-й) пополнился лишь несколькими фигурами, оставшись практически без изменений в композиции. А на огромном холсте так и не появилось ни одного мазка.

ПОЧЕМУ?

Почему все же не был написан коринский «Реквием»? Только ли из-за внешних препятствий? Такие вопросы задавались не раз. Ответим сразу: нет. Конечно, преуменьшать значение этих препятствий, главное из которых – курс идеологов СССР на стирание или искажение исторической памяти, нельзя. Художника буквально ломали, действуя, что называется, «на разрыв аорты», и чего-то достигли. Он, с одной сторо-

Иеромонах
Пимен и епископ
Антонин
1935 год

РИНОВОСТИ

Портрет
А.М. Горького.
1932 год

ны, посвящал большую часть времени реставрации картин старых мастеров в Музее им. А.С. Пушкина, где проработал несколько десятилетий. С другой – стал браться (и даже с вдохновением) за изображение такой натуры, которая в принципе отличалась от магистральной линии его творчества – и в портрете, и в монументальном искусстве. Если Горький у него гораздо больше похож на персонажей «Уходящей Руси», чем на «буревестника революции» (на них похожи и некоторые написанные им в 1939–1940 годах деятели культуры), то целая серия летчиков и маршалов, проект мозаик в зале заседаний Дворца Советов, строившегося на месте взорванного храма Христа Спасителя, и т.п., конечно, уже никак с ними не связаны.

Ему пришлось почти полностью скрыть свой внутренний мир от окружающих. Зажигая дома лампадку перед иконами, собранными им с огромной любовью и пониманием их духовной и художественной ценности, он даже знакомым, знавшим, что он верующий, православный, церковный человек, говорил, словно оправдываясь: «Зажжешь, сядешь напротив, и как-то приятно и легко станет на душе».

А кроме того, Корин сам поставил себе трудновыполнимую задачу: не имея хоть как-то определенного образа будущей картины – искать его, компонуя созданные по отдельности этюды. Учитель художника Михаил Нестеров высказывался категорично: образы на любой картине должны быть сильнее этюдов. Но даже ученик Павла Дмитриевича Степан Чураков, юноша из парного портрета «Отец и сын», считал, что каждый его этюд – законченный образ и что учитель «все уже сказал в этюде». К тому же Корин не стал искать нового, оригинального решения сюжета, полностью подчинившись широко известным творениям «старших» – и великого Александра Иванова, и Михаила Нестерова, композицию и даже структуру картины которого он взял за основу «Реквиема».

Поэтому, несмотря на завет и Нестерова, и Горького непременно написать картину, большой холст остался чистым. К чести Корина, когда группа молодых питерских художников в начале 60-х годов, по воспоминаниям писателя В. Соловухина, предложила ему себя в подмастерья, чтобы под его руководством перенести на этот холст эскиз картины, он, заколебавшись было, отказался.

ФИНАЛ

И все-таки «Реквием» прозвучал. Отчасти – в эскизе. Хотя некоторые советские исследователи язвительно называли эскиз «выходом перед занавесом после спектакля» – это, ко-

нечно, не так. Но он сильно отличается от того «Реквиема», который мечтал увидеть Корин в итоге своего труда, – подобного берлиозовскому, с его громом фанфар, труб и ударных, в исполнении 420 (!) музыкантов. От «Реквиема», который ассоциировался у художника со Страшным судом.

Но каждый человек, которого запечатлев Корин, на самом деле уже стоит перед невидимо приближающимся Христом и поэтому, действительно, горит свечой, освещющей его «намерения и помышления сердечные». В этом смысле этюды из портретов конкретных личностей превращаются в типы людей определенного характера, пола, возраста, вырастают до монументального обобщения, становясь в чем-то подобными иконам. Их отдельные, иногда громкие, а гораздо чаще негромкие голоса, и сплетаются в «Реквием» Павла Корина. Он по-своему близок написанному практически в те же годы (1935–1940) «Реквиему» Анны Ахматовой, посвятившей его женщинам, чьи близкие оказались в эпоху «репрессанса» лишены свободы, унижены или уничтожены.

...Хотелось бы всех поименно назвать,

Да отняли список, и негде узнатъ...
Коринские портреты-картины обращены и к ним.

По ком же все-таки звучит его «Реквием»? Вопрос этот почти риторический. Ведь он, как многие, конечно, поняли, всего лишь парафраз названия известной книги Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол?», в свою очередь, принадлежащего поэту и богослову первой трети XVII века англиканскому священнику Джону Донну. Ответ на него, который дал сам Джон Донн, тоже известен: «...it tolls for thee» – «он звучит по тебе». Чтобы ты не забыл ушедших, составляющих с тобой одно неразрывное целое. ☩

Окончание.

Начало см.: «Русский мир.ru» №8.

В ГОСТЯХ У ГЕНИЯ

АВТОР

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЕЩЕ ПРИ ЖИЗНИ ЕГО НАЗЫВАЛИ РУССКИМ ЛЕОНАРДО. В СОВЕТСКИЕ ВРЕМена имя этого человека и его работы были преданы забвению. Признание лишь недавно вернулось к нему. В 2010 году в Калуге открылся дом-музей Александра Леонидовича Чижевского.

Калугу часто называют колыбелью космонавтики: здесь много лет работал Константин Эдуардович Циолковский, труды которого стали фундаментом современных теорий освоения космического пространства. Но в это же время в Калуге жил и другой выдающийся мыслитель, Александр Чижевский, сделавший невероятно много для понимания солнечно-земных связей и развития космологии.

НАЧАЛО

Небольшой двухэтажный особняк в центре Калуги – здесь прошла юность Александра Чижевского, состоялось становление его как ученого, здесь он проводил свои первые опыты. На первом этаже, при входе, установлены три фотопортрета, выполненные в полный рост: сам Александр Леонидович, его отец Леонид Васильевич и тетя Ольга Васильевна, заменившая маленькому Шуре рано умершую мать. Кажется, будто семья Чижевских встречает всех, кто приходит в этот дом.

Чижевские приехали в Калугу в 1913 году, когда Леонид Васильевич офицер-артиллерист, служивший в Польше, получил новое назначение. Утопавшая в зелени, тихая провинциальная Калуга им сразу понравилась. Леонид Васильевич купил в Калуге дом на углу Ивановской и Васильевской улиц и перевез семью.

Этот переезд дался юному Александру нелегко. Последние два года он учился дома, поскольку гимназии в тех местах, где стоял гарнизон отца, не было. А в Калуге Чижевскому-младшему

предстояло поступить сразу в выпускной класс, предварительно сдав экзамены за два предыдущих. Впрочем, к трудностям ему было не привыкать, судьба не баловала его с самого детства. Он рано остался без матери: Надежда Александровна, жена Леонида Васильевича, болела туберкулезом и умерла, когда Александру было чуть больше года. Воспитанием Александра занимались бабушка Елизавета Семеновна Чижевская, тетя и, конечно, отец. Мальчику они отдали всю свою любовь, окружили его заботой, посвящали его воспитанию много времени. И бабушка, и тетя были женщинами просвещенными. Бабушка хорошо разбиралась в истории, свободно говорила на английском, французском и немецком языках, читала на шведском и итальянском, увлекалась

живописью. Тетя окончила гимназию в Смоленске и получила музыкальное образование. Александра они стремились научить всему, что знали сами, ссыпалась прививали ему тягу к знаниям. Уже в 3–4 года он знал наизусть стихотворения, написанные на иностранных языках. В семье Чижевских царила атмосфера любви, но воспитывался Александр в строгости. Впоследствии он говорил, что ему с самого раннего детства была привита «и дисциплина труда, и дисциплина поведения, и дисциплина отдыха».

ОДАРЕННЫЙ ГИМНАЗИСТ

Принято считать, что о характере и привычках человека многое можно узнать, взглянув на его жилище. Комната Александра Чижевского свидетельствует: тут обитал необычайно разносторонний, увлеченный и талантливый человек. На письменном столе лежат книги по астрономии, климатологии, космологии. А рядом – два поэтических сборника, принадлежащих перу хозяина комнаты. К своим стихотворным опытам Чижевский относился не слишком серьезно, но его сочинения ценили Маяковский, Брюсов, Алексей Толстой. У окна стоит рояль – Чижевский не-

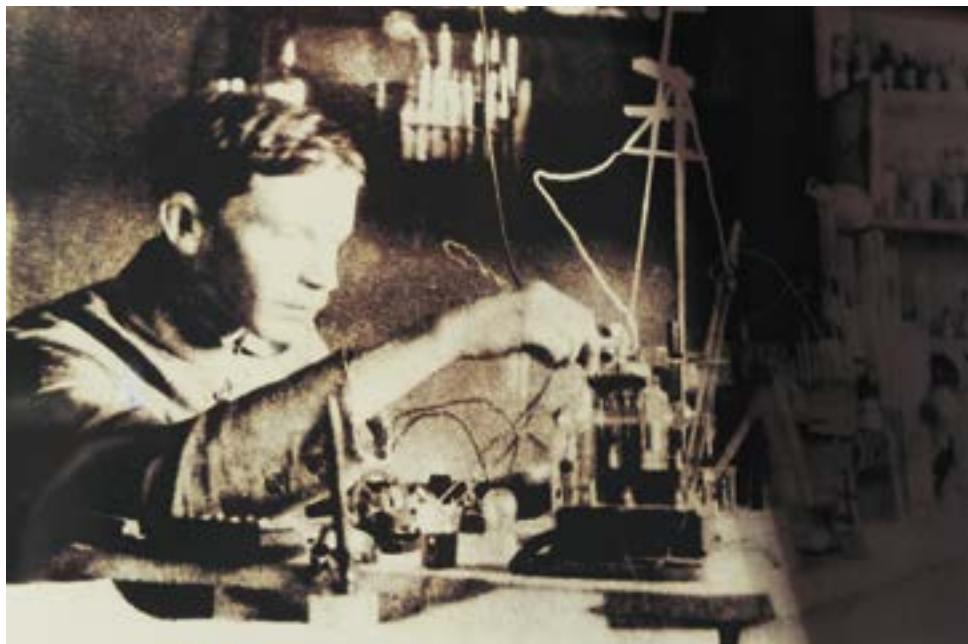
плохо владел этим инструментом. А еще увлеченно играл на скрипке. Отец разделял эту страсть и купил Александру очень дорогую скрипку мастера Давида Техлера, на которой, по преданию, играл сам Паганини. Леонид Васильевич вообще с большим вниманием относился к занятиям сына и, пожалуй, баловал его. Когда Александр увлекся фотографией, ему была куплена новейшая по тем временам камера, которой он сделал немало снимков – некоторые из них теперь висят на стенах его комнаты. По соседству с фотографиями – картины, написанные Чижевским-младшим. Живописи он учился у французского художника Нодье, ученика знаменитого Дега. Нодье считал, что у Чижевского очень тонкое чувство цвета и что из него выйдет превосходный живописец. Предсказание француза сбылось: в голодные годы, последовавшие за революцией, пейзажи Александра хорошо расходились на калужской ярмарке в обмен на муку, сахар, яйца, дрова.

Рядом с роялем стоит телескоп – дань еще одному увлечению Александра, которое со временем переросло в серьезную научную работу. Наблюдениями за планетами и солнцем Чижевский-младший увлекся еще

в 9 лет. Интерес к этому занятию привил мальчику его дядя со стороны матери Александр Невиандт, астроном-любитель. Леонид Васильевич приобрел для сына телескоп и с помощью этого прибора Чижевский-младший ежедневно совершал путешествия по звездному небу и зарисовывал солнечные пятна, устроившись во дворе дома или в мезонине. Мальчик перечитал все книги о Солнце, которые он нашел в библиотеке отца, а затем и в Калужской городской библиотеке. В 10 лет он написал свой первый труд-конспект «Популярная космография».

По приезде в Калугу Леонид Васильевич тщательно подыскивал гимназию для сына. В конце концов его выбор пал на частное реальное мужское училище, директором которого был доктор зоологии Федор Медведевич Шахмагонов, слывший человеком прогрессивных взглядов. При гимназии имелся подготовительный класс Московского археологического института, куда также поступил Чижевский-младший. Благодаря гимназии в жизни Чижевского произошла встреча, многое предопределившая в его дальнейшей судьбе. Как-то раз Шахмагонов пригласил преподавателя Епархиального училища Константина Эдуардовича Циолковского прочитать детям лекцию о воздухоплавании. На этой лекции присутствовал и Чижевский. В Калуге у Циолковского репутация была не самая лестная, его считали чудаком, едва ли не городским сумасшедшим. Однако рассказчик он был замечательный, лекция очень всем понравилась, гимназисты засыпали Циолковского вопросами о дирижаблях, которые он строил, а затем, стоя, провожали аплодисментами. Прощаясь, Циолковский предложил всем прийти к нему домой в ближайшее воскресенье, чтобы посмотреть модели дирижаблей. Желающих было много, но в воскресенье пришел только Чижевский. После нескольких минут общения он задал Циолковскому дав-

Александр
Чижевский
за работой
с ионизатором
воздуха

но интересовавший его вопрос: «Могут ли циклы солнечной активности оказывать влияние на растения, животных и даже человека?» Циолковского этот вопрос обескуражил, подумав, он ответил: «Было бы совершенно непонятно, если бы такого действия не существовало». С этого началась дружба двух мыслителей, продлившаяся много лет. Несмотря на большую разницу в возрасте, Циолковский и Чижевский прекрасно понимали друг друга. Нередко их можно было увидеть увлеченно беседующими на какой-нибудь калужской улице, когда они обсуждали очередную научную проблему, не замечая ничего вокруг...

В 1914 году Александр Чижевский окончил гимназию. Его юность пришлась на годы Первой мировой войны, о чем напоминает висящий в комнате военный плакат тех времен. Оказаться на фронте тогда мечтали многие юноши. Александр не был исключением. О своем страстном желании он написал отцу, который уже в чине генерала воевал на Галицийском фронте. Леонид Васильевич отреагировал резко – он ответил сыну, что пушечного мяса на войне хватает, и посоветовал использовать избытки рвения в учебе. Эта суровая отповедь подействовала: Александр поступил одновременно в два московских института – коммерческий и археологический. К этому же периоду относятся его первые попытки осмысливать влияние Солнца на события, происходя-

Артиллерийский угломер, сконструированный Леонидом Васильевичем Чижевским

щие на Земле. В комнате Александра над его кроватью висит вычерченная им карта боевых действий на русско-германском фронте. Ежедневно получая письма от отца, Александр флагами отмечал перемещения войск. Столъ же скрупулезно он вел наблюдения за Солнцем и заметил, что солнечная активность весьма точно совпадает с активностью на фронте. Это небольшое исследование подстегнуло его интерес к проблеме солнечно-земных связей.

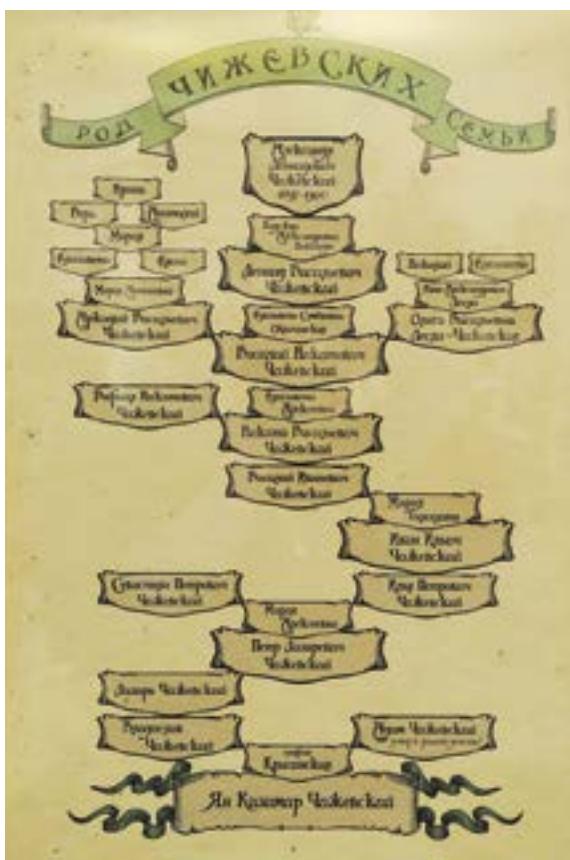
В октябре 1916 года из своего калужского дома Александр все же отправился на фронт. Ни проблемы со здоровьем, ни категорические возражения отца не остановили его. Воевал Александр недолго, всего лишь три месяца, был ранен, контужен и отправлен домой на лечение. Но за этот короткий срок рядовой Чижевский успел отличиться в боях и за храбрость получил солдатский Георгиевский крест.

БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

Для Александра непрекаемым авторитетом, другом, а впоследствии и помощником в научных исследованиях был отец. Его комната находится рядом с комнатой сына. Привычная для военного аскетичная обстановка – ничего лишнего. Письменный стол с чертежами по баллистике, заполненные книгами шкафы, кабинетные часы. В одной из музеиных витрин – мундир генерал-майора артиллерии Леонида Васильевича Чижевского, тут же ордена – Святого Владимира, Святой Анны, Святого Станислава. Леонид Васильевич был потомственным военным, в армии служили и его отец, и его дядя, и брат. Развешанные по стенам портреты напоминают об именитых предках, также избравших армейское поприще, – фельдмаршале Голицыне, адмирале Нахимове, фельдмаршале Кутузове. И портрет Елизаветы Петровны как даньуваже-

Кабинет
Леонида
Васильевича
Чижевского

ния императрице, даровавшей дворянство роду Чижевских. Леонид Васильевич окончил Александровское военное училище. Это был человек незаурядный и хорошо образованный. Ему принадлежит честь изобретения артиллерийского угломера, который позволял вести огонь с закрытых позиций, не рискуя понапрасну солдатами и орудиями. О порядочности и честности Леонида Васильевича ходили легенды. Во время Первой мировой войны он служил под началом своего друга генерала Брусилова, отличился в боях на Галицком фронте. Семью брата, погибшего на этой войне, Леонид Васильевич перевез в Калугу. Вдове и детям

Фамильное
древо
старинного рода
Чижевских

он уступил свою комнату, а сам сделал себе выгородку в гостиной, где работал и занимался переводами иностранных трудов по баллистике. После революции Леонид Васильевич решил, что должен принять выпавшие на долю родины испытания, и остался в России. Ему повезло: новая власть отнеслась к царскому генералу лояльно и доверила создание Калужских пехотных командных курсов, начальником которых он про-работал год, а затем вышел в отставку по состоянию здоровья. В одной из комнат этого дома жила Ольга Васильевна Чижевская. Двое ее детей умерли в младенческом возрасте, и она решила посвятить свою жизнь воспитанию племянника. С Александром их связывали самые теплые отношения. В своих письмах с фронта он неизменно обращается к Ольге Васильевне: «Дорогая моя мамочка». Она прожила вместе с братом и племянником 28 лет и умер-

ла на руках у Александра. Комнату Ольги Васильевны в музее называют «комнатой двух матерей», поскольку часть этой экспозиции посвящена Надежде Александровне Невиандт, родной матери Чижевского, о которой он никогда не забывал. Здесь выставлена ее фотография, фотография церкви в брянском селе Алешня (рядом с этим селом располагалось имение Невиандтов Александровка), где Надежду Александровну крестили, где она венчалась и возле которой была похоронена, а также картина Чижевского «Дорога в Александровку».

К ВЫСОТАМ НАУКИ

В 1917 году Александр Чижевский окончил Московский археологический институт, защитил диссертацию и почти сразу приступил к подготовке докторской диссертации, в основу которой легли собранные им материалы о солнечно-земных связях. Эту тему он не раз обсуждал с Циолковским, который посоветовал молодому ученому проанализировать архивные сведения, «зарыться в статистику». Солидная подготовка, пройденная Чижевским в археологическом институте, помогла ему в работе с огромным объемом архивных документов, а математическое образование, полученное в коммерческом институте, позволило систематизировать собранные данные. Диссертация Чижевского «О периодичности всемирно-исторического процесса» сделала его имя известным в научных кругах. Суть концепции Чижевского сводилась к тому, что изменения солнечной активности воздействуют на биосферу Земли, влияя на все биологические процессы, от урожайности растений до психологического состояния человечества, что, в свою очередь, отражается на ходе исторических событий. Эта работа вызвала бурную дискуссию и самые противоречивые отклики. Примерно в это же время Чижевский заинтересовался одним из аспектов солнечно-земных связей – проблемой ионизации воздуха. В Москве, охваченной ре-

Фрагмент рабочего стола Леонида Васильевича Чижевского

Фотография, подаренная Константином Циолковским Александру Чижевскому на память

вальноценными событиями, условий для научной работы у Чижевского не было, и он вернулся в Калугу, задумав устроить лабораторию на дому. За помощью и поддержкой он обратился к отцу и тете. На семейном совете Чижевские приняли непростое решение – лаборатории быть. Для этого пришлось продать немало личных вещей и предметов обстановки. В гостиную, где когда-

то устраивали музыкальные и поэтические вечера, завезли клетки с подопытными крысами, корна, разнообразное измерительное оборудование, сконструированные Чижевским приборы для ионизации воздуха. Трудно представить, как на протяжении нескольких лет, несмотря на то, что в стране шла Гражданская война, здесь изо дня в день проводились научные наблюдения. Около года у Чижевского ушло только на то, чтобы опытным путем установить оптимальное значение напряжения электрического тока для ионизации воздуха. Еще два года он занимался исследованиями. В этой работе Чижевскому неизменно помогали отец и тетя, часто в опытах принимал участие Циолковский. Эксперименты подтвердили блестящую догадку Чижевского: отрицательно заряженные аэроионы благотворно влияют на живые организмы, положительные – губительно. О результатах многолетних опытов Чижевский сообщил в докладе, прочитанном им в Калужском обществе по изучению природы. Текст этого доклада Чижевский послал лауреату Нобелевской премии шведскому ученому Сванте Аррениусу. Вскоре из Швеции пришел ответ. В своем письме Аррениус признавал приоритет Чижевского и необычайную важность его работы и приглашал продол-

Александр Чижевский во время работы в Практической лаборатории зоопсихологии

Дипломы и свидетельства Александра Чижевского, полученные им от иностранных академий и институтов

жить исследования в Нобелевском институте. Чижевский с радостью это приглашение принял, но выехать из страны было непросто. Начались хлопоты, за Чижевского просили Луначарский и Горький. Наконец разрешение было получено. Однако за день до отъезда Чижевскому сообщили – пределы Советской России он покидать не может.

В гостиной, где когда-то Чижевский ставил свои опыты по аэроионизации, теперь демонстрируют фильмы о нашем великом соотечественнике. На стенах и в витринах – многочисленные фотографии и документы, рассказывающие о его жизненном пути и научных от-

крытиях. Одна из фотографий запечатлела Чижевского в знаменитом Уголке Дурова, где он на протяжении нескольких лет работал в Практической лаборатории зоопсихологии, ставил эксперименты по влиянию аэроионов на животных и людей и добился великолепных результатов. Рядом – «Постановление Совнаркома СССР о работе профессора А.Л. Чижевского» от 1931 года, которым была учреждена Центральная научно-исследовательская лаборатория во главе с Чижевским. Труды этой лаборатории привлекли внимание научного сообщества как в СССР, так и за рубежом. В витринах – дипломы о присвоении

Чижевскому научных званий университетами Европы, Америки, Азии, приветствие Первого Международного конгресса по биофизике, почетным президентом которого был избран Чижевский, его книги, фотокопии статей, переписка с учеными, писателями, поэтами. И тут же – разгромная статья в «Правде», где Чижевского называют лжеученым и мракобесом.

Свой калужский дом Чижевский покинул в середине 20-х. Впереди были годы преподавательской работы, научных исследований, учебы, мировое признание открытых им новых направлений науки – гелиобиологии, аэроионизации, электромагнетики. Впереди были арест, лагеря и ссылка. Снова приехал в Калугу Чижевский смог лишь незадолго до смерти, в начале 60-х. Он побывал на кладбище у могил отца и тети, посетил места, связанные с Циолковским, а потом пришел к своему дому, в котором тогда размещалось общежитие железнодорожников. Долго стоял напротив, смотрел на родные окна, но зайти так и не решился...

Идея создания в Калуге Дома-музея Чижевского принадлежит его жене Нине Вадимовне Энгельгардт. Она никогда не сомневалась, что рано или поздно такой музей появится. Бороться за его создание пришлось долго и трудно, музей и сейчас еще продолжает работу над совершенствованием экспозиции. Возможно, открытие Дома-музея Чижевского – это первый шаг к подлинной оценке его научного наследия. В меморандуме Первого Международного конгресса по биофизике о работе Чижевского говорилось: «Гениальные по новизне идей, по широте охвата, по смелости синтеза и глубине анализа труды поставили профессора Чижевского во главе биофизиков мира и сделали его истинным Гражданином мира, ибо и труды его – достояние Человечества». Эти слова, написанные более сорока лет назад, справедливы и сегодня. ●

шаться с пилотами этой трассы. Летом 1937 года мой отец, флаг-штурман Нагаевского авиаотряда, обосновавшегося в бухте под Магаданом в декабре 1934-го, забрал меня на каникулы к себе, в поселок Усть-Утиная. Именно здесь, на правом берегу Колымы, базировался отряд нagaевских авиаторов, обслуживавших экспедиции геологоразведочных партий. Мне, второкласснику, эта поездка – за 600 километров от берега Охотского моря, через сопки и горные перевалы – рисовалась романтическим путешествием. А моей матери, Елене Харитоновне Меньшиковой, синоптику авиаотряда, «автопробег» по строящейся трассе Магадан – Усть-Утиная представлялся далеко не безопасным... Но я уговорил мать! Почти половину пути до перевалочного пункта Стрелка мы проехали на автобусе. Оттуда – на грузовике. А вот обратный путь – после окончания каникул – я проделал вместе с отцом на самолете. Взлетели мы с реки Колымы на двухмоторном, с шасси-поплавками ПС-7. И я смог увидеть с высоты «земной участок» будущей воздушной трассы Алсиб. ...Примостившись рядом с отцом на маленьком откидном сиденье в штурманском отсеке ПС-7, я рассматривал в иллюминаторе проплывающий под крылом безбрежный океан тайги. По его «волнам» тянулись длинные голубоватые шлейфы дыма от лесных пожарищ. На сотни километров – ни единого поселка, горбатые сопки да болотная топь над вечной мерзлотой... Спустя пять лет именно по этому маршруту наши летчики начнут транспортировку боевых американских машин. Позарез нужные нашим BBC истребители поставлялись из США по ленд-лизу. Всего по Алсибу вплоть до капитуляции Японии было доставлено около 8 тысяч американских самолетов. Сегодня этот подвиг пилотов и наземного персонала трассы особого назначения почти предан забвению...

На трассе
Алсиб

АЭРОМОСТ ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ

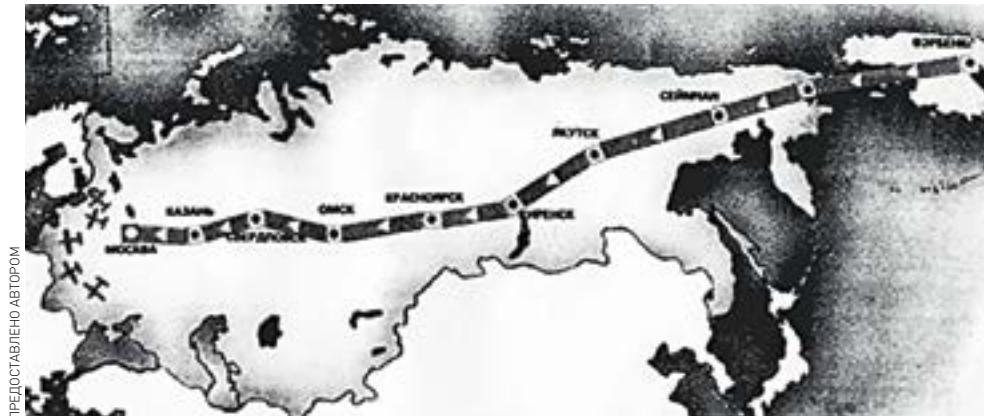
АВТОР

ВИТАЛИЙ МЕНЬШИКОВ*

В АВГУСТЕ 1942 ГОДА, КОГДА АРМИЯ ПАУЛЮСА УЖЕ ВЫШЛА К СТАЛИНГРАДУ, В АВРАЛЬНОМ РЕЖИМЕ ЗАРАБОТАЛА ТРАССА АЛЯСКА – СИБИРЬ, ПО КОТОРОЙ СОВЕТСКИЕ ЛЕТЧИКИ ПЕРЕГОНЯЛИ ЧЕРЕЗ БЕРИНГОВ ПРОЛИВ ИСТРЕБИТЕЛИ «АЭРОКОБРА» И БОМБАРДИРОВЩИКИ «БОСТОН».

Kому не знакомо имя трижды Героя Советского Союза, летчика-истребителя Александра Покрышкина? Отечественный ас блистательно выигрывал небесные дуэли, сбивая вражеские «мессершмитты», «фокке-вульфы» и «юнкера»... Но из летописей его 156 победных поединков обычно ускользал один факт: когда на гимнастерке будущего маршала авиации сверкала уже вторая Золотая Звезда Героя, легендарный летчик выигрывал воздушные схватки, управляемый американ-

ским истребителем «Аэрокобра». Машина эта прилетела с далекой Аляски, преодолев расстояние в 14 тысяч километров через Берингов пролив и Сибирь. Американские «Аэрокорбы», бомбардировщики B-25 и «Бостон», транспортные Си-47 перегоняли на фронт из Северной Америки советские военные летчики по особой, секретной в годы войны воздушной трассе. Кодовое ее название – «Алсиб» (Аляска – Сибирь). Так уж случилось, что еще в довоенное время, а затем и в годы войны мне довелось об-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

НАЧАЛО ПУТИ

В секретном послании от 1 июля 1942 года Сталин писал президенту США Франклину Рузвельту: «...разделяю Ваше мнение о целесообразности маршрута для переброски самолетов из США через Аляску в Сибирь на Западный фронт...» В августе того же года, в разгар ожесточенной битвы за Сталинград, наши летчики приступили к прокладке согласованного Кремлем и Вашингтоном маршрута. А начинался Алсиб на аэродроме города Иваново, «ткацкой столицы» России. Вот как об этом в своих записках вспоминал мой отец, штурман 4-го авиаполка 1-й перегоночной дивизии Михаил Дмитриевич Меньшиков: «...В середине лета 1942 года я прибыл на один из аэродромов в Ярославской области... Как-то в расположение нашей части прибыла из Москвы инспекционная комиссия командования BBC. Летный состав вызвали в помещение клуба. Члены комиссии во главе с генералом сидели за столом, на сцене. Генерал, заглядывая в лежащий перед ним список, называл фамилии сидевших в зале летчиков. Дошла очередь до меня. «Капитан Меньшиков», – доложил я, встав, как положено по уставу. Председатель комиссии предложил коротко сообщить о моей летной биографии. Генерал, по ходу моего ответа, делал пометки в блокноте. Завершив инспекцию подготовки авиаполков к вылету на фронт, комиссия улетела в Москву. А через неделю меня вызвали в штаб: «Получено предписание откомандировать

вас в Москву, в распоряжение отдела кадров BBC!» Причину вызова не сообщили. Я терялся в догадках. Перебирал в памяти доложенные генералу вехи моей службы в военной авиации и в «Аэрофлоте»: начиная с 1915-го на первом русском авианосце, «Орлица», в гидроавиации Красной армии на фронтах Гражданской войны (1918–1922 годы)... Наконец, в 30-е – в полярной авиации на Колыме, в Якутии и на Чукотке... Прибыл в Москву. В отделе кадров BBC РККА получил направление в Иваново.

Карта трассы
Аляска – Сибирь

Ветеран
Алсиба, бывший
штурман 3-4-го
ПАП капитан
М.Д. Меньшиков.
Фото 1942 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Узнал: там формируется 1-я перегоночная воздушная авиадивизия. В командировочном предписании о моей будущей летной работе – ни слова... И, только приехав в Иваново и явившись в штаб дивизии, получил ответ на мое внезапное откомандирование в воинскую часть под Иваново: «Будете перегонять американские боевые самолеты из Аляски к нам, в Союз. На фронт!»

...Не мешкая, сразу направили в приемную комиссию. Она знакомилась с прибывающим в Иваново летным составом для службы в дивизии. Были среди боевых авиаторов и срочно откомандированные, прямо с фронта. Без самолетов, разумеется: их машины были утрачены в воздушных боях...

Забегая вперед, добавлю: восполнить потери авиатехники тогда нашим BBC было ох как тяжко! Эвакуированные в глубокий тыл авиастроительные заводы еще не могли снабжать фронт необходимым количеством машин. Об этом Сталин без обиняков писал Рузвельту 18 декабря 1942 года: «...Я буду очень Вам благодарен, если Вы ускорите присылку самолетов, особенно истребителей, но без летного состава...»

«Я вошел в просторную комнату здесь же, при штабе, – вспоминает далее отец. – За столом сидели командиры всех пяти полков, штабное начальство... Когда услышали, что я пять лет осваивал и прокладывал воздушные трассы на Крайнем Севере и Дальнем Востоке, в Якутии, на Колыме и Чукотке, сразу направили меня штурманом-лидером в 3-й перегоночный авиаполк (ПАП). На самый трудный и сложный участок будущей «особой трассы». Он пролегал от Сеймчана до Якутска, проходил через Верхоянский хребет. Позже я стал штурманом 4-го ПАП. Выполнял спецзадания штаба авиадивизии, в составе экипажа самолета-лидера на всей трассе от Красноярска до Фэрбенкса... В Иванове начались интенсивные тренировки летного состава, включая полеты на паре

американских боевых машин. Ознакомился я и с моим будущим летным «рабочим местом». В одном из помещений штаба оборудовали тренажер, имитировавший кабину штурмана на двухмоторном американском бомбардировщике Б-25: вращающийся, с приборной доской. Главным на пульте был радиокомпас. «Он – ваш главный будущий «поводырь»! – сказал инструктор, когда я сел в кресло. – В тренировочном полете на Б-25 («Митчелле») освойте прибор вплотную. А пока познакомьтесь, как он функционирует...». Процедура оказалась несложной. Но уже в тот момент я отчетливо понимал: мой штурманский радио-«поводырь» хотя и незаменимый помощник, но далеко не единственное техническое обеспечение, которое было крайне необходимо для надежности полета экипажей « дальнобойщиков ». Как, впрочем, и всей трассы! А на советском участке только проектировалось Алсиба – от Берингова пролива до Красноярска – было всего два аэродрома, включая Якутский. К их реконструкции для приемки самолетов из США смогли приступить лишь в ноябре 1941 года. Строительство же новых 10 аэродромов началось в 1942 году, и они были введены в эксплуатацию лишь к октябрю того же года. Так что в 42-м нам пришлось довольствоваться минимумом навигационного обеспечения...». Однако летом 1942-го обстановка на южном участке советско-германского фронта складывалась столь угрожающая, что Кремль не мог более откладывать открытие Алсиба.

ПО РЕЛЬСАМ

В июле 1942 года специальная комиссия, обследовав намеченный маршрут Алсиба, дала добро на эксплуатацию трассы. В том же месяце известный летчик-испытатель Владимир Коккинаки, пролетев по Алсибу, доставил из Аляски в Москву американскую правительенную комиссию. Представите-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Летный состав 4-го перегоночного полка (ПАП)

На трассе Алсиб.
Американский гидросамолет на побережье Чукотки

ли США прибыли согласовать с Кремлем сроки и график перегонки по Алсибу самолетов, как говорится, от заводских ворот. «Осенью 42-го летный состав 1-й перегоночной авиадивизии, – вспоминает далее отец, – был перевезен по Транссибу к месту дислокации. Пункт расквартирования штаба дивизии и управления воздушной трассы Алсиб – город Якутск. В Иванове мы погрузились в эшелон, ехали в теплушках... Переброска авиадивизии по железной дороге затянулась почти на месяц. Командование времени не теряло. В пути организовали, если так можно сказать, теоретическую навигационную подготовку к полетам на трассе. ... В предвоенные годы моей летной работы флаг-штурманом Магаданского авиаотряда, отправляясь в очередной рейс к геологам-разведчикам, мы рисковали одним самолетом, реже двумя. Теперь же на перегоночной трассе пилот и штурман самолета-лидера должны были

вести за собой журавлиной стайкой от 8 до 12 истребителей «Аэрокобра»!

Суровая арифметика. За этими сухими цифрами – жизни летчиков. Уже после войны стало известно: на советском участке Алсиба произошло 279 летных происшествий, из них 39 катастроф, 49 аварий и 60 вынужденных посадок. Погибло 114 человек.

«... В эшелоне я делился приобретенным опытом выживания в экстремальных условиях с экипажами будущих « дальнобойщиков » Алсиба, – продолжает отец. – Заострят внимание летчиков на жестокой, капризной, своенравной и щедрой на грозные сюрпризы тамошней погоде. Она потчуэт авиаторов жесточайшими морозами (за минус 40, а то и 60 градусов) и слепящими туманами, внезапными шквалами пурги и ураганными ветрами, долгими моросящими дождями... Со всеми этими сюрпризами летному составу пришлось столкнуться уже со стар-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

та перегонки из Аляски первой группы американских машин осенью 1942 года. И когда я впервые занял место штурмана в самолете-лидере B-25, взлетевшем из Фэрбенкса и взявшем курс на Чукотку, то всеми фибрами души почувствовал, какую ответственность я несу перед однополчанами-пилотами за штурвалами следовавших за нами «Аэрокобра!»

«ОСОБАЯ ТРАССА»

7 октября 1942 года первые семь американских истребителей, принятых буквально из рук американских пилотов советскими, поднялись с аэродрома Фэрбенкса и, пройдя над Беринговым проливом, взяли курс на Красноярск... Получала американские самолеты в Фэрбенксе советская приемочная комиссия, в состав которой входил Герой Советского Союза, летчик-истребитель полковник Михаил Мачин. «Американцы встретили нас тепло, — вспоминал позже Михаил Григорьевич («Правда», 7 декабря 1988 года). — Все русское пользовалось повышенным спросом. Хозяев интересовало даже наше новенькое, с иголочки, обмундирование. Они нередко просили нас подарить форменную пуговицу или звездочку... Американские солдаты и офицеры внимательно разглядывали заплаты на фюзеляжах Ли-2, побывавших за линией фронта... А среди инструкторов в Фэрбенксе, помогавших личному составу 1-го перегоночного полка осваивать новую боевую технику, был капитан Николай Барклай-де-Толли, потомок русского полководца, участника Отечественной войны 1812 года. Потомок Барклайя прекрасно говорил по-русски и охотно делился с нами своим летным опытом...».

У трассы Алсиб было и еще одно важное назначение: по ней осуществлялись «челночные» перелеты из Москвы в Вашингтон и обратно. Таким образом в столицы СССР и США доставлялись дипломаты и представители правительства обеих стран. В 1943–1944 годах «высокий уровень обеспечения полетов по трассе и ее об-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

На трассе Алсиб.
Синоптик
знакомит
с метеосводкой
летчиков
3-го ПАП

устроенность позволила нам на должном уровне провести обслуживание полетов А.А. Громыко в США и обратно, заместителя председателя Верховного Совета СССР В.В. Кузнецова, делегаций СССР, Украинской и Белорусской ССР во главе с В.М. Молотовым в Сан-Франциско на конференцию ООН... — вспоминал ветеран «Аэрофлота» Н. Овсиенко. В те годы он отвечал за радионавигационное обеспечение 1-й перегоночной дивизии. «Такой разветвленной и, надо сказать, мощной системы радиосвязного и навигационного обеспечения

полетов на то время в Союзе не имелось, — писал ветеран Алсиба. — Это подтверждают не только советские экипажи и инспекционные полеты руководства нашего ГВФ, но и авиационные специалисты США, участники многочисленных комиссий и делегаций» (летавших по трассе Аляска — Сибирь. — Прим. ред.). Уникальный результат технического обустройства автотрассы, проведенного в сжатые сроки, во время самого критического периода войны, был достигнут — был достигнут благодаря, во-первых, самоотверженной работе персонала, а во-вторых, постоянному «личному контролю», под которым Сталин и Рузвельт держали Алсиб. И все же главным был человеческий фактор. Вот почему для тяжелой работы в экстремальных условиях северо-востока страны командир 1-й перегоночной авиадивизии, полярный ас и Герой Советского Союза Илья Мазурук выбирал только профессионалов высочайшего класса.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Аляска,
Фэрбенкс.
Советские
и американские
летчики

На трассе
Алсиб. Комдив
И.П. Мазурук
(справа)
на командном
пункте
аэродрома

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЗА ШТУРВАЛОМ «ЛЕТАЮЩЕЙ КРЕПОСТИ»

«В начале мая 1943 года по личному приказу комдива Мазурука я вылетел из Якутска в Красноярск, – пишет отец. – В командировочном предписании, подписанном подполковником Фокиным, значилось: «...Штурману полка капитану Меньшикову Михаилу Дмитриевичу. С получением сего предлагаю Вам отправиться в служебную командировку Красноярск – Фэрбенкс для выполнения специального задания. По выполнении задания прибыть к месту службы в гор. Якутск». Отдав приказ, Мазурук был предельно краток: «В Красноярске вы присоединитесь к экипажу американского B-25 в качестве штурмана. С вами полетит радист 4-го авиаполка. На B-25 возвращается из Москвы в Соединенные Штаты американская военная миссия. Все. Выполняйте...» Почему наше командование решило помочь американскому экипажу, а выбор Мазурука пал на меня в качестве воздушного «лоцмана» для «летающей крепости» с высокопоставленными эмиссарами Вашингтона на борту, было понятно. Американскими пилотами самый трудный и протяженный участок перегоночной сибирской трассы был слабо освоен. Так что в случае ЧП с американским самолетом в небе над сибирской трассой наш комдив отвечал собственной головой за судьбу экипажа и командированных президентом США в Москву посланцев. Как, впрочем, за их сохранность отвечали и мы своей головой – советский штурман и мой однополчанин, радист, включенные в экипаж «летающей крепости».

В годы войны нашей трассой пользовались многие видные государственные и военные деятели США. Маршрутом Аляска – Сибирь пролетали американская военная делегация во главе с генералом Фоллетом Брэдли, личный посланник президента Рузвельта, бывший посол в Москве Джозеф Дэвис, вице-президент США Генри Уол-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Аляска,
Фэрбенкс.
Монумент
в честь трассы
Аляска – Сибирь

Якутск.
В штабе 1-й
перегоночной
авиадивизии.
У карты – комдив
И.П. Мазурук

лес, личный представитель главы Белого дома Энделл Уилки. Кто на сей раз полетит высокопоставленным «пассажиром» на B-25, комдив Мазурук не сказал. В Красноярске мы с радистом сразу прошли в кабину пилотов «летающей крепости». Познакомились с шеф-пилотом Томасом Уотсоном. Среднего роста, крепкого сложения. Мог ли кто из нас, офицеров Красной армии,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

в тот момент предполагать, что обмениваемся крепким рукопожатием с будущим послом США в СССР! (В 1979 году президент Картер назначил Томаса Дж. Уотсона на этот пост. – Прим. ред.) Взаимопонимание с американским экипажем установили еще до взлета. Хотя языковой барьер перескочить было трудно: я по-английски знал пару-другую фраз, необходимых для профессионального общения с пилотами. Столько же, помнится, по-русски знал и Уотсон. Я заранее набросал на листе бумаги схему предстоящего маршрута. Прочертил линией поверхность земли, контур рельефа горных хребтов, которые предстояло пересекать, над ними – слой облаков (ориентируясь по прогнозу погоды). Четкой линией, круто поднимавшейся от Красноярска в небо, прорезая облачность на уровне 3000 метров, показал, на какой высоте будем ложиться курсом на Якутск. Уотсон взглянул на рисунок и кивнул – мол, я понял штурманскую схему полета. Затем Томсон, перемежая английскую речь русскими словами, жестом руки подчеркнул удовлетворенность информацией. Взревели все четыре мотора. Разбег, и тяжелая машина взмывает в сибирское небо. На трехкилометровой высоте «боинг» переходит в горизонтальный полет. Под нами – сплошная пелена облаков. Ориентировались по радиокомпасу. По маршруту нам помогали редкие пеленгаторные станции, а в пунктах посадки для заправки (Якутске и Уэллене) – приводные радиомаяки. Так мы и шли – над Красноярским краем, Якутией, Колымой, Чукоткой, Беринговым проливом и Аляской. Когда прошли Патомское нагорье, под крылом «боинга» стали появляться «окна» в облаках. Жестом я показал командиру «вниз!», а затем на карту. Уотсон всмотрелся в извили русла реки Лены. Убедился: идем точно по маршруту! Удовлетворенно воскликнул «О'кей!» и поднял большой палец правой руки. У меня по-

легчало на душе. А тут еще шеф-пилот что-то сказал сидевшему рядом второму пилоту, и тот, дружески улыбнувшись мне, уступил русскому «авиалоцману» место за штурвалом «боинга». Я занял кресло второго пилота и минут 20 самостоятельно пилотировал самолет.

Перед промежуточной посадкой в Якутске шеф-пилот жестом, понятным каждому летчику, осведомился, какое здесь покрытие аэродрома. Я быстро набросал на листе бумаги посадочную полосу с травой.

...Когда благополучно завершили полет в Фэрбенксе, Томас Уотсон крепко обнял меня и радиста, широко улыбнулся и сказал по-русски: «Спасибо!» Поблагодарил от себя и всего экипажа за отлично выполненное «специальное задание».

Из рассекреченной и опубликованной в 1976 году переписки глав трех союзных держав (СССР, США и Великобритании) во время Великой Отечественной войны известно, кто летел в кабине «боинга» в мае 1943 года с секретной миссией в Москву, чем она завершилась и в каком настроении возвращался в Америку личный представитель президента США. Это был близкий друг и соратник Рузвельта Джозеф Эдвард Дэвис, в 1936–1938 годах посол США в СССР.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Историко-дипломатическое управление МИД СССР, готовя к печати вышеупомянутую переписку, предварило этот двухтомник краткой информацией «От редакции». В ней, в частности, раскрывалась, если можно так выразиться, «технология» переписки «на высшем уровне»: «Публикуемая в настоящем издании переписка между главами правительства велась преимущественно путем обмена шифрованными телеграммами через посольства Советского Союза в Вашингтоне и Лондоне. А также через посольства США и Великобритании в Москве. Телеграммы расшифровывались в посольствах, и тексты

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Якутск. Монумент памяти летчиков Алсиба

посланий доставлялись адресату, как правило, на языке подлинника. Отдельные послания доставлялись по назначению дипломатической почтой или представителями соответствующих держав*. Последнее уточнение подчеркивает, сколь озабочены были лидеры союзных держав недоступностью своих посланий для вражеской разведки. В особенности писем с грифом «Строго секретно и лично», которые они предпочитали переправлять адресату с помощью особо уполномоченных лиц. Таких, как, например, Джозеф Дэвис, совершивший для этого перелет из Америки в Советский Союз и обратно в канун битвы на Курской дуге...

...Вряд ли сухие цифры, отражающие количество доставлен-

На трассе Алсиб.
Самолет-лидер
ведет
истребители

ных в СССР самолетов и совершенных «челночных» перевозок высокопоставленных персон из Москвы в Вашингтон и обратно, помогут оценить мужество, стойкость и отвагу летчиков Алсиба. Им нередко приходилось работать за гранью человеческих возможностей. Неслучайно 1-я перегоночная дивизия была награждена боевым орденом Красного Знамени. По всем статьям дивизия Героя Советского Союза Ильи Мазурука была приравнена к фронтовой авиации дальнего действия. Вот как он описывал условия работы: «Зимой здесь почти постоянно стояли лютые морозы, часто достигавшие минус 60 градусов, а в районе Оймякона и минус 70. Самолеты, находясь на аэродромах, покрывались ледяной коркой. Масло и смазка становились как камень, резина делалась хрупкой. Лопались шланги, выводя из строя тормоза и гидравлику. Ангаров не было. Все работы велись под открытым небом. Наши инженеры, техники и другие специалисты, замерзая сами, умудрялись с помощью простейших приспособлений ремонтировать, разогревать и отправлять в полет самолеты. Часто подогреватели изготавливали на месте, используя большие примусы и бензиновые бочки...»

Вместе с летным составом трассы Аляска – Сибирь эти испытания прошел и мой отец, штурман-«дальнобойщик». В справке со всеми служебными печатями, подписанный начальником штаба В/Ч 18291 28 апреля 1945 года, я прочел: «Выдана настоящая капитану Меньшикову М.Д. в том, что с февраля м-ца по октябрь 1943 г. он работал в воинской части 18291 в должности штурмана части. За это время в качестве штурмана отлидовировал 52 группы, в общей сложности 365 самолетов, за что был награжден орденом Красная Звезда».

* Автор – историк, журналист-международник, ветеран Великой Отечественной войны.

КАЛМЫЦКОЕ ПИСЬМО

д

АЖЕ ДЕНЬ БЫЛ УЖЕ НАЗНАЧЕН: 18 ноября. Только не говорите, что все это не имеет отношения к делу. Тут-то все и началось. Однажды, когда я приветствовал очередное темное утро приступом меланхолии за рабочим столом из-за невозможности ничего начать, думая постоянно о деньгах, вдруг раздался звонок.

– У тебя в почте какое-то странное письмо, – сообщила с работы Ольга. – Какой-то друг Элен – он прилетает то ли сегодня, то ли завтра в Шереметьево в 15.45. Я плохо поняла по-французски.

– О, черт! – сказал я. Элен – это моя переводчица в Париже и очень близкий мне человек. Не принять ее посланца – это почти самое худшее, что может случиться.

– Я ответила по-английски и дала твой телефон, – сказала Ольга.

– Это актуально, если он уже не в аэропорту. Впрочем, это скоро выяснится.

Отсутствие Интернета у меня дома не имеет отношения почти к любому делу, кроме этого. Есть

ТЕКСТ, ФОТОГРАФИИ, ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

ВАСИЛИЯ ГОЛОВАНОВА

ТЕКСТЫ, ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСИСА ЛОНГЕ

УЖ НЕБО ОСЕНЬЮ. И СОЛНЫШКО ВСЕ РЕЖЕ. НО ГЛАВНОЕ – НЕ БЫЛО ДЕНЕГ. ПОСЛЕ ДВУХ ПОЕЗДОК В ДАГЕСТАН У МЕНЯ НАЧИСТО ВЫШЛИ ДЕНЬГИ, И БЫЛО СОВЕРШЕННО НЕ ЯСНО, ОТКУДА БЫ ОНИ МОГЛИ ВЗЯТЬСЯ. ПОТОМУ ЧТО МЫ С ОЛЬГОЙ, КОТОРУЮ Я НА ПРОТЯЖЕНИИ ВОСЬМИ ЛЕТ ЖИЗНИ НАЗЫВАЛ «МОЕЙ ПОДРУГОЙ», РЕШИЛИ ПОЖЕНИТЬСЯ.

технические причины, которые помешали своевременному подключению моего компьютера к Сети. Но есть и моя упорная неготовность вступить в интернет-пространство, не имеющее, как известно, границ. Нужные мне сведения находятся вне этого пространства, а переписку я поручил жене. И вот что из этого вышло. По счастью, из письма, которое Ольга принесла вечером, стало ясно, что все откладывается до завтра:

«Г-н Голованов, представлюсь: меня зовут Алексис Лонгэ, я друг Элен Шатлен, а также Пьера Ландри (книготорговца из Тюля и большого почитателя вашей книги). Я собираюсь совершить короткое путешествие в Россию. Рейс прибывает завтра в 15.45 в Шереметьево, но в Москве я не думаю задерживаться надолго. Я хотел бы проехать по Северному Кавказу, через Калмыкию в Сочи, а потом в Крым. Но у меня всего месяц времени. Не имея места, где остановиться по приезде, я хотел бы спросить – могу ли я воспользоваться вашим гостеприимством на один-два дня, прежде чем отправиться в путь?» И т.д. До слов: «Я позвоню вам завтра по приезде».

Оставалось ждать. От Элен я никогда не слышал об Алексисе Лонге, но у нее много самых невероятных знакомых, в том числе и молодых – а то, что автор письма молод, было, пожалуй, единственное, что я мог пока о нем сказать. Что касается немыслимого маршрута, который он начертал, то завтра мы поговорим, и я вправлю ему мозги, благо впечатления о весьма непростой поездке в Дагестан были еще свежи...

ГЕРОЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ

На следующий день около четырех вечера я уже чувствовал себя как на иголках. Потом стало пять. Потом шесть. Ольга вернулась с работы: семь. Вдруг мой мобильник все-таки завибрировал. Человек, который звонил, говорил на чистом русском языке. Его звали Александр. Он сказал, что рядом с ним в самолете летел молодой француз, который упросил его дать ему мобильный, чтобы набрать мой номер.

– Да-да, я его очень жду! – вскричал я. – Где вы находитесь?

– Стоим в пробке на Ленинградке.

– Как и когда мы встретимся?

– А где вы находитесь?

– В Переделкино. Можете подвезти его к Киевскому вокзалу и поставить под башню с часами? Умоляю, сам он не найдет меня...

– Пробка такая, что мы не движемся. Вы можете подъехать в другое место?

– Когда и куда?

– А черт его знает...

– Послушайте, в крайнем случае, я дам вам телефон. Записывайте. Это французский географ, давно живет в России, очень хорошо знает Калмыкию...

– Причем здесь Калмыкия?

– Это не важно. Запишите номер. Его зовут Жан. Жан Рад-ва-ни. Он живет в двух шагах от Октябрьской. В крайнем случае Алексис... Дайте-ка его мне...

Я взял трубку и услышал незнакомый голос. По-видимому, я лучше воспринимаю французский язык как текст. Сначала я не понимал ровным счетом ничего, потом сообразил, что незнакомец передает мне приветы из Тюля – маленького городка в центре Франции, где я впервые вкусили писательскую славу в ее местечковом, но европейском варианте. Потом связь прервалась. Часа два я выслушивал равнодушный отбой: «Абонент недоступен или...» В десять я вновь набрал телефон Александра:

– Он у меня, в Балашихе, – спокойно сказал Александр. – Извините, что так получилось, но мы и так добирались четыре часа. Сейчас он спит.

– Господи, как мне вас благодарить?! Ему повезло, что он встретил именно вас... Спасибо! Спасибо! Я позвоню завтра, в девять.

И ИСЧЕЗАЕТ ЗА ГОРИЗОНТОМ

Утром 9 ноября я позвонил по известному уже номеру. Ответил Александр.

— Здравствуйте, — приветливо начал я. — Как наш герой? Проснулся?

— Уехал.

— Куда?

— На Павелецкий вокзал. В Астрахань, в Калмыкию — куда он там собирался?

— То есть вообще уехал!?

— Ну да. Заночевал у меня, никаких хлопот не доставил, а утром сказал, что едет на вокзал. Я напомнил ему, что вы будете искать его, но он все-таки уехал...

Я рас прощался с Александром, поблагодарив его. В ушах звенело.

Впервые я пожалел, что мой компьютер существует вне Сети. Проглотив чашку кофе, я бросился на ближайшую электричку. Теперь единственный шанс поддерживать с ним связь — Интернет. Французы почти не пользуются мобильниками. Да и номер мне неизвестен.

«Дорогой Алексис! Очень жаль, что вы уехали, не встретившись со мной и не обсудив ваш маршрут. Прошу вас каждый день сообщать мне, где вы находитесь. Я должен знать ваше месторасположение на случай какой-нибудь непредвиденной ситуации. Удачи и доброго пути! В.Г.».

А ПАРЕНЕК-ТО ИЗ ОТЧАЯННЫХ...

Ответа не было день, два, три. Отчаяние сменилось какой-то тупой болью. Потом в моей жизни стали происходить невероятные события: пришли деньги. Причем не на месяц-другой, а большим куском, на полгода. Я мог садиться за работу. Я сел и за два дня разогнался так, что за выходные написал две самые трудные главы «Дагестана». В остальном — я все время внутренне готовился к пятнице (дню свадьбы). Все время как бы прикасался к Ольге сердцем и спрашивал: хорошо? «Хорошо», — отвечало мне сердце. А ведь мне, черт возьми, 51 год...

15-го неожиданно пришло письмо от Алексиса: «Здравствуйте, Василий! Прошу извинить меня за ситуацию, которая сложилась в минувший вторник. Александр на одну ночь приютил меня у себя дома в Москве, а наутро я уже уехал в Волгоград, оттуда в Астрахань. Мне очень жаль, что я причинил вам столько волнений, но надеюсь, что вы меня извините. Все эти дни у меня просто не было доступа к Сети.

Я добрался до Элиста, где собираюсь остановиться на несколько дней. Начинаю понемногу писать и снимать на видео. Столько всего! Лица, звуки, пейзажи — живые, движущиеся, иногда наползающие друг на друга. Калмыкия кажется плоской и даже пустой, но эта пустота есть центр, вместилище многих смыслов и существ. В ней есть глубина.

В эти дни вы можете позвонить мне на мобильный Эрдине (Элиста). Я планирую тронуться в путь дня через четыре. Добраться сначала до Ставрополя, по-

том пешком перевалить через горы и добраться до Сочи 23–24 ноября. Затем — Новороссийск, Керчь и, наконец, Крым. Из-за работы я должен вернуться в Париж к 7 декабря, мой самолет отправляется накануне из Братиславы.

Я тоже очень опечален тем, что мне не удалось встретиться с вами, это моя вина. У меня маловато средств, и это заставляет меня торопиться. Впредь я рассчитываю бывать в России как можно чаще, лучше подготовленным, овладев хотя бы началами русского языка, которого мне жестоко не хватает сегодня. Со всем моим уважением...

Весь вечер я писал ответ. Первая часть письма меня успокоила. Я позвонил Эрдине, как советовал мой незнакомый друг, услышал мягкий женский голос, но самого его не застал.

— Он теперь живет у вас?

— Да, он у меня остановился...

— Передавайте привет...

Что меня по-настоящему насторожило, так это фраза «пешком перевалить через горы». Что он

имеет в виду? Надо попробовать как-то сбить его с этой навязчивой мысли...

«Алексис, спасибо за ответ. Ваши извинения удивляют меня, все пока хорошо складывается, и я прошу вас только об одном: почаще отправлять мне письма вроде этого. Калмыкия – очень красивая страна. К сожалению, я не понимаю вашего желания попасть в Сочи. Но я не знаю вашей цели. Напишите мне, пожалуйста, где вы собираетесь переваливать через горы после вашего пребывания в Ставрополе? Это опасно – хотя я не сказал бы ни слова, если бы речь шла только о холодах и о ветре. На Северном Кавказе неспокойно, бывали случаи нападения на людей, а это хуже, чем любая метель. Я был бы вам очень признателен, если бы эту часть вашего маршрута вы проехали на поезд. В отличие от Сочи Крым – это по-настоящему интересное место, и, если вас интересует степь, вы найдете ее и там (обязательно посетите Феодосию). По правде говоря, я чувствовал бы себя спокойнее, если бы мог следовать вместе с вами по вашему невероятному маршруту. Не забывайте сообщать мне ваши координаты. Удачи!»

Пять дней – ни малой весточки в ответ. Шли дожди, потом снег, мы с Ольгой стали мужем и женой и отметили этот день пролетом к границам Млечного Пути и дальше, к другим галактикам. Я не шучу. Свадьба была скромная, в кругу трехчетырех ближайших друзей. До вечера мы посидели в популярном клубе, а ночью я решил подарить своей жене путешествие в космос – в программе нового Московского планетария. Это было так круто, что мы еще прогуляли потом по городу до утра, несмотря на ноябрь и промозглую погоду. Ходили, заглядывая в ночные кафе, пили шампанское и были счастливы.

ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ

21 ноября 2011 года. «Василий! Ваше письмо согрело мое сердце. Как бы я хотел вместе с вами пройти по этой степной диагонали! Я провел в Элисте несколько невероятных дней, пополняя свои знания по той разновидности буддизма, которой он представлен в Калмыкии, по ее истории и искусству.

Путь, который ведет меня дальше на Кавказ к Черноморю, я намерился было завершить в Сухуми, а не в Сочи, который, в некотором смысле, является только курортным фасадом. Но, не имея разрешения на въезд в Абхазию (и гарантированный запрет на въезд в Грузию, если в моем паспорте появится абхазская печать), я призадумался о моем желании забираться так далеко. Но Сочи я все же хотел бы посетить. Хотел бы увидеть Черное море.

Ваше беспокойство, к сожалению, кажется, обоснованно, и я с прискорбием утверждаюсь в мысли, что люди опаснее холода и медведей. Мой план прост: стартовать от небольшого поселка Кировский, далее – через Лабинск и Псебай, затем идти по течению речки Малая Лаба через перевал Псеахша до деревни Эстосадок и Красной Поляны. А оттуда я по ущелью речки Мзымта достигну своей цели – Черного моря, спустившись в Адлер. У меня есть еще день, чтобы все обдумать. Если я все-таки откажусь от задуманного, то поеду до Туапсе на автобусе, как простой турист.

Я не знаю, что готовит мне эта прогулка (всего 60 километров). Мне ужасно хочется сойти с находженых дорог. Города утомляют меня. Что же касается «цели», то она мне неизвестна, поэтому я и иду. Разве Николя Бувье не говорил, что путешествия не нуждаются в мотивировке? Вы думаете, что «совершаете путешествие», но на самом деле это путешествие создает или разворачивает вас.

В конце моего пути – Крым. Я окажусь там 29 ноября или немного раньше. Надеюсь получить что-нибудь от вас, прежде чем отправлюсь в путь. Как бы то ни было, я сообщу вам, какой выбор я сделал, прежде чем идти. Спасибо за советы. Ваш друг».

У меня есть отличный атлас мира 1967 года. По нему я во всех подробностях смог разглядеть предполагаемый маршрут моего героя. Он называет это «прогулкой! Да в горах все расстояния растягиваются в пять раз! Помимо того, что везде и всегда есть простая возможность свернуть себе шею. Я должен был остановить его. Силы небес-

ные! Мой французский звучит как расстроенное пианино, но и из этого разбитого инструмента я должен извлечь хотя бы один аккорд, который мог бы вразумить этого бесстрашного парня, к которому невольно привязывался все больше. И я написал: «Дорогой Алексис! Как вы уже поняли, дома у меня нет Интернета, поэтому я все время на день запаздываю с ответом. Боюсь, что мое послание застанет вас уже в пути. Если нет, то вот мое последнее слово: Черное море – это не Сочи. Черное море – это Крым. Выбор за вами. В Крыму достаточно нежоженых дорог и тропинок, будь то степь, холмы или горы... А что касается опасностей, то я предпочитаю сохранять не только мои видеосъемки, но и мои воспоминания. В добрый путь!»

На этот раз ответ пришел уже через сутки, 23 ноября: «Здравствуйте, Василий! У меня тоже не так много возможностей подключиться к Интернету. Я решил провести несколько дней в Черкесске, чтобы

повидать Кавказ, а к Черному морю я спущусь 28 или 29 ноября в Новороссийске, откуда начнется мое возвращение во Францию через Крым. Не беспокойтесь, все складывается хорошо. Столько видео, фото, «мимолетных воспоминаний» – к месту ввернуть здесь это пушкинское словцо – и потом, моя первая любовь – могу ли я после этого забыть Россию? Спасибо вам за ваши советы, за ваше внимание. С искренними дружескими чувствами – Алексис».

Признаюсь: я испытал колossalное облегчение. Такое облегчение, что пропустил даже слова про «первую любовь». Наверное, он увлекся Эрдиной, пока был в Элисте... Но главное – он понял меня. От опасностей действительно дурных я его отвел. С остальными он справится сам. С конца ноября я ушел в работу до самой весны, и, только когда во Франции вышла моя вторая книга, «Пространства и лабиринты», эта история получила новое неожиданное развитие.

ЗАЧЕМ ОН ПРИЕЗЖАЛ?

Числа 12 апреля я получила мейл со столь уже хорошо известным адресом: le gout du sel («вкус соли») rouge que l'homme tombe (буквально: «чтобы человек упал»). Странновато? Но тогда я был только рад тому, что наша переписка возобновилась.

«Как вы поживаете? Вы снова путешествуете, пишите? Я прошу меня извинить за то, что несколько месяцев не подавал о себе вестей. По возвращении я постоянно переживаю странное ощущение тоски и еще чего-то, чего я не умею назвать, но что властно влечет меня обратно в Россию. Я не умею рассказать об этом, но, вернувшись во Францию, я больше не ощущаю себя дома. Райнера Мартина Рильке так выразил это чувство – одновременно успокаивающее и тревожное – в письмах к молодому поэту: «То, что Россия – моя родина, есть одно из глубочайших и таинственных убеждений, которые я переживаю». Ваша новая книга, «Пространства и лабиринты», как и ваши «Острова», потрясла меня, и я буду продолжать ее чтение, столь многое проясняющее в том путешествии от Каспийского моря к Черному, которое я совершил. Правда, статья, которую я написал, мне тотчас показалась поверхностной и рыхлой, и я должен поблагодарить вас за это. Эти места окутаны тайной, степь глубока, волжская дельта разворачивает (на горизонтали) загадку корней языка и пространства, центром и, одновременно, пределом которого мне показался Крым. Таким образом, я переписываю свои тексты, неустанно читая ваши. Я должен вам об этом сказать. Отсутствие средств делает невозможным мое немедленное возвращение, но я надеюсь, что этим летом я смогу на несколько дней... Перед тем как в сентябре–октябре отправиться в большое путешествие на велосипеде... Приедете ли вы во Францию? С искренними дружескими чувствами...».

Читатель уже понял, что весь этот материал – не что иное, как миниатюрный роман в письмах: исчезающий эпистолярный жанр, столь популярный в XVIII столетии. Я не буду перегружать его излишними подробностями. Мой ответ датирован 16 апреля 2012 года.

«Алексис! Я получил ваше письмо, которое очень меня порадовало. Я вас не забываю, хотя я, кажется, так и не отправил вам мейл после вашего возвращения во Францию. Я нагло ушел в работу. Речь идет о моей новой книге, «Тотальная география Каспийского моря». Это странное путешествие вокруг Каспия продолжается уже двенадцатый год, но я не жалею об этом. На этой неделе мы с женой едем в Казахстан, чтобы провести несколько весенних дней в одном из самых прекрасных мест каспийского побережья – на полуострове Мангышлак. Осенью я очень хочу поехать в Иран, но денежный вопрос «прижимает» меня так же, как и вас.

То же касается калмыцкой степи... Я не знаю, переведен ли на французский язык роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». В нем есть три страницы, посвященные калмыцкой степи (часть I, глава 68); никогда я не читал об этом пространстве ничего более точного,

глубокого, прекрасного и вдохновенного. Во всей русской литературе вы не отыщете ничего подобного. А что касается вашего внутреннего состояния, то могу вас поздравить: вы влюблены. Влюблены в пространства России. Это может быть очень плодотворное чувство, которое даст вам настоящую силу письма и остроту восприятия. Я пережил две подобные влюблённости: одну – в Север, другую – в Среднюю Азию, в те страны, которые я локализовал сейчас вокруг Каспия... Теперь скажите, Алексис, что такое это ваше «большое путешествие на велосипеде»? Всю свою жизнь я мечтал о таком, но так и не собрался...».

Ответ не заставил себя долго ждать:

«...У меня для вас несколько новостей. Работа поглотила все мое время и силы в последние недели. Я тем не менее последовал вашему совету и прочитал несколько страниц Гроссмана в «Жизни и судьбе». Это фантастическая книга. Студентом я смаковал ее, читая в первый раз. Я буквально плавал в ней... Желание нового странствия жжет меня, как кислота. Путешествие на велосипеде, о котором я вам рассказал, – моя давняя мечта. Задача – примирить непримиримое и соединить несоединимое – Запад и Азию, о чем вы говорите в пятой главе вашей книги. Я мечтаю пересечь Евразию. Для начала на велосипеде, потом, быть может, пешком или на лошади. Как бы то ни было, это путешествие в большей степени требует терпения, чем храбрости, уверяю вас. Надо смириться перед расстояниями, которые властвуют над пространством и временем одновременно. Я рассчитываю стараться в Бретани, чтобы в конце концов достичь, как мне бы хотелось, Камчатки. Это, в некотором смысле, путь, противоположный тому, который проделал со своей экспедицией французский мореплаватель Лаперуз. Мы увидимся, вероятно, раньше, но, во всяком случае, я буду держать вас в курсе. Может быть, будущей весной... Алексис».

К этому посланию прилагался текст. Когда я прочитал его, я понял, что этот парень приехал сюда не зря. Он – не турист. Он – поэт и исследователь. И я искренне рад, что хоть немного оказался полезен ему тогда, в ноябре.

КАЛМЫЦКОЕ ПИСЬМО

«Дорогой друг. Мне надо быть честным: я просто хотел увидеть степь. Но пока я шел по степи, она тоже прошла по мне и забросила вдруг на окраину города, на последний этаж хрущевки – четырехэтажной бетонной коробки для жилья, которыми усыпаны пригороды во всех уголках России. Я приехал, чтобы встретить ее, но все еще сомневаюсь, что линии судьбы сдержат свое обещание.

Говорят, что Элиста – это старая вдовая царица, которая владычествует над всеми степями калмыков до самой Джунгарии, их родной стороны, рядом с Монгoliей, в Центральной Азии.

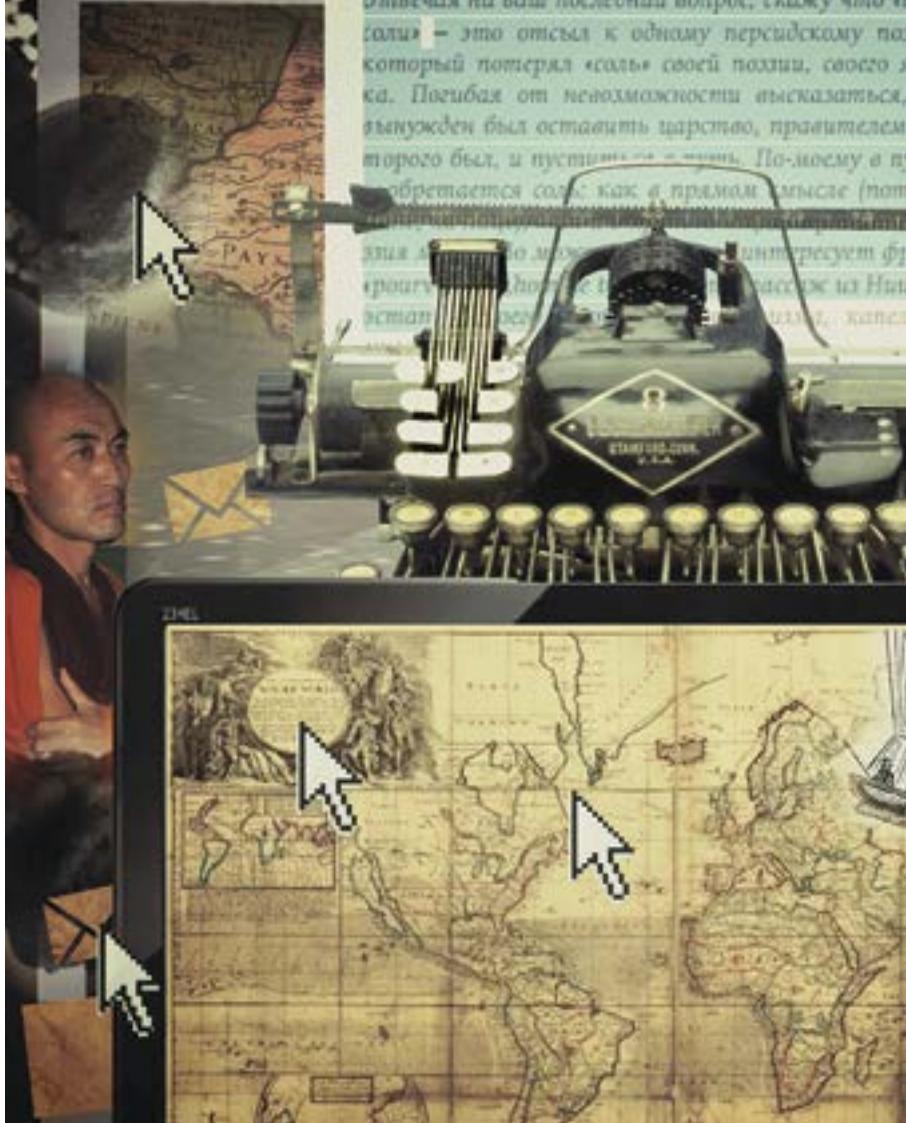
Здесь никто не задается вопросом, надо ли ее любить или следует бояться. Чем-то она похожа на ту женщину, которая пленила Даренского в «Жизни и судьбе». И мне она показалась на первый взгляд прекрасной и доступной, но с первого же жеста, ког-

ОКАНА НОСОВИЦКАЯ

да интимный лоскут ткани сдирается, ее блеск исчезает, и она открывает свое истинное лицо, более жесткое, почти безобразное, истертное жизнью больше, чем ей самой хотелось бы показать. Ты знаешь, что ее имя происходит от слова «эльсен», что на калмыцком означает «песок»? Ноябрь, зима, а ей, в довершение ко всему, предлагают ждать на ледяном ветру, наблюдая, как стягивается к ней со всех сторон поземка и охватывает ее таким кристаллическим холодом, что и она медленно твердеет, замерзает... Элиста будто прячется в степи, которую ее народ исходил вдоль и поперек. Это стойбище, затянувшееся во времени, раскинувшееся, словно кусок грязной, пыльной ткани, покрытой молочными пятнами выпавшего снега. И стены ее – лишь убежище от ветра и песка, но не стены крепости, вокруг которой нарастает город. Четыре века назад караваны ойратов, как говорится в старинном джунгарском эпосе, раскатали войлок своих юрт на этом буром склоне. Они покинули родину из-за межплеменной резни, пересекли Среднюю Азию и в конце концов оказались на правом берегу Волги, на клочке земли, предложенной им Екатериной II. Элиста стала дочерью всей этой эпохи. Изгнание породило это царство, границы которого означены фигурай коня, вставшего на дыбы. Немногие вернулись в предгорья Алтая, где рождается священный источник джунгарского двуголосого распева.

Сегодня трудно сказать, кого обозначает слово «калмык» – тех, что остались, или тех, что ушли на восток, и в этом случае компас – не подсказка. Они жили обычной кочевой жизнью до того дня 1943-го, когда 90 процентов калмыков были выселены в Сибирь. Народ был наказан за то, что разместил фашистского орла рядом с буддистской мандой, быть может, в память о двуглавом орле казаков, которому они хранили верность в царские времена. Народ сохранил неувядашую память о колхозах, о возвращении на земли, ставшие русскими, оседлыми, потерявшиими саму память о кочевье, о сожженных по приказу красных комиссаров буддистских хурулах... Элиста исчезла, на ее месте оказался поселок Степной. И отныне ее стены – это шершавый бетон зданий, которые степь будто выплюнула, трещинами разбежавшимися по стенам, проникнув колким ветром, полным песка, в полости штукатурки. Я узнал, что она появилась на склонах каньона, проточенного водами моря, когда-то соединившего Черное море и Каспий, после чего работу морских течений доверили ветра, дующие с востока на запад, от одного моря к другому. Элиста выстроена как лабиринт, словно для того, чтобы подтвердить свою пустоту, пустоту моря, моря суши, которое может быть непостоянным и опасным, как тогда, когда оно поглотило сталь танков в ловушках своих песков, когда от Стalingрада, как звук вскрывшегося льда, докатились раскаты разгрома...

Как-то раз, направляясь в степь, я заметил ровную черную массу, будто вырубленную из бурого угля на вершине холма. Я подошел ближе. Тысячи скуластых лиц проступали из бронзы, обрамленные сине-зелеными

ми каемками окислов. Совсем близко был музей – одинокий вагон, в котором во время пути из сибирской ссылки родился поэт. На стенах вагона были фотографии предков, старых калмыков и портрет Владимира Ульянова. Разумеется! Площадь Ленина есть и в Элисте. Его статуя тут, вероятно, самая скромная во всей стране. Она стоит напротив пурпурной, с золотом, пагоды нового хурула, украшенного головами драконов. Прохожие дотрагиваются до ручек молитвенных барабанов, расположенных вокруг него, которые должны трижды зазвенеть, чтобы мольба была услышана. Я присоединился к толпе буддистских паломников, собравшихся внутри осыпанного алмазами хурула и оглашающих огромное помещение тайными мантрами, звук которых пробирает до самых кишок. Потом я отправился в степь, заблудившись на время в Городе Шахмат, пустом и искусственном, по сравнению с которым степь показалась мне куда более гостеприимной. Есть территории, на которых пространство разворачивается не только вширь, но и вглубь, где история и география создают почти непроницаемую, как ковер, поверхность. Да, это бескрайнее и глубокое пространство, где по весне цветут венчики и тюльпаны, которые ветер, безжалостный в ноябре, ласкает в мае, принося вместе с каспийской пыльцой праздник Цаган-сар, благословенный месяц года.

Был очень холодный ветреный день, когда я покидал степь: такой же, как тот, когда я приехал на встречу с нею. Мог ли я мечтать о царице легендарного царства, едва живой, в золотанных одеждах? Но мы сохраним память о степи: у тебя будет это письмо, у меня – кони на фронтонах железнодорожного вок-

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

зала. А тем, кто скажет тебе, что Элиста не существует, ответь, что она – столица не места, но пространства. Нет. Скажи им просто, что я хотел увидеть степь».

ГЕРОЙ ОТКРЫВАЕТ ЛИЦО

В ответном письме я попросил Алексиса рассказать немного о себе: «...Мы НЕ ПОЗНАКОМИЛИСЬ почти год назад. Тем не менее мы интенсивно общались все это время. Благодаря моим книгам вы многое знаете обо мне. Я же не знаю о вас практически ничего. Сколько вам лет? Чем вы занимаетесь? Можете ли вы послать мне вашу фотографию? Это важно для меня. И что означает фраза, которая является вашим адресом... или девизом? Заранее благодарю за доверие...»

Ответ:

«Примите все возможные извинения за некорректность с моей стороны, разумеется, непроизвольную, но для вас все же малоудобную. Представляю себе, как много и как долго вам пришлось переписываться с совершенно незнакомым человеком. Попробую восполнить этот пробел. Мне 26 лет, и, как вы, видимо, знаете, я давно живу в Тюле. Вырос я в Эври, южном пригороде Парижа. И теперь на несколько месяцев вернулся туда, чтобы пожить у мамы, подзаработать денег и слегка сэкономить для путешествия. После моей первой неудачной попытки получить высшее образование – я плохо знал и язык, и литературу – мне в голову пришла счастливая мысль продолжить обучение на географическом факультете. Воистину, то была моя путеводная звезда! Я поступил на второй курс геофака в Лиможе, одновременно сотрудничая с местной газетой «Гора».

Я совершил несколько коротких (один-два месяца) пеших путешествий – в 17 лет в Швейцарию, в 18 – в Ирландию, в 21 – в Андалузию и, вдобавок, проехал автостопом по всей Европе. Я взялся за чтение и пытался наверстать упущенное, читая невероятно много. В то время я играл в панк-группе, и мы часто гастролировали по приглашениям анархистов из разных мест. В 2009-м я на велосипеде доехал из Тюля до Стамбула, но я хотел проехать гораздо дальше – по Шелковому пути до пустыни Такламакан – страны уйгуров в китайской провинции Синьцзян. Это место притягивало меня к себе с тех пор, как я впервые раскрыл географический атлас, и продолжает удерживать тем сильнее, чем больше исторических сведений об уйгурах я узнаю. Я приехал в Стамбул в начале сентября 2009-го, во время страшных наводнений, в которых погибло много людей. Это был провал поездки или ее изнанка, но я, во всяком случае, должен был вернуться – и из-за денег, и из-за того, что не получил необходимых виз – иранской и туркменской, – и из-за испорченного в связи с этим настроения.

Мой отец (с которым я никогда не жил) умер в прошлом году. Могу сказать, что это был незаурядный человек, эрудит, активный диссидент, со временем ставший, как у нас говорят, «правым реакционером». От него в наследство мне достались его ярость и его сила, множество рукописей, статей и политических заметок, а также большая моногра-

фия по истории наркотиков, которая во многом автобиографична. По возвращении из путешествия я работал над одной пьесой для левого театра. Отчасти именно поэтому я и познакомился с Арманом Гатти и Элен Шатлен (Гатти – анархист, участник Сопротивления, журналист, знаменитый театральный режиссер. Элен Шатлен – жена Армана Гатти, кинорежиссер и переводчик русской литературы. – Прим. авт.).

С тех пор как в декабре прошлого года я вернулся из России, я работал в газете и редактировал большую поэму, которую я написал после смерти отца. Сейчас я в основном «протисываю» свое путешествие 2009 года и одновременно пишу короткие заметки о своем недолгом путешествии в Россию. Ничего пока не опубликовано. Из своих разрозненных зарубежий я трачу только ровно столько, сколько необходимо для жизни. Остальное откладывают на путешествие. Надеюсь сэкономить достаточно денег и завершить написанное, перед тем как отправиться в Евразийское путешествие на велосипеде. Я знаю, что после Магадана «дороги кончатся», но надеюсь зафрахтовать рыбакское судно, чтобы достигнуть западного побережья Камчатки. Но это – лишь мечта, прикованная к карте, которая никак пока не соотносится с суровостью дикой природы и прочими опасностями этих мест. Вполне может статься, что мое путешествие закончится в Магадане.

Отвечая на ваш последний вопрос, скажу, что «вкус соли» – это отсыл к одному персидскому поэту, который потерял «соль» своей поэзии, своего языка. Погибая от невозможности высказаться, он вынужден был оставить царство, правителем которого был, и пуститься в путь. По-моему, в пути и обретается соль: как в прямом смысле (пот на теле, на лице), так и в переносном (минеральная поэзия мира). Но может быть, вас интересует фраза «pourvu que l'homme tombe»? Это пассаж из Ницше, остаток моего юношеского нигилизма, капелька мизантропии...»

ЭПИЛОГ

В ответ я написал Алексису, что даже капля мизантропии в путешествии является совершенно ненужной, а то и опасной роскошью. Путешествовать, как говорил А. Платонов, надо «с открытым сердцем». Теперь вот жду, что он ответит. Так что наша переписка не закончена. И дело не в том, что теперь мне, по-видимому, придется поучаствовать в Евразийском проекте моего друга. Переписка с Алексисом Лонге стала большим внутренним событием в моей жизни. Я в очередной раз убедился, что не одинок. Что мир полон странных людей, готовых на любые жертвы, чтобы получить «соль» из поэзии странствий. А то, что «территорией любви» Алексиса стала Россия – невольно наполняет меня гордостью. Россия сейчас – неплохой испытательный полигон для нового поколения, не желающего быть просто «поколением потребителей». История продолжается. Пожелайте удачи моему другу.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ШКОЛЫ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТОГРАФИИ

АНТОНА БЕРКАСОВА

ШКОЛА №19 ИМ. В.Г. БЕЛИНСКОГО – ОДНА ИЗ СТАРЕЙШИХ В МОСКВЕ, ЕЙ 161 ГОД. ЗДЕСЬ ПРЕПОДАВАЛ СЕРГЕЙ РАХМАНИНОВ И УЧИЛИСЬ ДЕТИ ЧЛЕНОВ ЦК КПСС. ЗДЕСЬ ЗА ПАРТАМИ СИДЕЛИ И СИДЯТ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОКОЛО 100 «ДИНАСТИЙ» В ТРЕХ ПОКОЛЕНИЯХ. А СОВРЕМЕННЫЕ СТЕНГАЗЕТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ВЫПУСКНИКАМ, УВЕШАНЫ ФОТОГРАФИЯМИ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ.

В ЦЕНТРЕ СТОЛИЦЫ, в районе «Якиманка», на берегу Обводного канала реки Москвы стоит трехэтажное здание из красного кирпича 1935 года постройки. Это – Государственное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением английского языка №19 им. В.Г. Белинского». Английский английским, а имя Белинского было присвоено школе в 1936 году за высокий уровень преподавания русского языка. Тогда же учебному заведению был подарен большой, написанный масляными красками портрет русского критика и публициста, который и сейчас висит при входе в школу. Из окон открывается живописный вид на Соборную площадь Кремля, храм Христа Спасителя, храм Воскресения Христова в Кадашах – таким «обзором» не может похвастаться ни одна другая средняя школа в Москве.

Если пройтись по коридорам и, не вчитываясь, просмотреть только фотографии выпускников в стенгазетах, то встретишь много лиц, знакомых по телевизору: Виктор Гусев, Александр Гуревич, Андрей Макаревич. По архивным данным, в школе №19 учились и учатся представители 100 «династий» в трех поколениях, среди которых, например, фамилии Барто, Паустовского, есть потомки Ильфа и Петрова – Файнзильберги и Катаевы. Я остановилась от неожиданности у стендса с фотографиями Билла Клинтона с супругой. «Да, у нас в гостях в 1998 году был президент США во время одного из официальных визитов в Москву, – пояснила Нонна Андреева, заместитель директора по воспитательной работе школы №19. – А это, как видите, Мадлен Олбрайт – она тоже удостоила нас посещением. Вот на этом стенде – наши постоянные почетные гости: космонавты Алексей Леонов, Александр Серебров, дочь Сергея Королева Наталья».

Я – ПЛОХОЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

История школы началась в 1851 году, когда княгиня Ольга Талызина, урожденная графиня Зубова, открыла женскую гимназию, готовившую гувернанток и домашних учительниц. Ольге Талызиной Михаил Лермонтов посвятил строки: «Не говорите: «Кисть и краски хороши». Они ничто пред тем, что видите в портрете, что вместе редко так встречается на свете: и прелести лица, и прелести души». Патронессой этого учебного заведения была вдовствующая императрица Мария Федоровна, жена Александра III. Второй попечительницей гимназии стала дочь Ольги Талызиной, Мария. Она определила заведению капитал от залога трех населенных имений, находившихся в Каширском уезде Тульской губернии, и высказала пожелание именовать училище Мариинским в память о своей умершей 16-летней дочери, девицы Марии. В школьном музее висит текст Устава училища, где написано: «В училище принимаются девицы всех сословий», «ежегодная плата за воспитание – 100 рублей». «В первую очередь принимались девочки, у кого родители погибли в войне 1812 года или семья не имела возмож-

ности дать образование, – поясняет Нонна Андреева. – Педагогическое образование им давалось, чтобы они могли себя прокормить. Те, кто лишился во время войны кормильца в семье, учились бесплатно или с большой скидкой. Отличницам присуждались именные стипендии». Из расписания уроков видно, что каждый день начинался с Закона Божьего или «свободного урока» – это аналог нашего классного часа. Девочкам преподавались черчение, обязательно французский и немецкий языки, рисование, музыка, арифметика, чистописание. В основу учебного курса легла программа испытаний на звание домашней учительницы, разработанная Московским университетом».

В 1856 году Мариинское училище объединилось с аналогичным Ермоловским и в короткий срок стало одним из лучших московских женских заведений. И неудивительно: обязанности инспектора классов исполнял профессор Московского университета Федор Буслаев, известный лингвист, историк русского языка, автор классической книги «О преподавании отечественного языка». На первый план в учебном процессе он выдвинул не иностранные языки, как

Расписані занятті Маріїнського жіночого училища

Школьные
формы разных
лет

это было повсеместно принято, а русский язык и словесность, изучение в переводах произведений иностранной литературы, всеобщую и русскую историю и естествознание. Огромное значение придавалось письменным упражнениям, проще говоря, сочинениям. Уже в средних классах помимо правописания требовались лиричность, логическое построение мысли, основательность, правильность изложения. Число желающих отдать учиться сюда своих детей возрастало с каждым годом. В 1861 году Мариинско-Ермоловское училище даже удостоилось посещения императрицы, которая подарила заведению портрет, где она была изображена с наследником Николаем. В 1869-м училище снова стало Мариинским – на этот раз в честь императрицы. Распорядок дня воспитанниц теперь нам покажется непривычным. Они вставали в 6 утра, занимались с 9 до 12 часов и с 14 до 17 часов. Провинившихся за шалости или ослушание лишали чая, прогулок и подавали обед за «черный» стол. Имена тех, кто получал высшие баллы по всем предметам и по поведению, вписывали в «золотые доски», имевшиеся в каждом классе.

Учителями состав был блестящим. Теорию музыки с 1894 по 1901 год преподавал Сергей Рахманинов. В школе сохранился текст объяснительной записки Рахманинова к начальнице училища А.А. Ливенцовой. Документ датирован 1894 годом – то есть будущему великому композитору 21 год, он еще студент Московской консерватории, не так давно принят на работу. «Многоуважаемая Алевтина

Экспозиция
«Рабочее место
директора»
в школьном
музее

Александровна! Я ушел сегодня из класса до конца урока в виду того, что мой класс не выучил заданного. Придя домой, узнал от сестер, что эта история дойдет, вероятно, до Вас и что весь класс может быть за это наказан. Я пришел прямо в отчаяние и решил обратиться к Вам с убедительной просьбой простить эту маленькую провинность моему классу и не наказывать их. Я вообще плохой преподаватель, а сегодня еще был к тому же непростительно зол, но если бы я мог знать, что за мою злость ученицы будут расплачиваться, я бы не позволил себе этого. Я против своего желания

даже не зашел сегодня после уроков к Вам, и не зашел оттого, чтобы класс не подумал, что я пошел к Вам жаловаться. Простите, что я осмеливаюсь входить в Ваши распоряжения, но я бы был от всей души рад, если бы эта не стоящая внимания история была бы сейчас же забыта. Я бы успокоился. Преданный Вам Сергей Рахманинов». За период работы здесь композитор сочинил шесть Музыкальных моментов, Ораторию №16, Сюиту для двух фортепьяно, Ораторию №17, двенадцать романсов, Ораторию №21, Второй концерт для фортепьяно с оркестром, Ораторию №18, Сюиту для фортепьяно и виолончели, Ораторию №19 и канту «Весна» на слова Н.А. Некрасова. Шесть хоров для женских и детских голосов были написаны специально для исполнения в училище.

После революции 1917 года в здании бывшего училища на Софийской набережной Москвы была открыта средняя школа №19 для мальчиков и девочек, а с 1932 года она стала десятилеткой. В школе учились дети «Дома на набережной» – сталинской высотки, где жила чиновничья элита СССР, видные представители науки и искусства: Шаумяны, Микояны, Свердловы... «В нашу школу ходил и Артем Сергеев, сын погибшего знаменитого революционера товарища Артема, – говорит Нонна Андреева. – Мальчика взял к себе на воспитание

Иосиф Виссарионович Сталин». В романе «Дом на набережной» родную школу №19 прославил писатель Юрий Трифонов – в нем, правда, герои действуют под вымышленными именами. Но все прототипы себя в нем легко узнали, и много места уделено школе, учителям, особенно Давиду Райхину, учителю русского языка и литературы. Он в годы Великой Отечественной войны воевал на фронте со своими бывшими выпускниками, а после 1945 года собирал о них материалы, хранящиеся ныне в школьном музее. Сейчас в школе №19 работает историком один из его учеников, Игорь Преображенский. «Давид Яковлевич мне однажды рассказал, что на одном из наших родительских собраний присутствовало 12 членов Политбюро ЦК КПСС, – говорит Игорь Преображенский. – И такой эпизод произошел. Один из них написал директору школы записку: «Я должен уйти раньше, поскольку мне предстоит разговор с товарищем Сталиным». Директор обратился к залу: «Ну как, отпустим товарища?» Зал проголосовал «отпустить».

Давид Райхин,
учитель
русского языка
и литературы
в военные
и послевоенные
годы

70-е годы.
Последний
звонок в
старом здании
на Софийской
набережной дает
директор школы
№19 А.Н. Гречуха

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В годы Великой Отечественной войны выпускники и учителя школы ушли на фронт. Практически во всех российских школах хранится память о подвигах выпускников. Но много ли наберется таких, где учились пять человек, награжденных Звездой Героя Советского Союза посмертно? Вот эти имена: Рубен Ибаррури, Менандр Бакинский, Николай Новожилов, Сергей Суворов и Иван Федюк. В их честь в декабре прошлого года на фасаде школы установили мемориальную доску «Ученики школы – Герои Советского Союза», приуроченную к 70-летию битвы под Москвой. Хлопоты по оформлению необходимых документов взяли на себя родители, в числе которых – Владимир Мединский, министр культуры Российской Федерации.

– Владимир Ростиславович на тот момент был председателем комитета Государственной думы по культуре и откликнулся на нашу просьбу по установке мемориальной доски, – говорит Нонна Андреева. – И он нашел время прийти на торжественный митинг по случаю открытия, мы ему очень благодарны за это.

Другая памятная доска, посвященная погившим участникам войны, учителям, выпускникам и учащимся, расположена в вестибюле школы с 1965 года. В школе хранятся воспоминания о героях, письма. Вот, например, воспоминания учителя школы А.В. Яковлевой о Менандре Бакинском: «Менасик Бакинский – это наш отличник,

умница и удивительно развитой юноша. Не было ни одной отрасли науки, в которой он не был бы осведомлен. Начитанный и деятельный, он дома имел маленькие физическую и химическую лаборатории, где проводил наблюдения за животными по изучению условных рефлексов. Результаты его наблюдений были опубликованы в журнале «Юный натуралист». Интересны письма, связанные с именем Вячеслава Сердича, выпускника 1936 года, воевавшего на Ленинградском фронте, погибшего в 1944-м. Пишет его мать: «Батальон, где служил Вячеслав Сердич, зимой 1944 года вступил в бой с немецкими и эстонскими легионами в районе между Чудским и Псковским озерами. Сначала бой развивался успешно, и советские войска заняли небольшую стратегически важную высоту. Но эти успехи оказались мнимыми. Батальон попал в окружение и был почти полностью уничтожен. Погибло более 300 человек. В этом бою погиб и Вячеслав Сердич». Он выполнил обещание, данное в одном из своих писем жене 1 марта 1943 года: «Я скоро заканчиваю учебу и через несколько дней распрошусь со стенами нашего заведения – и снова в бой, а там кто кого. С 2 по 6 марта я сдаю экзамены, далее присвоение звания и в часть. Куда попаду, трудно сказать. О себе не приходится много писать, но твердо я тебя заверяю, что твой муж был и будет честным солдатом. Звание командира, которое мне присвоили на курсах, я оправдаю. Через несколько дней мне исполнится 26 лет. Дело идет к старости, а седина у меня уже давно появилась, особенно в бровях». Федор Клюев, человек замечательной судьбы, еще до войны работал в родной школе старшим пионервожатым. В военные годы он воевал в знаменитом партизанском отряде Сидора Ковпака, вернувшись с победой, окончил летное училище, был зачислен в отряд космонавтов вместе с Юрием Гагариным. Самый известный свой

военный подвиг он совершил в возрасте 12 лет. Оставшись без родителей на оккупированной территории под Киевом, 11-летний Федя попал в партизанский отряд им. К.Е. Ворошилова, воевавший в Брянских лесах. Отряд получил задание уничтожить списки молодых жителей ближайшего села, подготовленных для отправки в Германию. Нужно было поджечь склад с боеприпасами, от взрыва должна была загореться немецкая комендатура, и огонь уничтожил бы списки. Выполнить опасное задание вызвались Федор Клюев и Владимир Ткачев. Взрыв прогремел 20 января 1942 года. Но выбраться из города ребятам не удалось. Чтобы прорваться в отряд и донести ценные сведения, мальчишки пошли на риск. Они схватили местного старосту и заставили его написать записку начальнику полиции о содействии в передвижении. В ней говорилось, что они его дети и идут к родственникам в другое село за продуктами. В деревушке Зеленая Степь ребят задержали фашисты, долго избивали, но ничего не добились, кроме фразы: «Покажите записку своему начальнику». Израненные и голодные, они с трудом добрались до партизанского отряда, передали ценные сведения. За подвиг их наградили орденами Красной Звезды и присвоили звание «Пионер-герой». В школе №19 пионерская дружина носила имя Федора Клюева. «Он и после войны приходил в нашу школу, – говорит Нонна Андреева. – До 1983 года, наверное, пока он жил в Москве и был приписан к летным частям. С учениками наши беседовал. А потом, как нам сказали, он по состоянию здоровья в Крым переехал».

ЧТО-ТО НАСТОЯЩЕЕ

В 1961 году школа стала называться «Средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением английского языка», а в конце 60-х переехала в то здание, где находится и теперь. В конце 90-х в связи с реорганизацией школ Марфы ей хотели

Мемориальная доска «Ученики школы – Герои Советского Союза», открытая в прошлом году

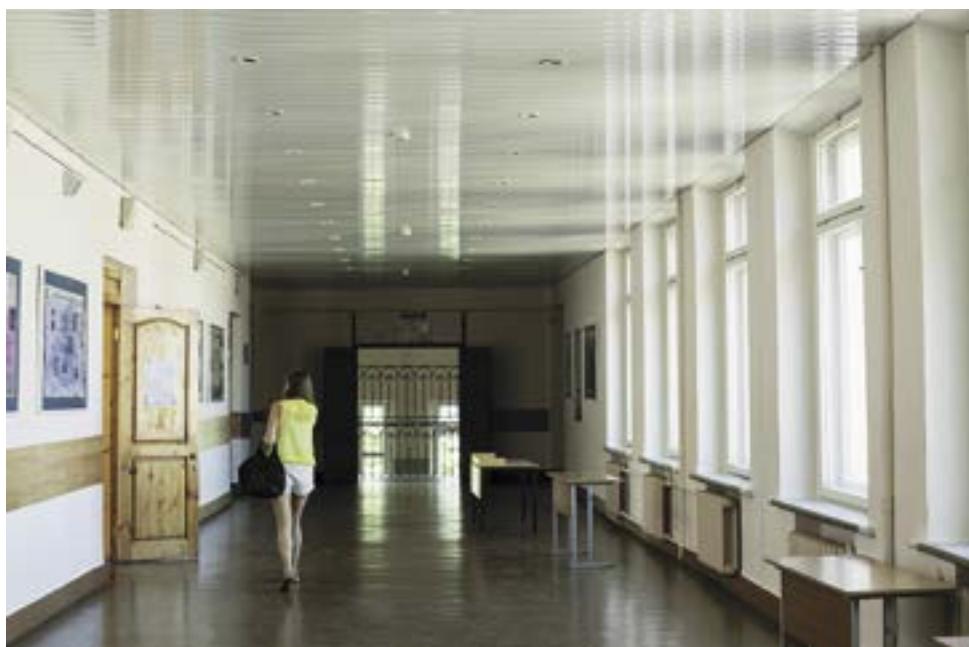
присвоить новый номер – 2061, но выпускники ходатайствовали о том, чтобы школе был оставлен ее исторический номер. Сейчас она является городским ресурсным центром по языковому образованию, активно сотрудничает с МГУ и другими ведущими вузами страны. Перенимать опыт сюда едут педагоги даже из Норвегии, США и Англии. Школа многократно награждалась правительством Москвы как «Школа года». Практически все выпускники поступают в вузы с первого раза, почти треть из них – медалисты. Из 62 учителей трое имеют ученую степень, двое носят звание «заслуженный учитель РФ», 11 имеют звание «отличник народного просвеще-

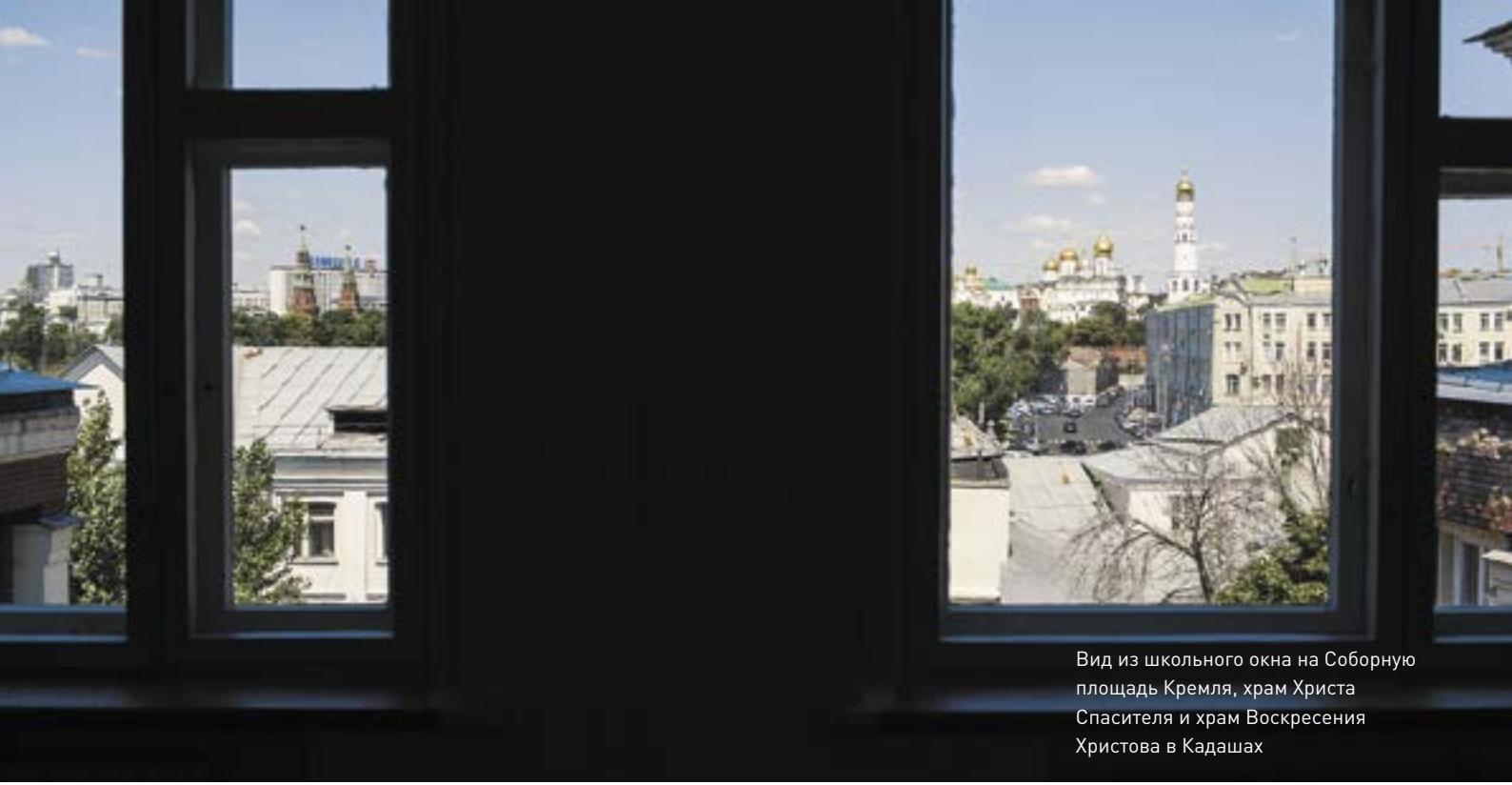
Все стены школы №19 увешаны картинами, стенгазетами, памятными фотографиями

ния». Ряд педагогов совмещают работу в школе с научно-исследовательской работой на кафедрах вузов и научно-исследовательских институтов. Здесь есть клуб для родителей «Снова в школу», в работе которого принимают участие академики Ш.А. Аманашвили и Г.А. Китайгородская. Помимо учебной программы в школе действуют поэтическое объединение «Лира», музыкальная студия, фольклорный ансамбль, изостудия, студия бального танца, компьютерный клуб, клуб путешественников, спортивные секции по футболу и karate, выпускается периодическая школьная газета.

– Многие наши ребята ушли в журналистику, после того как занимались школьной газетой, – говорит Игорь Преображенский. – Недавние выпускники уже работают на телеканале «Дождь», в журнале «Огонек», газете «Известия».

– Фекла Толстая тоже была нашим школьным журналистом, только тогда ее звали Анной, – вспоминает Нонна Андреева. – Нам рассказывали, что на именах Марфа и Фекла для дочек настаивал Никита Ильич Толстой. В тот период такие имена были не особенно популярны, и мать, когда родилась вторая дочь, тайком от мужа зарегистрировала дочь в ЗАГСе

Вид из школьного окна на Соборную площадь Кремля, храм Христа Спасителя и храм Воскресения Христова в Кадашах

под именем Анна. В результате по документам и в школе она была Анной, а дома ее все равно звали Феклой. Окончив школу, Анна решила вернуть себе имя, данное отцом.

Особенно здесь гордятся школьным театром, которым руководит актриса Ольга Сошникова, известная по роли Барбары Крайн, унтершарфюрера СС, из «Семнадцати мгновений весны». Она делает постановки классических спектаклей по Гоголю, Чехову, Уайльду, Шоу, ежегодно к Последнему звонку готовит спектакль, где играют школьные учителя. Бывают и тематические постановки, например к 200-летию Белинского. «В прошлом году наши

учителя играли «Снежную королеву», – говорит Ольга Сошникова. – Так зал со смеха чуть со стульев не падал, глядя на Оленя, учителя физкультуры, или двух финок, которые ввязанных шапочках, с голыми руками ведут у очага диалог на финском языке. Помню, какое сильное впечатление произвели наши первые спектакли, где все по-настоящему. Даже костюмы я брала по знакомству в Малом театре, там работает мой друг Володя Носик». «А вы-то зачем самодеятельностью занялись?» – спросила я. «Так жизнь кинула, – ответила Ольга. – Попросили, согласилась – и увлеклась. Ставлю спектакли не только на русском, но и на фран-

Актриса Ольга Сошникова, руководитель театрального кружка, снявшаяся в эпохальном фильме «Семнадцать мгновений весны» в роли Барбары Крайн, унтершарфюрера СС

цузском, английском языках. С детьми должны работать профессионалы. Не для того, чтобы потом в театральные училища поступать, просто это очень полезные навыки для жизни – умение двигаться, говорить, держаться, подавать себя, владеть собой и ситуацией. Это очень помогает успешно проходить различные кастинги, собеседования. А я получаю от новой работы намного больше удовлетворения, чем когда бы то ни было. Дети такие благодарные! Дорогого стоит вот эта связь поколений, когда мои актеры расплываются в широких улыбках, видя меня, или просто так, от чистого сердца, в коридорах школы устраивают мне овации. Это что-то настоящее, на что не жалко тратить свои творческие силы, вкладывать душу. Сейчас ведь в обществе дефицит искреннего проявления кровеных чувств».

Прощаясь с собеседниками, я размышляла о том, почему выпускники школы №19 чуть не поголовно успешны, в отличие от учеников большинства других школ страны. «Мы гордимся нашими традициями, связью поколений и тем особым духом, атмосферой, укладом, которые нам достались по наследству от Мариинской гимназии, – ответила Нонна Андреева. – И любим Якиманку. Даже трудно перечислить всех видных деятелей и их потомков, учившихся у нас. Микрорайон такой». ●

ХОЖЕНИЕ ИЗ РУСИ В СЕРБСКУ ЗЕМЛЮ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

Нынешней осенью три древнерусские ладьи продолжат поход на Белград, начатый в прошлом году в Петрозаводске.

...Н

ОЧНАЯ БУРЯ утихла, оставив над водой облака плотного тумана. А потому, когда в этой белой мгле, как будто из ниоткуда, возникли силуэты трех древнерусских ладей под парусами, жители

прибрежной деревни сначала не поверили своим глазам. Просто картинка из книги русских народных сказок! Мираж, что ли? Но ладьи, рассеивая туман и рассекая волны реки, упрямо шли к берегу. На их парусах гордо красовались Алкност и Гамаюн.

СТРАННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Когда жители деревни сбежались к берегу, ладьи уже готовились причаливать, сворачивали паруса. Теперь можно было разглядеть, что люди в ладьях одеты в старинные расшитые кафтаны и подбитые мехом шапки, что борта каждой ладьи украшают круглые боевые щиты, а нос венчает голова то ли морского змея, то ли дракона с разверстой пастью. Вот уже шуршат ломающиеся под тяжелым днищем камыши, и первая ладья утыкается в песчаный берег. По деревянным трапам, тяжело ступая, сходят древнерусские воины. Они в длинноносых красных сапогах, кумачовых плащах и стальных

Мимо волжских берегов под парусами

доспехах. Не снимая железных перчаток, хором отсчитывая «раз-два-три», они подтянули ладью ближе к берегу, а канаты ловко обмотали вокруг берез, растущих рядом с водой.

Чувствовалось, что в походе ладья не первый день, что экипаж привык к суровым условиям и что здесь, рядом с Череповцом, они остановятся ненадолго. Первый вопрос, который дружинники задали собравшимся местным жителям: «Церковь рядом есть?» Пока им объясняли, что ближайшая церковь в соседнем селе, воины снимали амуницию, расставляли кованый треножник и посматривали на две другие ладьи, подходившие к причалу.

Иеромонах
Феоктист
лично проводит
экскурсии

Толпа на берегу не могла оторвать глаз от прибывающих судов. Три желтые ладьи-красавицы, плавные контуры бортов которых были украшены красной каймой, замерли у берега. Три морских змея на носу каждой из них задрали головы к небу. Оскаленные пасти словно предупреждали: мы защищаем от любых врагов! Правда, главные враги – это туманы, сырость, волны, мели, камни и шторма. Об этом рассказал человек в черном подряснике. По всему было видно – он здесь главный. Узнав, что церкви поблизости нет, он отдал команду становиться на молитву. Только тогда собравшиеся на берегу сельчане заметили, что среди путешественников есть женщины и дети. Они тоже были одеты в старинную одежду – длинные юбки, подбитые мехом кафтанчики, душегреи и епанчи. Молились прибывшие гости с таким чувством, словно избежали какой-то опасности.

После молитвы гости и местные жители разговорились. На лицах прибывших мужчин была давняя щетина, женщины были утомлены. Сочувствия к странным путешественникам добавила экскурсия по ладьям, которую провел для сельчан тот самый человек в подряснике – отец Феоктист.

Ладьи пахли свежим и влажным деревом. На дне каждой лежали длинные весла. Теснота на ладьях такая, что яблоку упасть негде. Посуда путешественников – глиняная, ложки – деревянные. Вместо столов – боевые щиты. Для освещения пользуются факелами. Во время остановок собирают на берегу грибы и ягоды, ловят рыбу. Для тех, кто стоит у руля, заготовлены козы шкуры, чтобы спасаться от ночной сырости и холода. А экипаж прячется в белых палатках, разбитых прямо в ладьях. И это – единственное укрытие для людей на протяжении всего долгого, в несколько тысяч километров, пути. А курс ладьи держат на Белград. Так наши современники повторяют путь предков тысячелетней давности. В Рыбинском водохранилище они сели на мель. В Онежском озере их потрепал шторм. Но ладьи выдержали все испытания.

– На таких ладьях плавал Садко, а князь Олег ходил на Царьград, – с гордостью рассказываёт отец Феоктист. Корпус, паруса и весла воссозданы по старинным образцам – за чертежи отвечал отец Феоктист. Собраны все три ладьи из смолистой карельской сосны. Эта плотная древесина позволяет сделать обшивку тонкой. Кажд-

дая доска скреплена медными заклепками. Управлять ладьей способен только сильный физически и духовно человек.

Не всем поход оказался по плечу, и причина нынешней остановки под Череповцом – не только пополнение запасов пресной воды и продуктов, но и высадка ослабевших путешественников. Нет, это не дети и не женщины, которые с благодарностью принимали принесенные сердобольными жителями деревни картошку, свеклу, морковь, лук. Это – знаменитый сербский путешественник и телеведущий Йован Мемедович и его оператор Соня Дариеевич. Они загорелись идеей снять фильм о походе на древнерусских ладьях в Белград. Но прошли всего 500 километров:

На стоянках главные гости путешественников – дети

не выдержали ночного холода и последнего шторма, который сначала поднял ладью почти вертикально, а потом положил ее на бок...

Когда провиант и вода были погружены на ладьи, когда экипаж уже помолился и поднял паруса, пошел дождь. Тем, кто остался на берегу, стало совсем ясно, какое тяжелое путешествие ждет людей на этих утлых суденышках. И стало понятнее, почему два серба, которые тоже сейчас стояли на берегу и смотрели на уходящие ладьи, решили прервать свое участие в походе и вернуться домой. А с одной из уходящих ладей отец Феоктист кричал сербам: «Вы перейдите: мы обязательно дойдем до Белграда!»

ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ

...С последней ладьи недолго смотрели на берег, где остались бывшие попутчики. Были другие заботы: осмотр снастей, откачка воды из ладьи, приготовление ужина. И, конечно же, вахта. Надо высматривать в воде бревна, камни и мели, следить за сигналами с других ладей. Поэтому об оставшихся на берегу сербах даже слова не сказали. Здесь не принято обсуждать и осуждать тех, кто проявил слабость. Так заведено. Отец Феоктист не позволил даже осуждать строителей судов, которые сдали корабли с опозданием, из-за чего поход начался на 50 дней позже намеченной даты. Холодной воды на дне ладей, дождей, штормов и осенних ветров можно было бы избе-

жать, если бы не это опоздание. Но все сетования отец Феоктист прерывал одной фразой: «Такое послано испытание». В этот поход он собрал людей со всех концов страны. Костяком дружины стали богатыри из «Богатырской слободы» – архитектурного комплекса, созданного в традициях древнерусского зодчества в живописном месте Жигулевских гор на Волге.

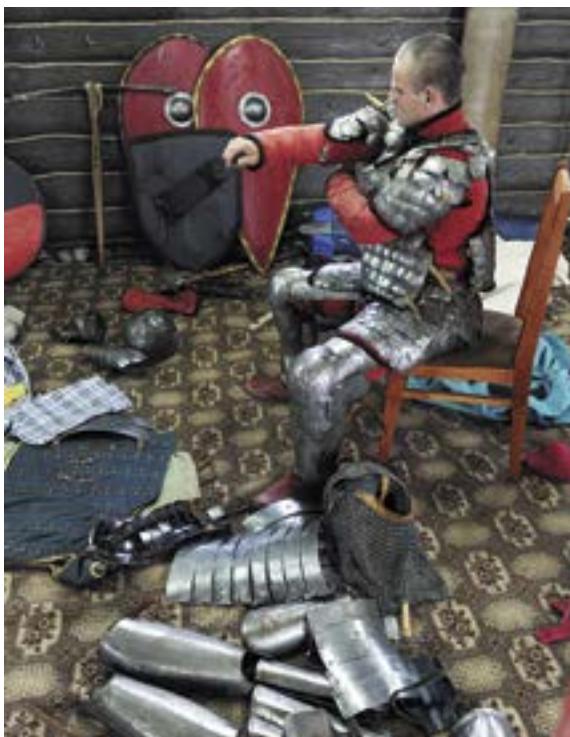
На базе «Слободы» действует школа православной культуры «Русский богатырь», цель которой – возрождение патриотического воспитания. После знакомства с богатырями из сербской дружины «Свибор», которые создают в Белграде Сербскую Витешскую богатырскую заставу, отец Феоктист загорелся мыслью дойти по водному пути на трех ладьях до Белграда и подарить братям-славянам одну ладью. Она поможет им популяризировать свою деятельность. Маршрут от Петрозаводских верфей, где строили ладьи, лежал через Онежское и Белое озера, Рыбинское водохранилище, вниз по Волге до Дона, затем че-

рез Азовское и Черное моря и по Дунаю – в Белград.

К намеченному дню выхода была готова только одна ладья – «Храбр». Другие обещали спустить через неделю. Но неделя растянулась на 50 дней.

Среди богатырей не только зрелые мужи, но и отроки

Собравшимся экипажам пришлось жить в походных условиях по соседству с верфями, на островке Кривой на Онежском озере. Содержание экипажей трех судов за это время истощило запас продуктов и средств, собранных для похода. Пришлось заниматься разнорабочими к местным торговцам, собирать грибы и ловить рыбу. Это ожидание многим показалось невыносимым, и ряды экипажей поредели. Никого из уехавших отец Феоктист не позволил осудить и предложил помочь строителям сооружать корабли. Очищали дерево, шлифовали борта, пропитывали доски для обшивки, сами шили паруса. Головы морских чудовищ для носов ладей рисовал сам отец Феоктист, который помимо всего прочего еще находил время на поиски спонсоров, сочинение песен для укрепления морального духа своих подопечных и исполнение их под гитару. Богатыри с Жигулевских гор устраивали выступления на местных фестивалях, зарабатывая деньги. Поняв, что идти в плавание

В походе
на Белград
девы показали
себя стойкими
путешественницами

придется в холодное время, за-
купили козьи шкуры, и женщи-
ны на острове сшили куртки с
капюшонами для вахтенных.
Наступил сентябрь, в Карелии
начались заморозки, и участ-
никам похода стало понятно,
что в этом году они вряд ли
увидят Белград. «На все Божья
воля!» – сказал отец Феоктист.
А потом стало ясно, что и до
самой «Богатырской слободы»
путь на ладьях окажется тяже-
лым. Начинался сезон штормов,
когда воды Онежского и Белого
озер могут быть не менее опас-
ны, чем любое море. А Рыбин-
ское водохранилище – просто
кладбище для подобных судов.
За три дня до начала похода
шторм сорвал одну из готовых
ладей. Повезло, что отец Фео-
ктист успел ухватить канат и
позвать на помощь, иначе бы
ладью разбило о берег или о бар-
жи. Но и это суровое предупреж-
дение не заставило его отказать-
ся от похода в конце навигации.
Он продолжал считать трудности
посланным свыше испытани-
ем: сумеют в такое время пройти
на ладьях внутренние воды, зна-
чит, преодолеют и моря. Палат-
ки, в которых жили на острове,
утеплили полиэтиленом и растя-
нули на середине палубы каждо-

В таком виде
богатыри ступят
на берега Дуная

го судна. Корабли сразу стали по-
хожи на ладьи с картины Рериха
«Заморские гости».

Собирались в спешке: время
уходило. Так что даже не успе-
ли написать на бортах ладей на-
звания – «Храбр», «Славяна» и
«Витязь». Для этого нужно было
специально вырезать трафареты
со славянскими буквами, а вре-
мени не хватало даже на то, что-

бы сделать крюк и зайти на Кижи,
где путешественникам пообеща-
ли предоставить бесплатные за-
пасы провианта. Все участники
похода облачились в старинные
одежды. Нашли лишнюю пару и
для путешественников с сербско-
го национального телевидения.
Но они, поняв, что это не увесе-
лительная прогулка, а поход под
ветрами и дождями через громад-
ные озера и реки, запаниковали.
Специально для них в охотни-
чих магазинах купили прорези-
ненную спецодежду...

ПО ВОЛНАМ

Двадцать первого сентября, в
холодный и дождливый день,
отец Феоктист освятил ладьи
и произнес напутствие. В нем
были слова о великой радости и
утешении, что труды, которыми
жили ежедневно, принесли
плоды. Но торжественную
речь пришлось прервать: дождь
усилился, да к тому же поднялся
сильный ветер. Надо было
спешно отплывать. Ладьи ушли
в дождовую завесу. Несмотря на
все испытания в самом походе,
путешественники всегда с содроганием
вспоминают именно момент отплытия. Все про-
вожающие сбежали из-за ливня
и сильного ветра, а на причале

осталась лишь одна собака, которая жутко выла в сумрачное и низкое небо. В первые же сутки плавания чуть не потонула ладья «Храбр» прямо на середине Онежского озера. Дерево в ладьях было свежее, разбухнуть не успело, сквозь щели просачивалась вода. Помпа быстро засорилась и вышла из строя. Всю ночь вычерпывали воду ковшами и ведрами, которые передавали по цепочке. Новую помпу купили в Вытегре. Отец Феоктист одновременно руководил ее установкой и успокаивал сербов, которые просили доставить их в ближайший аэропорт. Они плыли на ладье «Славяна», которую и планировалось подарить белградским богатырям. Отец Феоктист хотел, чтобы сербские путешественники убедились в качестве этой ладьи. Но сербы жаловались на качку, из-за которой они не могли ни есть, ни спать, на промокшую до последней нитки одежду, дули на озябшие руки и постоянно вспоминали собаку на причале: «В такую погоду ни один хозяин собаки на улицу не выгонит». Отец Феоктист пытался их ободрить. «Походы трудные раскрывают сердце человека, – уверял он их. – Что он на суще держал, то

Надписи на разваличном камне на пути в «Богатырскую слободу» предостерегают...

Трапезная для дружины сложена, как и полагается, из больших дубов

на море выходит наружу». Сербы вроде бы успокоились. Правда, отец Феоктист утаил от них, что двух машин сопровождения, которые должны были ехать по берегу параллельно ладьям, не будет из-за переноса путешествия на 50 дней. Так что запасов еды и воды нет. И остается надеяться лишь на доброту русских людей. Так начался поход на трех древнерусских ладьях, который отец Феоктист назвал потом самым замечательным путешествием в новейшей истории России. И чего только в этом походе не было!

Через Белое озеро шли ночью, берегов не видели. Качка была страшная, так что рулевые еле могли стоять на ногах. При сильной боковой волне одна из ладей села на мель и страш-

но затрещала. Всю ночь бегали с борта на борт, чтобы раскачать судно и «выдернуть» его с глинистого дна. При плохом ветре и встречном течении ладьи шли на двигателях. Вдруг одна ладья стала заметно отставать от каравана: винт запутался в рыбачьих сетях. Ташить ладью в ближайший порт, поднимать и осматривать винт – большая потеря времени. А ведь следом за караваном, как зверь за жертвой, шел шторм. Но в команде нашелся храбрец – Андрей Губарев из Тулы. Он много раз нырял с ножом в холодную воду и срезал сеть с винта. В походе экипажи менялись ладьями, чтобы лучше изучить каждое судно. Для поднятия духа пели псалмы. А когда сутками напролет шли без остановок, то вставали в ладьях на молитву. Рулевые на румпеле стояли по 12 часов, не сменяясь. Спиртного не пили – только чай и кофе, не курили. Правда, оказался среди нанятых матросов «морской волк», употреблявший непечатные выражения. Дескать, без них в плавании нельзя. Отец Феоктист не раз делал ему замечания. Тот не слушался до тех пор, пока однажды во время шторма не упал за борт. Еле живого вытащили. «Это тебе урок!» – заявил ему отец Феоктист. И напуганный матрос до конца плавания вел себя примерным образом.

На каждой стоянке богатыри проводили тренировки. А если прикачивали в темноте, то занимались при факелах. Рыбой и даже продуктами делились встречные рыболовецкие артели. Вообще, все встречные суда приветствовали ладьи гудками и музыкой. Пассажиры высypали на палубу, кричали, махали руками. Однажды с какого-то теплохода даже начали скандировать: «Мы счастливы, что такое существует в России!» В волжском Плесе экипажам ладей устроили бесплатные экскурсии во всех городских музеях. В Ульяновске ладьи встречали губернатор и казаки. А в Чебоксарах,

куда незадолго перед прибытием ладей привезли мощи святой Матроны Московской и в храмах скопилось много цветов, экипажам подарили много букетов. Начиная с Чебоксар за ладьями по воде тянулась «тропинка» из цветов – так путешественники благодарили всех за помощь.

На каждой остановке отец Феоктист рассказывал людям о значении похода. На ладьях русские люди ходили в боевые походы, торговали и открывали новые земли. Неслучайно ладья является и одним из символов церкви. У любого человека она вызывает восторг. В этом путешественники убедились во время похода. А сколько зрителей собралось в Нижнем Новгороде! Три ладьи под парусами на фоне высотных зданий смотрелись просто фантастически! Жаль, сербам не довелось увидеть восторга людей. Ведь все это было уже после того, как путешественники попрощались с ними. Кстати, больше ни один человек поход не покинул, хотя в составе экипажей плыли даже семилетние дети!

Ладья «Славяна» будет подарена братьям-сербам в Белграде

Сказочный Калинов мост на подступах к «Богатырской слободе»

НА БЕЛГРАД!

Последнюю часть похода по Волге ладьи проделали в полном одиночестве. Встречных судов не было, а рыбачьи лодки скучали кверху дном на берегах. На подходе к родным местам очистка бортов ото льда стала привычным утренним занятием. И стало очевидно, что Белграда в этом году им точно не видать. Путешественники были измощдены,

почти каждый потерял в весе в среднем 10 килограммов. Зато, как отмечал отец Феоктист, если некоторые члены экипажей в начале похода возмущались задержкой строительства, нерасторопностью товарищей и погодными невзгодами, то в конце они стали более сдержанными. На трудности реагировали спокойно. Истерик не устраивали. Повлияли на это и книги ду-

Последний
взгляд
на уходящие
ладьи

ховного содержания, которыми отец Феоктист вооружил участников похода. Двенадцатого октября, оставив позади более 2 тысяч километров, все три ладьи под парусами торжественно вошли

Уверенно, как и тысячу лет назад, смотрит русский витязь на переход ладьи по морю

в родной залив рядом с «Богатырской слободой» и направились на зимнюю стоянку в Тольятти. «Нам говорили: дай вам Бог одну ладью построить, а мы на трех пришли!» – сказал отец Феоктист встречающим и распорядился шить пологи, чтобы укрыть ладьи на зиму.

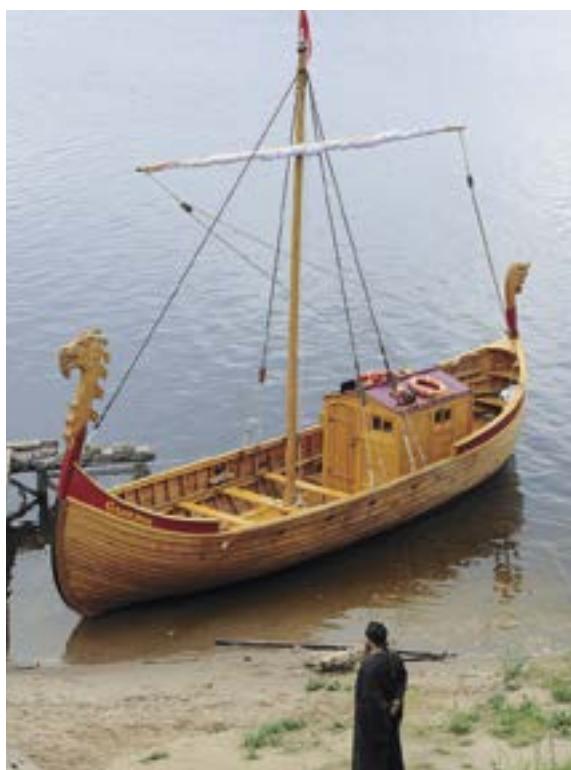
От заключительной части похода на Белград отец Феоктист и не думает отказываться. Обещанную ладью ждут сербские богатыри. Но нужно собрать деньги на уплату приграничных таможенных пошлин, раздобыть средства на покупку дорогостоящих спасательных плотиков, без которых в море нельзя выйти. Нужно изготовить большое количество щитов, чтобы на каждом борту ладьи их висело сразу шесть. Вот тогда ладьи будут полностью соответствовать тем, что на картине Рериха «Заморские гости». Это – образец для отца Феоктиста.

Мы побывали в заливе притока Волги, где стоят три ладьи, в самый разгар подготовки кораблей для завершающей части пути до Белграда. На всех ладьях были уже написаны старо-

славянской вязью их названия. Богатыри учились слаженно управляться с парусами и синхронно работать веслами. Гребсти они будут под удары барабанов, которыми уже снабдили каждую ладью.

– Под барабанный бой, на веслах и войдем в Белград, – делится мечтами отец Феоктист. – Это путешествие – крестный ход, который показывает историю Руси. Когда-то православная Сербия помогла русским, так как первой приняла православие. И наша экспедиция – дань уважения дружественному сербскому народу.

А между тренировками богатырей ладьи принимают на борт детей, приезжающих сюда прокатиться на старинном русском судне. Когда ладьи идут под парусами, то богатыри часто кричат троекратное ура. Но иногда они замолкают. Наверное, в этот момент богатыри рассказывают своим маленьким гостям о прошлогоднем суровом плавании и о том, какой путь уже не по пресной, а по соленой воде им предстоит пройти на этих ладьях. ●

«МНЕ ПОМОГАЕТ НЕИССЯКАЕМАЯ ЛЮБОВЬ МОЕГО НАРОДА К МИФОТВОРЧЕСТВУ»

БЕСЕДОВАЛ

ПЕТР ЧЕРЕМУШКИН

МОСКОВСКИЙ СКУЛЬПТОР ВАДИМ КОСМАЧЕВ ПОКИНУЛ СССР БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ ЛЕТ НАЗАД И СЕЙЧАС СЧИТАЕТСЯ ХУДОЖНИКОМ НЕМЕЦКИМ, ХОТЯ ЖИВЕТ И РАБОТАЕТ В АВСТРИИ, В ВЕНЕ. В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ОН ПОЛЬЗОВАЛСЯ ИЗВЕСТНОСТЬЮ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ, ПОЛУЧАЛ ХОРОШИЕ ЗАКАЗЫ, НО В КАКОЙ-ТО МОМЕНТ РЕШИЛ, ЧТО БУДУЩЕГО У НЕГО ЗДЕСЬ НЕТ. В 1979 ГОДУ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ ИДЕЙ РУССКОГО И СОВЕТСКОГО АВАНГАРДА, КОНСТРУКТИВИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА ВАДИМ КОСМАЧЕВ ПОКИНУЛ СССР ВМЕСТЕ С ЖЕНОЙ, ХУДОЖНИЦЕЙ ЕЛЕНОЙ КОНЕВОЙ, И ДОЧЕРЬЮ МАШЕЙ. СЕГОДНЯ КОСМАЧЕВ – ПРИЗНАННЫЙ СКУЛЬПТОР-МОНУМЕНТАЛИСТ, ПОБЕДИТЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНКУРСОВ.

ВЧАСЕ ЕЗДЫ ОТ ВЕНЫ НАХОДИТСЯ его музей-мастерская, построенная в духе Баухауза, – многоярусный дом с плоской крышей из стекла и бетона. Космачев прекрасно говорит по-немецки, его внуки свободно владеют тремя языками, но родной язык художника – русский, и вся его домашняя библиотека свидетельствует о том, что связи с отечественной культурой он не потерял.

– *Что стало причиной вашего отъезда из СССР и как развивалась ваша жизнь после эмиграции?*
 – Причина моей эмиграции была той же, что и у многих деятелей культуры, вынужденных покинуть страну в 70-е годы прошлого века. Это были художники, музыканты, артисты, писатели, поэты, театральные режиссеры, деятельность которых сковывалась догмами идеологических установок советской системы. Существовали, правда, в то время некие «оазисы-ниши» с относительным полем творческой свободы. Сюда можно отнести театральную сценографию, книжную графику и в большой степени так называемый феномен новой архитектуры, который будет позже на Запа-

де определен как «советский модернизм». Но все эти маленькие островки свободы имели один общий недостаток – время действия в них для каждого участника игры было весьма и весьма ограниченно.

Моя первая работа с архитектурой состоялась в 1975 году в Ашхабаде, куда я был определен последователем великих новаторов в архитектуре француза Ле Корбюзье и японца Кензо Танге – Абдуллоем Рамазановичем Ахмедовым. В то время он был главным архитектором Ашхабада и пользовался известностью в профессиональной среде. Ахмедов строил комплекс библиотеки в столице Туркменистана и хотел установить при нем современную нефигуративную скульптуру. В этом проекте участвовал не только я, но и Эрнст Неизвестный, скульпторы Лемпорт и Сидур. В 1976 году Ахмедов получил за создание комплекса библиотеки Госпремию СССР. В качестве рабочих мне дали заключенных из колонии строгого режима, находившейся неподалеку. И вот в центре советского города, столицы республики, к тому же на площади Фридриха Энгельса, возникает парящая в небе 20-метро-

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

вая вантовая конструкция. Эта ситуация глубиной своей абсурдной несовместимости между господствующей идеологией и полученным результатом была причиной скандала, докатившегося до Москвы. В обычной ситуации на такой площади ставили памятник Marxu или Leninu, а тут – вантовая конструкция. Усилиями энтузиастов, вставших на защиту конструкции, эта работа пережила советскую систему: скульптуру не срезали. После Ашхабада меня постоянно сопровождало ощущение ненужности моих художественных усилий, дисгармония со всем окружающим «компотом жизни». Я чувствовал, что «ниша», которую я занимал в советской стране, могла захлопнуться в любую минуту. Годом позже созрело окончательное решение покинуть СССР. Сначала мне было отказано в поездке в Мавританию на монтаж серии скульптур-мобиле для советского посольства в городе Нуакшот. Мне было объявлено о моей неблагонадежности. И после беседы с двумя сотрудниками известной на весь мир организации я решил попрощаться с СССР. Подача заявления на выезд повлекла за собой исключение из Союза художников, лише-

ние мастерской, долгую волокиту и в конце концов лишение гражданства. В декабре 1979 года мы оказались в Вене. Приземление за границей было довольно жестким. К нашему удивлению, мягкие подушки и матрасы стялились одиозным переселенцам; среди них мы увидели известных на всю Москву торговцев иконами, обслуживавших дипломатический корпус, историков русского авангарда, находившихся под покровительством высокопоставленных советских дипломатов и уже тогда раскрадывавших культурное достояние России. К ним примыкали и те, кто выдавал себя за пострадавших от режима. С этими людьми нас мало что связывало. Наши мытарства первого времени не заслуживают подробного описания. Их было, поверьте, достаточно: мотание по углам, острое безденежье, больницы и похороны. Но мы были молоды и были оптимистами. Именно это нам помогло. Вскоре мы встретили сначала в Австрии, а затем в Германии людей, протянувших нам руку помощи. В Австрии это был Куно Кнобель, бывший корреспондент австрийского телевидения во время войны во Вьетнаме, а в то время, когда

Вадим Космачев
в своей
мастерской
в часе езды
от Вены

мы познакомились, – влиятельный менеджер национальной телевизионной компании Австрии. Ныне, увы, он прикован к постели из-за того, что вел прямые репортажи с мест боев, обработанных ядовитыми химикалиями американской авиацией. А тогда, в 1981 году, в его Art Factory «Fischa Park» мы нашли кров и мастерскую. Именно там стараниями Куно была устроена выставка «Incredible Russians and Andy Warhol» («Необыкновенные русские и Энди Уорхол: Миша Рогинский, Елена Конева и Вадим Космачев»). Тогда же Музей современного искусства Нижней Австрии купил одну из моих работ из серии «Выездные документы». Объект Миши Рогинского «Комната» приобрел японский коллекционер. Также разошлись и акварели моей жены, Елены Коневой. Это был первый луч доброй надежды в нашей тяжелой жизни. Однако к этому времени мы еще не могли решить, останемся ли мы в Европе или отправимся за океан. Решение пришло позже.

– Как же вы приняли решение остаться в Австрии?

– Это произошло не сразу. В 1981 году одна из галерей в Атланте организовала выставку наших с женой работ. Это событие стало поводом посетить США, где мы провели около двух месяцев, оставив dochь оканчивать школу в Вене. Довольно быстро мы заметили, что в Америке существует система «ниш». Только она регулируется рынком, а не социально-политическими рамками заказа. В «нише», заполненной половодьем русских художников-эмигрантов, господствовал соцреализм наоборот. Так называемый соц-арт. Мы в нее не помещались. Эпатирование советской власти, ее быта и ее искусства было мне чуждо и неинтересно. Мы вернулись в Австрию, а в 1983 году переехали в Германию. Это была не нынешняя объединенная страна, а ФРГ, находившаяся на пике своего экономического чуда. Наш переезд стал результатом моего успешного участия в нескольких конкурсах на большие скульптуры в Кельне и Майнце. Мы обосновались в деревушке в 40 километрах от Майнца, где купили небольшое здание бывшей сельской школы с примыкающими к нему подсобными помещениями.

Вскоре нас посетил Витя, сын моего друга Антона Маргулиса, одного из авторов здания нового МХАТа на Тверском бульваре, а теперь преуспевающего канадского архитектора. Разбирая чердачный этаж, Витя нашел бутылку. В ней было послание немецких мальчишек с галстуками и в униформе гитлерюгенда из довоенного, 1936 года к следующим поколениям детей Третьего рейха. Нас поразило совпадение амплитуды социально-политического колебания, заложенного в тексте, с нашим советским пионерским детством, а также то, как реальная жизнь посмеялась и над тем, и над другим. Оставив работу, мы два дня провели за бутылками местного рейнвейна,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

удивляясь трагикомизму судьбы и бесконечной глубине не художественного, а реального абсурда. Это ощущение усилило убеждение в правильности моего выбора.

Наша жизнь в ФРГ начала налаживаться: участие в конкурсах, постройка скульптур в разных городах Германии, выставки, и, что самое главное, началась работа над проектами скульптурных объектов, инсценирующих своими функциями биоритм природы. Немцы заинте-

Мастерскую
Вадим Космачев
строил много лет
при поддержке
семьи

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«К сожалению, часто приходится убеждаться в том, что Россия и Запад живут в разных летоисчислениях. Между пространством Запада и пространством России отсутствует совпадение по времени».

рессовались моими инсталляциями. Первый из этих проектов, «Три облака и радуга», я отправил в 1986 году на открытый конкурс в Трир для строившегося там комплекса университета. Второй – в город Шпаер («Радуга») для местного музея. Оба проекта были отмечены на конкурсе второй премией: солнечные технологии встречали недоверие даже в такой стране, склонной к инновациям, какой была ФРГ в 80-е годы. Но на проекты скульптур, приводимых в движение энергией солнца, обратил внимание Немецкий федеральный фонд защиты среды обитания человека вместе с Музеем конкретного искусства «Ritter». Для демонстрации в музее был выбран проект «Складывающийся квадрат», трансформирующий «Черный квадрат» Малевича в образ, существующий в трех измерениях. Объект размером 8 на 8 метров сжимается и разжимается

преобразованным в электроэнергию солнечным светом, инсценируя планетарную взаимосвязь во Вселенной и, тем самым, меняя контексты авангарда 20-х на актуальную философию нашего времени, философию защиты среды обитания человека.

Много позже «Складывающийся квадрат» был показан в Государственном центре современного искусства в Москве и в Русском музее в Санкт-Петербурге, где мы побывали в июне 2007 года. Прототип проекта был показан на выставке «Любовь к объектам» в Музее современного искусства Нижней Австрии в 2007 году. Теперь он стал составной частью коллекции музея.

– Стало быть, вы бывали в Москве после отъезда? И какие у вас остались впечатления от родины после долгого отсутствия?

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

— Мне показалось, что я вернулся в прошлое. Мои коллеги продолжали жить теми же интересами, что и в 60-е годы: эстетика остается на том же уровне. И мало что изменилось по сравнению с тем временем, когда я уезжал. Художественная жизнь, конечно, изменилась, стала более насыщенной, но она стала принимать форму более активного подражательства Западу, а потому выглядит провинциально. В то же время некоторые визуальные изменения показались положительными. Московские архитекторы, планирующие построить на оси Нескучный сад — «Москва-Сити» реконструкцию «Красного павильона» Константина Мельникова, предложили мне соединить этот шедевр 20-х годов с моим солнечно-кинетическим «Квадратом». Однако денег на это не нашлось. Грустно, но я не падаю духом и продолжаю работать. В этом мне помогает неиссякаемая любовь моего народа к мифотворчеству на грани высокой степени абсурда.

— Что оказалось для вас самым сложным в эмиграции?

— Первые годы адаптации в новом мире всегда бывают сложными. Языками я занимался все-

рьез еще в Москве, памятая урок, усвоенный на встрече с художниками из разных стран в центре фарфоровой промышленности Чехословакии. Тогда в Бехине, в 1971 году, мне приходилось объясняться на пальцах, как с глиной, так и с коллегами. Однако самым трудным было устраниТЬ травму, вызванную тянувшейся годами неопределенностью положения, унижающими достоинство человека отказами на выезд без объяснения причин, потерей родственников, друзей, среды. Выходом стала серия работ, которую я назвал «Выездные документы». Злополучные штемпели, справки, визы и тому подобный мусор, определявший нашу судьбу в недавнем прошлом, были мною трансформированы в объекты искусства. Закончив эти работы и показав их на выставке в городе Граце, я окончательно освободился от вывезенных комплексов и почувствовал, что эмиграция осталась позади. Я стал для немцев своим.

— Когда вы готовились к отъезду, у вас было ощущение, что ваше творчество может не вписываться в западный контекст, в западную жизнь?

Художник не теряет надежды на новые проекты в Москве и в России

– Надо сказать, тот дружеский круг поэтов, художников, музыкантов, в котором я жил в СССР, был хорошо информирован не только о достижениях разгромленного русского авангарда. В 60-х годах мы открывали обэриутов. Несколько позже – их последователей на Темзе и Сене. Нас будоражили постановки «Принцессы Турандот» у Вахтангова и театральные машины Поповой, мы проводили время в запасниках Третьяковки возле железок Татлина. Переехав на Запад, я встретил как что-то очень родное – уже не в репродукциях, а в жизни – кинетику остроумных механических скульптур самого любимого художника Швейцарии Жана Тингели, мобиле Александра Кальдера, прикоснулся к миру Йозефа Бойса, основателя послевоенной школы концептуального искусства ФРГ, и к любимым нами, приклеенным к холсту тарелкам американца Джюлиана Шнабеля. Было приятно почувствовать высокой меры душевный комфорт в окружении так называемой некрасивой живописи Георга Базелица, среди суровых полотен Ансельма Кифера, среди работ блистательного Зигмара Польке. Не зря их называли князьями немецкого искусства. В этом мире мне хотелось жить, хотелось работать.

– Думаю, благодаря тяжелому опыту выживания, полученному в СССР. Именно он стал решающим двигателем моих начинаний после эмиграции. И кажется, не случайно в 2012 году Центр архитектуры в Вене на одной из своих выставок будет показывать мою работу для ашхабадской библиотеки, сделанную тогда, в 1975-м.

– *Хотели бы вы вернуться в Россию? Или вернуть свои работы в Россию с тем, чтобы они были вос требованы?*

– Мне очень сложно ответить на этот вопрос. Прежде всего для меня, как, наверное, для каждого человека, который сделал вклад в культуру, вопроса границ не существует. Но, к сожалению, часто приходится убеждаться в том, что Россия и Запад живут в разных летоисчислениях. Между пространством Запада и пространством России отсутствует совпадение по времени. Путешествие на машине времени – болезненный, тяжелый процесс. Я был в Москве после 28 лет отсутствия, в 2007 году, но не чувствовал себя в близкой мне по духу и образу жизни ситуации. Произошли, конечно, позитивные изменения, хотя многое положительное из того, что я увидел, умаляют не

«Многое положительное из того, что я увидел в Москве, умаляют нелепые изваяния гулливеров, каскады китча на Манежной площади или, еще того лучше, изображение великого поэта, танцующего вокруг невесты у Никитских ворот».

– Вы знаете судьбы других художников, уехавших на Запад. Можно сказать, что ваша история – это исключение?

– Нет, не исключение. Есть весьма преуспевшие художники, но они осваивали социально-политические контексты культуры, замешанные часто на концептуальном искусстве и акционизме второй свежести. К тому же развал Советского Союза и окончание холодной войны сделали соц-арт явлением не актуальным для заокеанского рынка. Были, конечно, попытки реанимации, но они мало помогали: контексты ушли в прошлое, и стало ясно – дети, рожденные политической сиюминутностью, оказались нежизнеспособными. Многие деятели этого движения побежали с нью-йоркской Ист-Ривер опять на берега Москвы-реки с надеждой найти новых доноров, у которых под селедочку со «Столичной» могли бы найти новое признание старые антисоветские анекдоты.

– Почему же у вас получилось найти признание на Западе?

лелые изваяния гулливеров, каскады китча на Манежной площади или, еще того лучше, изображение великого поэта, танцующего вокруг невесты у Никитских ворот. И все это без остановки, без меры, без вкуса. С другой стороны, есть тенденция, ориентированная на имитацию западного «авангарда» и вульгарного примитивного скандала, – достигнуть известности любой ценой. Но остается надежда, что все вышеперечисленное не будет продолжаться вечно и спишется как часть переходного периода истории новой России. С этой надеждой я связываю свое предложение проекта «Сердце города», показанного в 2007 году на выставке «Победа над солнцем» в Государственном центре современного искусства в Москве. Осуществление такого проекта, например, в новом «Москва-Сити», уже поддержанное многими известными архитекторами, могло бы не только стать культурным событием в столице, но и вернуть Москве ее потерянное первенство на сцене мирового авангардного искусства. В каком-то смысле это стало бы символом и моего возвращения на историческую родину. ●

«ГРАД НЕБЕСНЫЙ». «ГРАД ОГУРЕЧНЫЙ»

АВТОРЫ

ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

площадь у гостиного двора Суздаля – муравейник: толпы туристов теснятся у лотков, заваленных сувенирами, павловскими платками и разноцветными ушанками. Рядом бабушки торгают провиантом: на шатких табуретках «ржавеют» лисички, в ведрах жирно поблескивает черника, сияют стеклянные бока банок с засоленными огурцами. один огурец – 5 рублей. во времена СССР сей овоц стоил здесь рубль, и говорят, что тогда в Суздале жили 11 официальных миллионеров...

3 А ГОСТИНЫМ ДВОРОМ зазывают в дегустационный зал – по пробовать медовухи. Дальше – лубочное «Подворье мастеров», где снова – сувениры и валенки. Напротив – солидные «яти» на вывесках антикварных магазинов... Кафе, рестораны, пирожки и леденцы, «молодые люди, прокатимся на лошадке?», гомон... То и дело попадаются иностранцы, обвшанные платками, ушанками и матрешками... Раскрасневшиеся от медовухи соотечественники... Утомленные экскурсводы... На столах и заборах объявления о проведении «Дня огурца»... Есть также «День лаптя», гусиные бои и много еще чего... Хохочущий, хмельной, разухабистый Сузdalь, как нахальный коробейник, теребит вас за рукав, льстиво заглядывает в глаза и подсовывает всякую всячину: купи!

Ошалев от суеты, мы присели передохнуть на паперти Рождественского собора в Кремле. Рядом топтаясь группа японских туристов. Из собора вышла пара: девушка с хмурым лицом что-то тихо выговаривала высокому мужчине, кивая то на храм, то на японцев. Когда они поравнялись с нами, до нас донесся ответ мужчины: «Чем больше экскурсовод сочиняет, тем лучше». Мы переглянулись. А мужчина и девушка, собрав

«Эх, прокачу!»

Огурцы, как и в советское время, остаются «основой» сузальской экономики

японцев, бодро повели их по Кремлевской улице...

Ох, не верьте всему тому, что видите и слышите! Это – не настоящий Сузdalь. Это – «Град огуречный», туристический конвейер, заправлять который рекомендуется исключительно рублями и долларами. Чтобы встретиться с истинным Суздалем, найти воспетый летописями русский «Град Небесный», нужно перевести дух, взять в руки карту и не спеша отправиться на встречу с историей.

МЕСТО КРАСНОЕ

«По положению места, той град имеется построенный на месте красном, ни весьма гористом, ниже паки доловатом и мокром; но несколько хотя местами и долины имущее, но сухое и приятное, и к плодоношению всякому угодное, не токмо овоция, но и древес садовых множество плодящее; от царствующаго града Москвы к северовостоку склоняющеся сто осмъдесят верст разстоянием...» – писал более 250 лет назад ключарь Рождественского собора Анания Федоров. Его «Историческое собрание о Богоспасаемом граде Суждале» было первой серьезной краеведческой работой, а потому стоит помянуть добрым словом этого человека. Чтобы убедиться, что город был построен в «красном месте», нужно по шаткой и крутой лестнице забраться на колокольню церкви Вознесения на торгу. В нескольких метрах от Гостиного двора сияет белизной ее строгий четверик, а рядом притулилась зимняя Казанская церковь. В Суздале так обычно и строили: летняя, не отапливаемая церковь почти всегда соседствует с парной зимней. С колокольни, оккупированной голубями, весь город как на ладони. Прав был священник Федоров: место действительно «красное». Словно зеленым бархатом обволакивают змеиные изгибы реки Каменки обширные луга, и редко где их плавное спокойствие возмущается рощицами. И в какую сторону ни оборотись, куда ни кинь взгляд – всюду взмывают в небо купола церквей и вогнутые шатры-дудки сузальских колоколен. Не мешают друг другу, соседствуют дружно, будто кто-то очень бережно расставлял их, отмечая каждый квартал, каждый угол и каждую границу города – по всем сторонам света. Вот он – «Град Небесный», настоящий Сузdalь, звон колоколов которого разносился по округе на многие километры. Но снова и снова притягивают взгляд усыпанные золоты-

ми звездами пять синих куполов Рождественского собора. Там, в Кремле, где высятся белые стены храма с добрыми львами (именно львы украшали герб владимира-сузальских князей. – Прим. авт.), в древнейшей части города, все и начиналось...

ГРЕКИ, ВОЛКИ И СМОРОДИНА

В излучине Каменки, на высоком левом берегу, и обосновались первые пришедшие на эту землю славяне. Археологи считают, что славяне жили здесь уже в первой половине X века, причем, скорее всего, это были кривичи и ильменские словене (то есть смоляне и новгородцы. – Прим. авт.).

Река хоть и не слишком широка, но как-никак – преграда для врагов. Нет, местное население, моля, пришельцев приняло дружелюбно. Сражаться им пришлось с другим противником. В том же, X столетии здесь ураганом пронеслись свирепые угры. Согласно хронике «нотария короля Белы», будущие венгры под предводительством родственника Атиллы, воеводы Альма, разорили Сузальскую землю, которую хронист называет «Susudal».

Между прочим, до сих пор идет спор о том, откуда пошло название города. Одни, не мудрствуя, утверждают, что здесь князья судили народ, а потому и назвали местечко «Суждалем» (в русских летописях он именно так писался. – Прим. авт.). Другие считают, что имя произошло от славянского глагола «создати», трети – что это славянская форма от племенного имени «Сужда», как, к примеру, Ярославль – от Ярослава. Некоторые уверены, что «Сузdalъ» пошло от угро-финских «щукштору», «суштар», то есть смородина: ягода эта в обилии произрастала в окрестностях. Но были и совсем экзотические версии. Например, «Сузdalъ» выводили то от греческого «сос дulos», что значит «твой раб», то от финского susi – «волк»...

Суздальский кремль.
Архиерейские палаты
и Рождественский собор

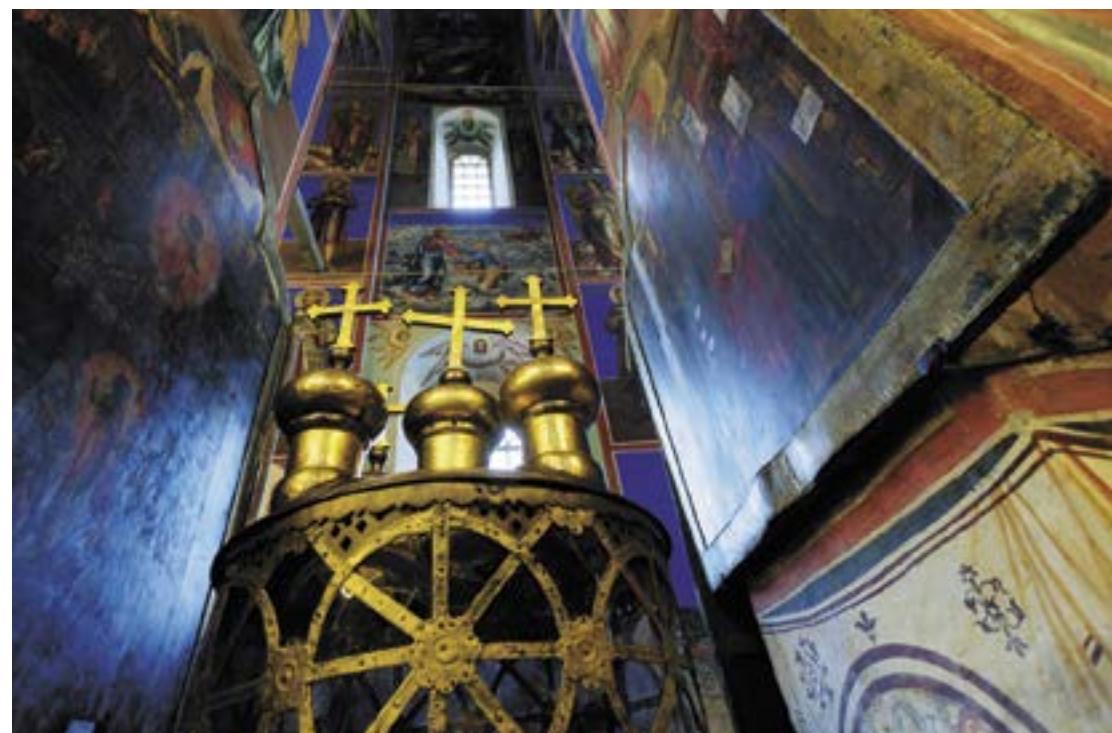
В Рождественском соборе можно полюбоваться на иконы школы Симона Ушакова

КНЯЖЕСКАЯ РАСПРЯ

Спустившись с колокольни, мы столкнулись с парнем в пыльных кроссовках и с тяжелым рюкзаком за плечами, озадаченно рассматривающим карту. К стене колокольни был прислонен видавший виды велосипед. Увидев нас, путешественник явно обрадовался: «Excusez, comme passer vers le Kremlin? De... Да-да-да!» Да не волнуйся, сами туда направляемся. Но француз мотает головой, стучит пальцем по часам – опаздывает. Показываем дорогу. Оседлав велосипед, парень рванул вниз по

Кремлевской улице, переполошив «припаркованных» тут же лошадок.

Мы идем следом, но не спешим: как же не остановиться на середине улицы, чтобы увидеть уходящие вправо и влево от Кремлевской земляные валы? Как не подняться на них? Это ведь те укрепления, что защищали княжеский двор – будущий Кремль. Во второй половине XI века Ростово-Сузальские земли уже были вотчиной Владимира Мономаха. Но русские князья, как известно, постоянно зарились на княжества роди-

чей. Вот и Мономах утвердился в Чернигове – вотчине своего племянника Олега Святославича, изгнанного из Руси и отсиживавшегося то в Тмутаракани, то на Родосе. Но Олег, прозванный Гориславичем за то, что, воюя с родственниками, не раз приводил на Русь половцев, вернулся и отбил Чернигов. Мономах с дружиной ушел в Переяславль, причем, как писал сам князь, сопровождали их половцы Олега, которые на него «скалили свои зубы, как голодные волки». Гориславич же решил закрепить успех и пошел с войском в Ростово-Суздальские земли. В бою с Олегом под Муромом пал один из сыновей Мономаха, Изяслав, после чего Гориславич захватил Суздаль. Другой сын Мономаха, новгородский князь Мстислав, двинул сюда полки, чтобы отомстить за брата. Олег спешно покинул Суздаль, но приказал скечь весь город дотла – уцелело лишь подворье киевского Печерского монастыря. Мстислав же разбил Олега на реке Колокше, после чего Гориславич был вынужден явиться в 1097 году в Любеч на съезд русских князей во главе с Мономахом, чтобы заключить мир и признать разделение Руси на волости.

Вот после этого Мономах и решает укрепить Суздаль, возведя вокруг княжеского двора зем-

ляные валы с острогом – рублеными деревянными стенами. А также закладывает первое в Северо-Восточной Руси каменное здание, Успенский собор, на месте которого позже вырастет Рождественский храм Кремля. Видно, не зря Мономах именно здесь решил строить первый каменный собор. Суздальское предание гласит, что православие сюда принес аж сам святой равноапостольный князь Владимир, поставивший епископом грека Феодора в 990 году. Насчет присутствия в Суздале князя Владимира можно усомниться, а вот захоронение Феодора было найдено в Рождественском соборе. И сейчас здесь можно увидеть деревянную колоду, на крышке которой нацарапано: «а се Феодор епископ Суждальский».

Но даже в XI столетии местное население по большей части оставалось языческим. В Ростове в начале века убивают епископа Леонтия, а в Суздале в 1024 году (тогда Суздаль впервые и упоминается в русских летописях. – Прим. авт.) происходит одно из первых в Древней Руси народных восстаний. И возглавили его волхвы. Бунт был серьезным, раз для его подавления сюда прибыл великий князь Киевский Ярослав Мудрый с дружиной. Людей усмирили, волхвов Ярослав казнил. Но язычество упорно сопротивлялось: в 70-х годах XI века по Суздалю, Ростову и Новгороду прокатилась волна народных восстаний, во главе которых вновь стояли волхвы... А земляные валы Мономаха пригодились, кстати, очень скоро. В 1107 году Суздаль осадили волжские булгары, но взять город не смогли. Пограбили окрестности и ушли. В том же году Владимир Мономах женит одного из своих младших, любимых сыновей, Юрия Долгорукого, на дочери половецкого хана Аепы. Такой династический брак уменьшил возможность помочи половцам другим княжеским родам и усиливал позиции Мономаховичей в борьбе с булгарами, с которыми степняки люто враждовали.

СТОЛЬНЫЙ ГРАД

По преданию, когда Мономах отдал Юрию Ростово-Суздальскую землю, Долгорукий с горечью воскликнул: «Неужели мне нет и удела в Русской земле?» Нет-нет, он вовсе не хотел сказать, что Ростов и Суздаль – не русские земли. В те времена понятие «Русская земля» нередко фигурировало и в узком смысле: если проследить его «географию» по летописям, то оно включало Киев, Чернигов, реку Рось и Поросье, Переяславль-Русский, Северскую землю и Курск. Так сказать, древние родовые земли киевской династии. Да и предлом амбиций любого Рюриковича того времени являлся именно киевский стол.

Неизвестно, какими соображениями руководствовался мудрый Мономах, когда решил отдать северо-восточные земли своему любимчику, но расчет его оказался верным. Именно здесь, именно с Юрия Долгорукого начнется формирование мощного Московского княжества, выросшего сначала в Великую Русь, а затем и в Российскую империю.

Молодой князь оказался очень деятельным. Он с невероятной скоростью закладывает новые города-крепости, всюду строит храмы, успевает вести войны с булгарами, не забывая следить

Борисоглебская церковь в Кидекше, построенная еще Юрием Долгоруким

за тем, что происходит в «Русской земле» на юге. Манит Юрия Владимировича киевский престол, ох как манит! А ведь уже и старший сын, Андрей, подрастает – любимец, умница, бесстрашный боец и помощник отцу во всем, тот, кого в будущем назовут Боголюбским. Набирает Ростово-Суздальская земля силы, богатеет. Вот только в Ростове, крупнейшем городе княжества, Юрий жить не хочет. Может, потому, что Ростов Великий расположен ближе к главному, если не считать булгар, врагу Долгорукого – Великому Новгороду? Новгородская и Ростово-Суздальская земли постоянно враждовали и воевали друг с другом. И продолжится это еще десятилетия – до того момента, когда Андрей Боголюбский уже после смерти отца устроит северному соседу «хлебную блокаду». Ведь, несмотря на вражду, основной поток зерна шел в Новгород из Ростова и Суздаля. Эта мера надолго усмирит гордых новгородцев, но даже в конце XIX века, как отмечал автор путеводителя по Суздалю Михаил Достоевский, на местных ярмарках «лубочные картины, разбрасываемые сузальскими и палехскими офорнами, трактуют излюбленный сюжет битвы с новгородцами». Итак, столицей земли стал Суздаль. Сюда съезжались купцы и послы, князья и паломники, город стал центром религиозной образованности. Рядом с Суздалем, в Кидекше, Юрий заложил еще одну княжескую резиденцию, обнес ее валами и построил церковь Бориса и Глеба, в честь младших сыновей. В данном случае выбор места тоже не был случайным. Во-первых, по преданию, именно в Кидекше святые князья мученики Борис и Глеб встретились перед тем, как идти к Киеву на гибель. Во-вторых, крепостища в Кидекше позволяла контролировать водные пути в Суздаль. Крепости той давно нет и в помине. В Кидекше сохранились лишь остатки валов, но главное – стоит прекрасный белока-

Еще в начале XX века краеведы насчитывали в маленьком Суздале больше 100 куполов!

менный Борисоглебский храм, датируемый 1152 годом. В нем похоронены сын Юрия, белгородский князь Борис, его жена Мария и их дочь Евфросиния... В конце концов Юрий Долгорукий добился своего: после нескольких неудачных походов он все-таки занял киевский стол в марте 1155 года. Но правил там недолго: в мае 1157 года киевские бояре отравили великого князя. А Ростово-Суздальская земля к тому времени уже находилась в надежных руках: Андрей Боголюбский, талантливый политик и правитель, продолжал наращивать силы. Его княжество стало ядром рождающейся новой Руси, приоритет Андрея никем не оспаривался, Киев угас,

Новгород был смирен. Андрей перенес столицу из Суздаля во Владимир, а также по примеру отца устроил себе вторую резиденцию – в Боголюбово. Здесь 29 июня 1174 года он был подло убит своими приближенными... После смерти Андрея Ростов, Владимир и Суздаль ушли на второй план во внутренней политике Руси, уступив главенствующую роль Москве. В начале XIV века сузальские князья предприняли последнюю попытку противостоять растущей силе нового лидера, создав Суздальско-Нижегородское княжество. Но в 1392 году Суздаль окончательно потерял самостоятельность, войдя в состав Московского княжества...

В Борисоглебской церкви еще сохранились фрески XII века

ОПАЛЬНЫЕ ЖЕНЫ

Все, кто в первый раз попадает в Покровский монастырь, поражаются его красоте. Монастырь действительно прекрасен: весь белый, будто сахарный, он сияет на солнце, как жемчужина. Яркие цветники, словно затейливый ковер, окружают постройки со всех сторон. Ажурная галерея, соединяющая колокольню и Покровский собор, придает старой каменной постройке ощущение невесомости и даже праздности. Любаясь этой дивной красотой, трудно представить себе, сколько горьких слез было пролито в этой обители, сколько разбитых женских сердец погребено здесь и сколько тайн надежно хранят эти толстые монастырские стены! Монастырь был основан в 1364 году, но только к началу XVI века он вырос в одну из крупнейших и богатейших обителей Руси. И знаете почему? Потому что превратился в место заточения царских и княжеских жен и дочерей. Первой «пленницей» стала одна из дочерей Ивана III, жертва придворных интриг. Имени ее история не сохранила, но в монастыре она была известна как икоиния Александра. Скончалась дочь Ивана Великого в 1525 году, и ровно тогда же сюда была доставлена великая княгиня, жена Василия III Соломония Сабурова. Муж, обвинив ее в бесплодии, заставил церковь узаконить развод, а жену насиливо постриг в монахини. Случился крупный

скандал: такое на Руси происходило впервые. А Василий III, женившись на Елене Глинской, получил долгожданного наследника, будущего Ивана Грозного.

Но что же Соломония, ставшая Софией? Монахиня София славилась праведностью и скончалась через семнадцать лет после пострига. На могиле ее стали происходить чудеса, а в XVII веке она даже якобы спасла Сузdalь. Но еще при жизни бывшей великой княгини упорно ходила странная легенда. Говорят, уже во время пострига Соломония была беременна и в монастыре родила сына, которого назвала Георгием. Чтобы уберечь его, она объявила, что мальчик умер, а сама отдала ребенка в надежные руки. Видимо, руки эти были не слишком надежны, раз далее легенда гласит, что Георгий стал знаменитым разбойником Кудеяром... Как бы то ни было, но в 1934 году при реконструкции монастыря было найдено детское захоронение XVI века, в котором в деревянном гробике находилась одежда для маленького мальчика. И никаких следов тела! Тайна так и осталась тайной. По злой иронии судьбы следующей высокопоставленной особой, томившейся в Покровском монастыре, стала родственница Соломонии, Евдокия Сабурова, она же – первая жена царевича Ивана, старшего сына Ивана Грозного. В 1572 году Евдокия стала монахиней Александрой по тому же обвинению, что и ее тетка Соло-

Покровский женский монастырь – одна из самых известных в России обителей

монания, – бездетность. Через семь лет к ней присоединилась вторая жена царевича, Феодосия Соловая (в постриге – Параскева), – и тоже по причине бесплодия.

Но самая скандальная история произошла с первой женой Петра I, Евдокией Лопухиной, матерью царевича Алексея. Царь не особо церемонился с раздражавшей его супругой и в 1698 году под конвоем отправил ее в Покровский монастырь, где она была наильно пострижена под именем Елены. Причем расходы на ее содержание были возложены на родственников. Через полгода пребывания в монастыре, бывшая царица стала жить как мирянка, не носила даже монашескую рясу. А в 1709 году завела роман с майором Степаном Глебовым. Через девять лет история эта всплыла на поверхность во время расследования по делу царевича Алексея, которого Петр подозревал в измене. Царь узнал, что мать и сын состояли в переписке, а потому отправил в Сузdalь дознавателей. Те арестовали Евдокию, ее приближенных, нашли ее переписку с Глебовым и... Последствия были ужасные. Царь лично жестоко пытал Глебова на глазах Евдокии, а затем приказал казнить его так, как в России не казнили уже очень давно. Майор был посажен на кол, причем Евдокию заставили смотреть на его мучения. Дни свои Лопухина окончила в московском Новодевичьем монастыре, пережив своего царственного мужа на шесть лет...

Стены Спасо-
Евфимиева
монастыря не раз
спасали сузальцев
от врагов

СТРАШНЫЙ ВЕК

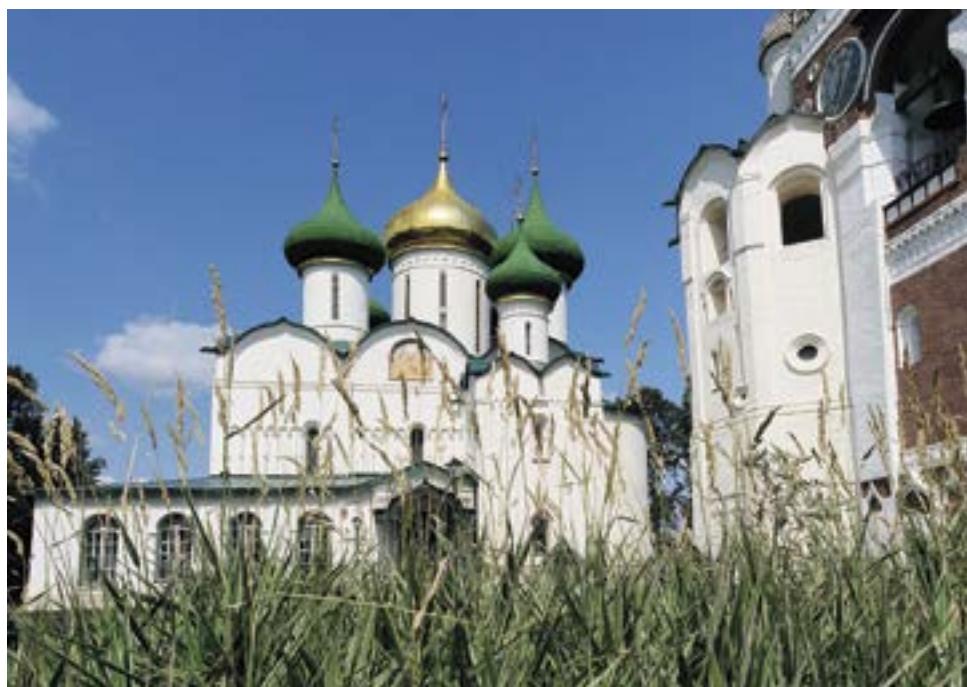
Есть в Суздале место, где в любое время дня можно застать как горожан, так и туристов. Нужно миновать вход в Спасо-Евфимиев монастырь, пройти дальше вдоль колосальной стены – и вот вы уже вышли на лучшую местную стихийную смотровую площадку. Посмотришь направо – тянется вдоль обрывистого берега Каменки мощная стена монастыря со смотровыми башнями, посмотришь прямо – беллеет кружевной накидкой Покровская женская обитель, глянешь налево – высится колокольня Александровского мужского монастыря... Здесь можно сидеть часами. Особенно если прийти сюда на рассвете и дожидаться открытия музея в Спасо-Евфимиевом монастыре...

Этот монастырь, который «яко град» стоит на левом берегу Каменки, основан в 1352 году. Один из последних независимых князей Суздальско-Нижегородского княжества, Борис Константинович, пригласил «сомолитвенника» Сергия Радонежского, монаха нижегородского Печерского монастыря Ев-

фимия выбрать место для обители и возглавить ее. Почти через сто лет после основания монастыря под его стенами разыгралась битва между Василием II, прозванным позже Темным из-за слепоты, и казанскими царевичами Махмудом и Якубом, сыновьями хана Улу-Мухаммеда. Великий московский князь был разбит и попал в плен, но его отпустили через два меся-

ца. Это, кстати, не ханы ослепили князя, а пленившие его годом позже князья Дмитрий Шемяка, Иван Можайский и Борис Тверской. Сия позорная традиция перекочевала на Русь из Византии, где свергнутых императоров или опасных претендентов на престол либо ослепляли, либо оскопляли. После такой «обработки» несчастные уже не могли претендовать на

В XVII веке
Преображенский
собор Спасо-
Евфимиева
монастыря
расписывал
знаменитый
Гурий Никитин

власть, поскольку считалось, что «божий избранник» должен быть физически здоров. Но Василий II все же сумел вернуться в Москву и выгнать из столицы захватившего трон Шемяку. Следующее тяжелое испытание для Суздаля и Свято-Евфимиева монастыря пришлось на годы Смуты. Окончательно запутавшись в чехарде, творившейся в Москве, и лезущих на Русь со всех сторон самозванцах, некоторые волости, в том числе и сузальская, присягнули на верность Лжедмитрию II. Но это не спасло Сузdal' от разгрома. В 1609 году в Спасо-Евфимиевом монастыре обосновался польский авантюрист Александр Лисовский, в отряд которого входили поляки, литовцы и «русские воры». Они убивали мирных жителей, зверствовали, грабили, жгли... По легенде, Лисовский не тронул лишь Покровский монастырь, поскольку во сне ему в грозном облике явилась монахиня София (Соломония Сабурова) и велела оставить в покое и город, и обитель. У проснувшегося Лисовского от страха парализовало правую руку. Сузdal' он по-

кинул в 1611 году, бежав от приближившихся войск князя-героя Дмитрия Пожарского. Есть что-то завораживающее в том, что именно Пожарский, один из потомков Юрия Долгорукого, пришел освобождать город, явившийся столицей княжества его предка, не правда ли?

...Надо сказать, XVII век оказался для Суздаля едва ли не самым тяжелым за все время существования города. Сначала польское разорение, после которого, согласно описи 1612 года, сделанной по приказу стольника и воеводы Дмитрия Пожарского, в городе и окрестностях насчитывалось всего 78 жилых дворов! Около 300 оставшихся стояли пустыми, ибо, как сухо сообщала опись, «люди побиты от литовцев и померли»... Едва город оправился от жесточайшего польского «постоя», как его разоряют крымские татары, а в 1644 году в страшном пожаре выгорает почти весь Сузdal'. Мало того, спустя десять лет здесь начинается моровая язва, которая уносит в могилу 1177 человек! Из всего населения города в живых остается лишь 1390 сузальцев...

По преданию, Александровский монастырь был основан в 1240 году святым Александром Невским

Патриархальный Сузdal'

ЛИХОЛЕТЬЕ

...Ранним утром, пока в городе еще нет туристов, мы гуляем по тихим, почти деревенским центральным улочкам Суздаля. В это время можно без особых усилий представить, что находишься не в XXI, а в XIX веке. Того и гляди, из-за угла, помахивая тросточкой, выйдет Михаило Бальзаминов, а вон из того окна, потирая сухие руки,

Так сегодня
выглядит
Ризположенский
монастырь

ехидно улыбнется Иудушка Головлев... Как все это удалось сохранить? Говорят, когда строили планы по прокладке железной дороги в этих краях, сузальские купцы, скинувшись, дали солидную взятку «большому начальнику» в столице, а потому рельсы «дошли» до Владимира, а Суздаль обошли стороной...

Мавзолей Пожарского
был восстановлен в 2009 году. Но стоит он теперь не над могилой героя, а в нескольких метрах от нее

Кажется, Суздаль дремлет, погрузившись в патриархальную тишину. И трудно поверить, что этот старинный провинциальный мирок даже в XX столетии в очередной раз переживал очередной разгром и разграбление. Но стоит оказаться у Ризположенского женского монастыря, и недавнее прошлое тут же напоминает о себе. Один из древнейших монастырей Руси (основан в 1207 году. – Прим. авт.) по-прежнему практически лежит в руинах. Нет, это пострадали не монголы, разрушившие Суздаль в 1238 году. Тогда из всего города уцелел как раз Ризположенский монастырь, где спаслись выжившие горожане. Это – следы советской «культурно-просветительной» деятельности. Практически все памятники архитектуры в Суздале подверглись разграблению, отношение к ним было поистине варварским. Их разрушали, перестраивали, разбирали на кирпич, взрывали. В Покровском монастыре разместили базу особого назначения, где создавалось бактериологическое оружие, потом организовали детдом. В Спасо-Евфимиевом монастыре на основе острога для «безумству-

ющих колодников» екатерининских времен сначала устроили тюрьму НКВД, затем лагерь для военнопленных, а позже селили сюда колонии для несовершеннолетних преступников. Там же не пожалели даже мавзолей над могилой Дмитрия Пожарского – в начале 1933 года он был разобран. Несчастному, пришедшему в ужас дирекtorу Суздальского музея Василию Ивановичу Романовскому объяснили, что каррарский мрамор мавзолея национального героя пойдет на строительство Дома Советов в Москве... Ныне восстановленные Александровский и Васильевский монастыри, как и многие церкви города, тогда рассыпались на глазах, в оставшихся храмах устраивали зернохранилища и склады... Суздаль пережил и это лихолетье. Восстал из руин, отряхнулся от пепла и пыли. И вновь, несмотря ни на что, засиял в русском ополье древний Град Небесный. Потому что «существуют места, где история неизбежна, как дорожное происшествие, места, чья география вызывает историю к жизни». Разве можно поспорить в этом с поэтом Бродским? ☀

